

BYZANTINA ХРОНИКА

ТОМОС ПРΩΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля
Ординарнаго Академика. Пр.-Док. Слб. Университета.

ТОМЪ I.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1894.

КОМИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.
К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig.
C. Ricker, Königsberger Str. 20.

Василія Охридского, архієпископа (митрополита) Солунского, неизданное надгробное слово

на смерть Ирины, первой супруги императора Мануила Комниня.

Издаваемое нами произведение византійского церковного красноречія заслуживает вниманія и по имени автора, которому принадлежить, и по значенію той личности, кончину которой оплакиваетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по нѣсколькимъ новымъ даннымъ общехistorическаго характера, какія въ немъ заключаются. Въ послѣднемъ отношеніи оно можетъ быть присоединено къ числу источниковъ, объясняющихъ нѣмецко-византійскія отношенія, съ которыми связанъ быль и ходъ втораго крестового похода. Прибавимъ, что въ рукописяхъ рѣчь Василія Охридского встрѣчается крайне рѣдко: мы нашли ее не въ полномъ видѣ въ синайскомъ сборнике, поступившемъ отъ преосв. Порфирия въ Императорскую Публичную библіотеку, а недостающее было выполнено по нашей просьбѣ В. Э. Регелемъ во время его пребыванія въ Эскуріалѣ, гдѣ находится другой и полный ея списокъ. Впрочемъ, объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ концѣ введенія, которое мы посвящаемъ собранію и провѣркѣ доселѣ известныхъ данныхъ о личности автора и самой императрицы Ирины.

I.

Василій Охридский.

Въ ученыхъ справочныхъ пособіяхъ, каковы списки іерарховъ восточной церкви и каталоги греческихъ рукописей, мы находимъ о Василіѣ Охридскомъ, архієпископѣ или митрополитѣ Солунскомъ (оба титула употребляются безразлично и при томъ соотвѣтственно съ ви-

зантійскою термінологією), слѣдующа свѣдѣнія. Прежде чѣмъ сдѣлаться митрополитомъ въ Фессалоникѣ (Солунѣ) онъ бытъ патріаршимъ протонотаріемъ въ Константинополѣ. На своеї епіскопской каѳедрѣ онъ считается преемникомъ *Никиты*, упомянутаго въ одной случайной замѣткѣ о солнечномъ затмѣніи 1133 года (*Montfaucon, Palaeogr. graeca, p. 60?*), и предшественникомъ *Константина*, который бытъ виновникомъ одного синодального постановленія въ 1169 году. (*Rhally, Syntagma V. 98*). Въ 1155 году Василій бытъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и ученыхъ іерарховъ греческой церкви и поэтому папа Адріанъ IV (1154 — 1159), отправляя къ императору Мануилу Комнину посольство для переговоровъ о соединеніи церквей, обратился къ Василію Фессалонікскому съ особыть письмомъ, требуя его содѣствія и посредничества. Въ отвѣтъ на это Василіемъ было написано извѣстное, дошедшее до насъ — вмѣсть съ папскою грамотою — отвѣтное посланіе. Въ 1156-мъ (или точнѣе 1157) году Василій участвовалъ въ мѣстномъ Константинопольскомъ синодѣ противъ Сотириха Пантелейона, какъ видно изъ дѣяній этого собора. Въ канонической литературѣ онъ извѣстенъ какъ авторъ «Отвѣта на вопросеніе о нѣкоторомъ бракѣ». Наконецъ ему принадлежитъ давно отмѣченный, но до сихъ поръ неизвѣстный разговоръ съ Генрихомъ, архіепископомъ Беневентскимъ, объ изходженіи Святаго духа и равнымъ образомъ *пренія* съ латынняниномъ, тоже остающіяся въ рукописяхъ, можетъ быть тождественныя съ предыдущимъ разговоромъ, а можетъ быть и отличныя¹⁾. Съ изданіемъ слѣдующаго далѣе надгробнаго слова Василій вступаетъ въ кругъ церковныхъ ораторовъ столь блестящей эпохи церковнаго краснорѣчія, какимъ бытъ вѣкъ Комниновъ, и долженъ будеть занять свое мѣсто въ исторіи византійской литературы, какъ предшественникъ знаменитаго Евстафія Солунскаго — не по одной только церковной каѳедрѣ.

Мы считаемъ не лишнимъ ближе познакомиться съ данными, на которыхъ основаны вышеприведенныя указанія относительно Василія, чтобы извлечь, если возможно, болѣе точное и отчетливое представленіе

1) Le Quien, *Oriens christianus* I, 47. *Fabrichius-Harless, Biblioth. script. graec. IX*, p. 11 (Lib. V, c. 14), VII, 752 (Lib. V, c. I), XI, 586. *Lambecii Commentar. de bibliotheca. Vindobon.* V, 39. *Δημητράχόποιλος, Graecia orthodoxa*, p. 22, 23. *Остроумовъ, Введеніе въ православное церковное право. Томъ первый* (Харьковъ, 1893), стр. 586.

о характерѣ его дѣятельности и о виѣшней послѣдовательности фактовъ его біографіи.

Усвоенное Василію прозваніе Охридскій указываетъ на его происхожденіе изъ города Охрида или Охриды въ Македоніи; въ византійскую эпоху, какъ и теперь, это былъ городъ по своему преобладающему населенію славянскій, въ X-мъ вѣкѣ онъ былъ столицею болгарскихъ царей, которые перенесли сюда и каѳедру автокефальной болгарской митрополіи, оставшуюся здѣсь послѣ разрушенія первого болгарскаго царства въ началѣ XI вѣка. Одинъ изъ іерарховъ этой каѳедры въ концѣ XI и началѣ XII-го столѣтія, извѣстный своимъ высокимъ образованіемъ и литературною дѣятельностью, Феофилактъ Болгарскій оставилъ Охридъ, какъ обиталище грубыхъ неотесанныхъ варваровъ, чуждыхъ всякой греческой утонченности и даже греческаго языка, всюду приносящихъ съ собою непріятный запахъ овчинной одежды и т. д. Нѣть, однако, достаточнаго основанія предполагать, чтобы Василій по своему происхожденію былъ славянинъ или болгаринъ. И зъ данныхъ, заключающихся въ перепискѣ того же Феофилакта, мы видимъ, что вокругъ архіепископа, поставленаго въ данную эпоху только изъ грековъ, собиралась пришлая толпа не только клириковъ того же происхожденія, но и разнаго рода клиентовъ и слугъ мірскаго чина, не принадлежавшихъ къ славянскому племени. Кроме обычного усвоенного за нимъ имени, Василій Охридскій имѣлъ и другое, встрѣчающееся рѣже, Калоса (*Καλός*), въ которомъ заключается, по видимому, несомнѣнное указаніе на греческое происхожденіе.

Первое упоминаніе о Василіѣ встрѣчается въ перепискѣ извѣстнаго тогда византійскаго ученаго литератора Іоанна Цепи (*Τζέτζης*). Въ сборникѣ его писемъ, изданномъ имъ самимъ, находится одно, адресованное патріаршему протонотарію господину Василію Охридскому¹). И такъ Охридскій уроженецъ нашелъ себѣ място въ средѣ константинопольскаго столичнаго клира Великой Церкви. Поводомъ къ написанію письма послужило для Цепи слѣдующее обстоятельство. Цепи выпустилъ въ свѣтъ свои извѣстныя схоліи на Ликофрона, которыя всѣ считали его собственнымъ произведеніемъ, подъ именемъ своего умершаго брата Исаака; многіе по этому поводу недоумѣвали, а другіе прямо подсмѣивались и острили, что авторъ дошелъ до такого

1) *Joannis Tzetzae Epistolae. edid. Theod. Pressel. Tubingae, 1851. См. pag 23: πρωτονοταρίῳ τῷ πατριαρχικῷ χυρίῳ, Βασιλίῳ (sic) τῷ Ἀχριδηνῷ и т. д.*

помраченія, при которомъ возможно забвеніе своего собственнаго имени. Патріаршій протонотарій тоже выразилъ свое удивленіе, и удостоился получить разъясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ, Цеци, поступилъ такъ изъ подражанія еллинскому ваятелю Фидію, который подъ одною изъ своихъ статуй подписалъ имя своего гораздо менѣе искуснаго товарища и пріятеля (Агоракрита) — просто изъ одной дружбы къ нему: что могъ себѣ позволить Фидій, на то имѣть право и Цеци. Отсюда мы знакомимся съ археологическимъ педантизмомъ византийскаго сколаста, а также получаемъ право заключить, что патріаршій протонотарій близко интересовался тогдашними литературными явленіями и былъ замѣтнымъ лицемъ въ просвѣщенныхъ и ученыхъ кругахъ столицы. Письмо Цеци писано не ранѣе 1138 года, такъ какъ о смерти Исаака, случившейся именно въ этомъ году, говорится въ одномъ изъ *выше помѣщенныхъ* писемъ, а въ первой своей части (до 70 писемъ) эпистолярный сборникъ Іоанна Цеци, какъ доказано¹⁾, составленъ въ хронологическомъ порядке; съ другой стороны — ни какъ не позже 1146 года, такъ какъ ниже встречаются письма къ патріарху *Михаилу* Оксійскому, низложенному въ этомъ году. Митрополитомъ Солунскимъ былъ тогда, по всей вѣроятности, *Никита*, предшествующій въ спискахъ Василію.

Въ другомъ письмѣ Цеци, адресованномъ къ *Анну Комнину*, царственной прославленной писательницѣ, можно найти указанія на то, когда совершилась смѣна на Солунской каѳедрѣ, сопровождавшаяся переходомъ Василія изъ столицы въ Солунь съ архіерейскимъ саномъ. Цеци жаловался старой вдовствующей кесариссѣ, занятой въ то время сочиненiemъ исторіи своего отца, изданной вскорѣ подъ названіемъ Алексіады, на притѣсенія и обиды, терпимыя имъ со стороны ея придворной челяди, особенно ея конюшенныхъ прислужниковъ, отличавшихся крайнею наглостью и дерзостью. При этомъ случаѣ Цеци перебираетъ всю родню своего главнаго обидчика и находить поразсказать о ней веци весьма некрасивыя. *Цурхъ*, тестъ его врага, былъ прежде священникомъ въ Адріанополѣ и за свои хорошия дѣла былъ лишенъ сана, отлученъ отъ церкви и удаленъ изъ города владыкою Адріанопольскимъ, а послѣ переселенія въ Константинополь былъ уличенъ въ злой ереси, вслѣдствіе чего патріархъ

¹⁾ См. особенно Hart, *De Tzetzarum nomine vitis scriptis* (*Jahrbücher für classische Philologie*. Zwölfter Supplementband, 1881), pag. 41—45.

Михаилъ въ предпрошломъ году (κατὰ τὸν πέριστι καιρόν) присудилъ его къ сожжению, да и сыну его *сказанный* патріархъ (*ὁ φηδεῖς πατριάρχης*) велѣть дать 36 ударовъ плетью: спасло только вмѣшательство и заступничество *нынѣшняго* Солунскаго владыки¹⁾. Послѣднія слова указываютъ на то, что очень недавно на Солунской каѳедрѣ возсѣдалъ не тотъ владыка, который ее занималъ въ моментъ написанія письма, и что послѣдній въ предпрошломъ году былъ еще въ Константинополѣ, и *не* былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ *нынѣ*, а принималъ участіе въ судѣ надъ еретиками въ качествѣ духовнаго патріаршаго сановника. Такъ какъ между Никитою, который упоминается въ 1133 году, и Василемъ намъ неизвѣстно никакого другого Солунскаго архіепископа то, очевидно, здѣсь нужно разумѣть нашего Охридскаго уроженца. Патріархъ Михаилъ, о которомъ Цеци выражается тоже какъ о патріархѣ минувшаго времени (иначе онъ не написалъ бы «сказанный» патріархъ, а святѣйшій патріархъ), оставилъ престоль въ апрѣлѣ 1146 года. Итакъ, за нѣсколько времени до удаленія Михаила, нужно полагать въ 1145 году, если не въ концѣ 1144 г., вслѣдствіе кончинѣ Никиты престоль Солунскїи эпархї занялъ Василій Охридскій. Во всякомъ случаѣ въ 1149 году, какъ увидимъ ниже, онъ уже исполнялъ въ предѣлахъ этой эпархї торжественно богослуженіе въ день Пасхи — въ присутствіи царя и царицы. Есть позднѣйшее письмо Цеци (№ 95, Pressel, pag. 84), надписанное прямо «святѣйшему митрополиту Фессалонікскому, господину Василію Охридскому»²⁾, въ которомъ Цеци прославляетъ Василія какъ лучшаго изъ іерарховъ его времени и благодарить за доброе расположение и участіе: это высказалось между прочимъ въ томъ огорченіи, которое обнаружилъ Василій при полученіи извѣстія, — оказавшагося ложнымъ, — о смерти Ioanna Цеци. Невѣрное извѣстіе, впрочемъ не совсѣмъ лишен-

1) Pressel, *Tzetae epistolaes № 55* pag. 45, 46. Издатель не вполнѣ уразумѣлъ смыслъ своего текста и неправильно разставилъ знаки препинанія. Нужно читать такъ: ἐκ τῆς τοῦ Μωσῆλου μονῆς, ἀπεδίωξαν βιαιοτέρως ὁ ἐπίσκοπός (Pressel: βιαιοτέρως. 'Ο ἐπ.) τε Ἀλισάνδρου καὶ ὁ γεγονὼς νῦν πρωτέχδικος. Τούτου (Pressel: πρωτέχδικος τούτου) τοῦ Τζουρίχου Ἀδριανοπολίτου τοῦ κατὰ τὸν πέριστι καιρὸν—παρὰ τοῦ πατριαρχοῦ, χυρίου Μιχαὴλ διαγνωσθέντος τελέως αἱρετικοῦ καὶ καινῆναι ἀπειλουμένου, οὐ καὶ τὸν Τζουρίχον οὐδὲ ὁ ῥῆθεῖς πατριάρχης ἐκέλευσε λαβεῖν τριάκοντα ἐξ σκυτίνους πληγὰς ἄνω τῶν κατηχουμένων τῶν χορυφάιων ἀποστόλων. 'Ο δὲ νῦν Θεσσαλονίκης μεσιτεύσας ἔξεσωσε. Τούτου τοῦ ἀλιτηρίου Ἀδριανοπολίτου γαμβρὸς γεγονὼς ι. π. д. (Pressel: ἀποστόλων). 'Ο δὲ νῦν — ἔξεσωσε τούτου — γαμβρὸς γεγονὼς ι. π. д.

2) Τῷ ἀγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης χυρίῳ Βασιλείῳ τῷ Ἀχριδιώτῃ (Ι. Ἀχριδιώτῃ).

ное основанія, такъ какъ здоровье плодовитаго и почтенного ученаго становилось въ самомъ дѣлѣ очень плохо и онъ сильно страдалъ отъ недуговъ старости, было сообщено въ Солунь изъ *Дерстра* (Силистріи, Доростола) другимъ почитателемъ Иоанна Цеци тамошнимъ епископомъ Львомъ Харсіанитомъ. Къ какому времени слѣдуетъ отнести это второе посланіе Цеци къ Василію, нельзя опредѣлить, потому что во второй половинѣ сборника писемъ Цеци порядокъ ихъ перемѣшанъ — по причинѣ небрежности собирателей и переписчиковъ, о чёмъ сдѣлана замѣтка въ самой оригиналной его рукописи (Pressel, pag. 61).

Для предупрежденія возможныхъ недоразумѣній замѣтимъ, что наши соображенія о возшествіи Василія на Солунскую каѳедру въ 1145 году не опровергаются встрѣчающимся въ одномъ изъ промежуточныхъ писемъ Цеци упоминаніемъ о какомъ-то Константинѣ, тоже имѣющемъ близкое касательство къ архіерейской каѳедрѣ: употребленъ оборотъ рѣчи, способный ввести — особенно при отсутствіи надлежащаго вниманія — въ напрасное заблужденіе и заставить думать о Константинѣ какъ митрополитѣ города Солуна, тогда какъ на самомъ дѣлѣ указывается только на его непосредственную близость къ лицу архіепископа и уже чрезъ это — на посредственное отношеніе къ Солуню, какъ каѳедральному городу. У Цеци написано: ὁ τοῦ Θεοσταλονίκης κύριος Κωνσταντῖνος¹⁾, а это вовсе неравнозначительно съ другимъ болѣе обычнымъ выраженіемъ: ὁ Θεοσταλονίκης (= ὁ τῆς Θεοσταλονίκης). Послѣднее дѣйствительно означаетъ архіепископа Солуни, а первое — человѣка близкаго къ архіепископу Солуни²⁾.

1) *Tzetzae epistolae № 61*, ed. Pressel, pag. 56. Προσαγορευθήτω διὰ τῆς σῆς ὡς πρὸς ἡμᾶς καλλίστης ἀγάπης καὶ ὁ τοῦ Θεοσταλονίκης κύριος Κωνσταντῖνος. Можетъ быть и самое выраженіе *прοσαγορευθήτω* — да будетъ привѣтствованъ — было бы недостаточно почтительно по отношенію къ митрополиту.

2) Въ актахъ собора 1157 года на Сотириха (Mai, Spicileg. tom. X, pag 2) въ перечислении присутствующихъ читается: ὁ Θεοσταλονίκης Μιχαὴλ, а ниже (pag. 22) ὁ θεοφιλέστατος πρωτεΐδιος Μιχαὴλ ὁ τοῦ Θεοσταλονίκης. У Тафеля (Suppl. historiae ecclesiast. graec., pag. 9) о томъ же самомъ лицѣ: ὁ τῆς Θεοσταλονίκης Μιχαὴλ, гдѣ неправильность объясняется, вѣроятно, просто палеографическимъ недоразумѣніемъ. Въ каталогѣ рукописей Эскуріальской библіотеки Э. Миллера (Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial, Paris 1848) въ описаніи знаменитаго кодекса V. П. 20 (№ 262 у Миллера) обозначено одно произведеніе того же Михаила сдѣлающимъ образомъ (pag. 212): τοῦ τοῦ Θεοσταλονίκης κύρ Μιχαὴλ τοῦ βήτορος λόγος ἀναγνωθεὶς εἰς τὸν αὐτοκράτορα κύρ Μακουὴλ τὸν Κομνηνόν. Рѣчь эта теперь издана В. Э. Регелемъ въ первомъ выпускѣ его *Fonies regit Byzantin.* (Petropoli, 1892), pag. 181, но здѣсь при передачѣ надписанія, благодаря влиянию классическихъ пре-

Наибольшую известность Василію Охридскому, занявшему престолъ Солунской митрополії, доставили его polemichecкія состязанія съ представителями римской церкви и сюда же относящаяся знаменитая переписка его съ папою Адріаномъ IV. Акты, излагающіе содержаніе публичныхъ диспутовъ Василія съ латинами, до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ и намъ известны только по каталогамъ западныхъ библіотекъ и по скучнымъ извлеченіямъ и замѣткамъ. По этому попытка дать себѣ болѣе точный отчетъ о взаимномъ отношеніи и хронологической последовательности подразумѣваемыхъ документовъ и фактovъ, къ которымъ они относятся, встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Прежде всего намъ приходится заявить сомнѣніе въ правильности общепринятаго мнѣнія, что Василій имѣлъ только одно состязаніе съ латиняниномъ и что это было именно состязаніе съ (Генрихомъ) Беневентскимъ епископомъ, которое слѣдуетъ относить ко времени папы Александра III. Послѣднее давно известно изъ описанія Вѣнской императорской библіотеки Ламбеція (Ламбека), который, впрочемъ, привелъ изъ текста только вводныя слова, указывающія на вышеозначенную личность папскаго посланца. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія появилось описание греческихъ рукописей Мюнхенской библіотеки; ученый елиністъ Гардтъ (Hardt), его составитель, отмѣтивъ здѣсь два экземпляра «Бесѣды святѣйшаго митрополита Фессалонікскаго (Солунскаго) Василія Охридскаго — съ иѣкіимъ латиняниномъ, присланымъ отъ Римскаго (папы) къ царю Мануилу», прибавилъ отъ себя замѣтку относительно тождества сей бесѣды или разговора съ содержаніемъ Вѣнской рукописи, въ которой вместо *иѣкою* латинина прямо названъ Беневентскій епископъ. Слѣдя въ третиѣмъ томѣ своего прославленнаго труда о патріархѣ Фотіѣ за развитиемъ послѣствій начавшагося въ IX-мъ вѣкѣ раздѣленія церквей, Гергенрѣтеръ сообщилъ иѣкоторыя извлеченія изъ мюнхенскихъ рукописей, и хотя онъ вѣнской не видѣлъ, все-таки онъ послѣдовалъ Гардту въ томъ отношеніи, что предполагалъ между всѣми тождественность содержанія и подтвердилъ ту мысль, что выводимый въ его извлеченіяхъ на сцену

дубѣжденій, въ текстѣ второе той, какъ варварское, опущено, и сохранилось только внизу въ разностеніяхъ. По византійскому словоупотребленію оно, очевидно, необходимо. 'О тѣс Фессалонікѣ; относительно все того же Михаила мы встрѣтились въ изданіяхъ исторіи Никиты Хоніата (Nicet. de Manuele Lib. VII, с. 5. Bonn. 275, 29); но имѣть основаніе и здѣсь подозрѣвать неисправность несвѣдущаго писца или издателя.

латынинъ есть именно Беневентскій епископъ Генрихъ¹⁾. Вотъ въ этомъ именно мы и сомнѣваемся, и въ самомъ текстѣ, сообщенномъ Гергенрѣтеромъ, находимъ основанія для совсѣмъ другаго предположенія. Во второмъ изъ двухъ собесѣданій, слѣдовавшихъ одно за другимъ и тогда же записанныхъ, когда рѣчь шла объ исходеніи Святаго духа (о *Filioque*), латынинъ, настроенный, по всѣмъ признакамъ, весьма уступчиво, заявилъ между прочимъ, что *послѣ* своей встречи или бесѣды *съ покойнымъ епископомъ Никомидійскимъ*, онъ написалъ по данному вопросу собственное сочиненіе и въ этомъ сочиненіи *съ прямымъ и искреннимъ расположениемъ* отнесся къ греческому воззрѣнію, какъ согласному *съ изреченіями святыхъ отцевъ*, принимая его въ томъ смыслѣ, что Духъ исходить отъ отца ἀρχικῶς, подобно тому какъ сынъ—γεννητικῶς²⁾. Итакъ собесѣдникъ митрополита Василія имѣлъ еще ранѣе того сношенія съ греческимъ высшимъ духовенствомъ и нѣкогда бесѣдоваль съ архіепископомъ Никомидійскимъ. Но развѣ намъ неизвѣстно, какое имя изъ среды западныхъ богослововъ можетъ быть поставлено рядомъ съ Никомидійскимъ митрополитомъ? Это есть *Ансельмъ*, епископъ *Гавельсбергскій*, а потомъ—въ концѣ жизни—Равеннскій архіепископъ, два раза съ порученіями отъ двухъ нѣмецкихъ государей посѣтившій Константинополь. Именно онъ воздаетъ величайшія похвалы уму, образованію и учености Никомидійскаго архіепископа Никиты, который во время его пребыванія въ Константинополѣ былъ однимъ и при томъ самыемъ выдающимся въ числѣ *дѣтнадцати дидаскаловъ*, завѣдующихъ свѣтскою и духовною или богословскою науковою³⁾, и въ этомъ качествѣ явился достойнымъ его соперникомъ въ публичномъ преніи, устроенномъ по волѣ императора Калоіоанна въ 1135 году въ Константинополѣ. Имя Никиты Никомидійскаго напоминаетъ Ансельма Гавельсбергскаго. Сей послѣдній дѣйствительно написалъ книгу, въ которой изложилъ содержаніе своей состязательной бесѣды съ греческимъ іерархомъ и при томъ издалъ ону не сейчасъ, а на нѣсколько лѣтъ позже послѣ возвращенія изъ первой поѣздки въ Константинополь

1) *Hergenr ther, Photius, Patriarch von Constantinopel*, III, 807.

2) Ἐγὼ δέ καὶ τὸ περισσότερον εἰς πληροφορίαν προστίθημι, ὃς ἐξ ὅτου τῷ μακαρίῳ Νικομηδεῖας συνέτυχον, καὶ πόνημα συντέταξα ἴδιον τὰ ύμετερα περιθάλπον ἐξ εἰλικρινείας καὶ ἀπὸ χρήσεων ἀγίων ἀνδρῶν δοξαζόντων ἀρχικῶς τὸ πνεῦμα ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεσθαι οἱ τ. д.

3) *Qui juxta morem sapientium graecorum, et liberarium artium et divinarum scripturarum studia regunt.*

и бывшаго тамъ пренія¹⁾. Чѣдь еще важнѣе и рѣшительнѣе, въ этой книгѣ мы находимъ возврѣнія, прямо соотвѣтствующія вышеприведенной (изъ Гергенрѣтера) выдержкѣ изъ бесѣды мнимаго Генриха Беневентскаго съ Василіемъ Солунскимъ. *Ex his verbis beatorum doctorum Hieronymi et Augustini satis concedendum puto, Spiritum Sanctum proprie et principaliter (= ἀρχικῶς) ex Patre tanquam ex prima causa procedere — et cet.* (*Dialogi, Lib. II, cap. 25 Migne, Patr. latin. CLXXXVIII, 1206*). Вотъ на эти именно слова *свои* и ссылается, по видимому, собесѣдникъ Василія Солунскаго (Охридскаго) — уже въ другомъ своемъ диспутѣ, когда прежняго его собесѣдника Никиты Никомидійскаго не было въ живыхъ и когда пришло вести преніе вмѣсто Константинополя въ Солунъ. Такой второй диспутъ Ансельма Гавельсбергскаго, правда, не отмѣченъ прямо въ какихъ-либо другихъ современныхъ источникахъ, но что онъ былъ возможенъ, это легко доказать съ полною очевидностью. Мы уже сказали, что Ансельмъ былъ посломъ при византійскомъ дворѣ два раза. Свою книгу о различіяхъ между восточною и западною церквами, въ которой содержится изложеніе пренія съ Никитою Никомидійскимъ, онъ написалъ по внушенію папы Евгенія III въ 1149 или 1150 году. Затѣмъ въ 1154 году онъ находится въ числѣ приближенныхъ императора Фридриха Барбароссы, который тогда озабоченъ былъ поддержаніемъ союза съ царемъ Мануиломъ. Для скрѣпленія основанной при его дядѣ, Конрадѣ III, дружбы Барбаросса завязалъ переговоры о выдачѣ за него замужъ одной изъ византійскихъ принцессъ, племянницы Мануила, Маріи. Два посольства одно за другимъ были съ этою цѣлью отправляемы въ Константинополь, и во главѣ втораго стояли Ансельмъ Гавельсбергскій и норманскій баронъ Александръ Гравина, который точно также не въ первый разъ туда ѻхалъ²⁾. Обыкновенный путь въ греческую столицу вель тогда чрезъ Адріатическое море и по старой римской дорогѣ (*Via Egnatia*) отъ Диракхія (Драча) черезъ Фессалонику. Здѣсь въ началѣ 1155 или въ концѣ 1154 года

1) Въ прологѣ къ своей книгѣ, (издана впервые у D' Achery — *Spicilegium tom. X, p. 161 et seq.*, перепечатана у Миня (*Patrol. latin., t. CLXXXVIII, p. 1189—1247*) и въ рукописи назнана 'Αντικείμενον *contraporitorum et cet.*) Ансельмъ сообщаетъ, что онъ изложилъ свои собесѣданія и пренія съ греками по желанію папы Евгенія III, изъявленному при встрѣчѣ въ Тускулумѣ, а это относится къ 1149 году. Ср. *Langen, Geschichte der römischen Kirche von Gregor VII* (Bonn, 1893), 396.

2) *Giesebecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit*, V, 87.

нѣмецкіе послы должны были встрѣтиться съ мѣстнымъ митрополитомъ, и Ансельмъ, имѣвшій старыя знакомства среди греческой іерархіи извѣдомый почитатель ученыхъ ея представителей, не могъ уклониться оть встрѣчи съ Василіемъ, а бесѣды и состязанія о *Filioque* и опрѣснокахъ были уже его специальностью. Однимъ словомъ, бесѣда Василія Охридскаго съ латыниномъ, содержаніе которой изложено въ Мюнхенскихъ сборникахъ, есть бесѣда съ Ансельмомъ, происходившая въ 1155 году, и не должна быть смѣшиваема съ другимъ, позднѣйшимъ состязаніемъ, когда совопросникомъ былъ Генрихъ Беневентскій (если только имя послѣдняго въ Вѣнской рукописи не есть плодъ какого-нибудь недоразумѣнія). Утверждаемый нами диспутъ Василія съ Ансельмомъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе другаго знаменитаго документа, относящагося все къ тому же 1155 году; мы разумѣемъ посланіе къ Василію Охридскому папы Адріана IV вмѣстѣ съ послѣдующимъ отвѣтомъ греческаго іерарха. Въ апрѣль этого года, послы Барбароссы воротились изъ Константинополя съ благопріятнымъ отвѣтомъ и Ансельмъ въ награду за его труды и заслуги сдѣланъ былъ Равеннскимъ архіепископомъ¹⁾. Въ этомъ званіи въ самомъ началѣ іюня онъ былъ посредникомъ между Фридрихомъ Барбароссою и папою Адріаномъ, когда рѣчь шла объ условіяхъ коронованія прибывшаго въ Италію нѣмецкаго короля и о выдачѣ Арнольда Брешіанскаго въ руки римскихъ кардиналовъ²⁾. Изъ усть самаго Ансельма папа долженъ быть узнатъ между прочимъ о Солунскомъ состязаніи и объ архіепископѣ Василіѣ. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ Василій прямо предполагаетъ, что причиною благосклоннаго о немъ мнѣнія папы были отзывы недавно бывшихъ въ Солунѣ и бесѣдовавшихъ съ нимъ западныхъ людей. Онъ разумѣеть Ансельма и Александра Гравину. Въ данный моментъ папа Адріанъ, хотя и не былъ въ открытомъ разрывѣ съ Фридрихомъ Барбароссой, но, однако, не вполнѣ ему довѣрялъ и прикрывался въ своихъ дѣйствіяхъ коллегіею кардиналовъ; и въ посланіи къ Василію есть указаніе, столь необычное для другихъ папскихъ грамотъ, на участіе ихъ въ дѣйствіяхъ верховнаго римскаго первосвященника. По видимому, папа Адріанъ IV не особенно радовался сближенію Барбароссы съ византійскимъ императоромъ и хотѣлъ пере-

1) Otton. *Freising. Gesta Friderici*. Lib. II, cap. 20.

2) Giesebricht. *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*, V, 59. Langen, *Geschichte der römischen Kirche von Gregor VII bis Innocenz III*, 418.

вести вопросъ о союзѣ Востока и Запада на церковную почву, чтѣ, впрочемъ, не исключало возможности воспользоваться достигнутымъ возсоединеніемъ (унією) или даже одною перспективою соглашенія и для мирскихъ политическихъ цѣлей. Впрочемъ, папа Адріанъ увѣряетъ, что онъ не имѣлъ въ виду личныхъ честолюбивыхъ цѣлей—вѣроятно, подразумѣвая другихъ, которымъ онъ были не чужды при подобныхъ же стремленіяхъ.—Итакъ, находясь въ ссорѣ съ королемъ южно-итальянскихъ норманновъ, которые обыкновенно служили опорою папского престола въ борьбѣ съ императорскими притязаніями, недовольный также новымъ недавно коронованнымъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссою, который не хотѣлъ сейчасъ же заняться усмирениемъ непокорнаго папы вассала, короля обѣихъ Сицилій Вильгельма, Адріанъ IV съ своей стороны готовъ былъ протянуть дружественную руку Византійскому императору, исконному врагу норманновъ, преслѣдовавшему въ то время широкій планъ возстановленія византійскаго господства въ южной Италии; какъ это было естественно и обычно, политическое сближеніе поднимало вопросъ объ уничтоженіи церковнаго раздора. Въ связи съ политикою обѣихъ сторонъ находится знаменитое посланіе папы Адріана къ архіепископу Василію Солунскому, которое приходится по этому относить къ 1155 году¹⁾. «Со временемъ отдѣленія Константинопольскаго престола отъ Римскаго, писалъ папа, со временемъ отступленія дѣтей отъ послушанія своей матери, предшественники наши прилагали много старанія и трудовъ для уничтоженія схизмы и для возвращенія отпавшихъ къ единству вѣры. Наслѣдовавъ отъ нихъ вмѣстѣ съ апостольскимъ престоломъ заботу о всѣхъ церквахъ, существующихъ во вселенной, и опасаясь отвѣтственности предъ Богомъ, о которой говорить пророкъ (приводится текстъ изъ Іезекіїля 34, 4), я хочу содѣйствовать приведенію всѣхъ чадъ къ единенію вѣры, къ отысканію потерянной драхмы,—научаемый словами апостола, повелѣвающими настоять благовременно и безвременно, и примѣромъ самого Господа славы, ради спасенія людей склонившаго небеса, низшедшаго на землю и принявшаго зракъ раба, чтобы возвратить потерянную овцу своему стаду. Посему, нашъ во

1) Оно напечатано было сначала у Леунклавія (*Leunclavii Jus Graeco-romanum* t. I, 305), затѣмъ перепечатано у Миня (*Patrologia gr.*, t. CXIX, 925—933). Подробное изложеніе въ *Анналахъ Баронія*. На русскомъ языкѣ содержаніе правильно переведано (по Баронію) у Катанскаго, *Попытки къ соединенію церквей* (С.-Петербургъ, 1868), стр. 59—60. Ср. Hergenr ther, Photius III, 806—807. Pichler, *Geschichte der kirchlichen Trennung* I, 190.

Христѣ братъ, мы убѣждаемъ тебя этою грамотою внимательно раздумать о томъ, что существуетъ одна только церковь и одинъ ковчегъ священія, въ которомъ каждый изъ вѣрныхъ долженъ спасаться отъ потопленія, и согласно съ тѣмъ стремиться всѣми способами къ ея (церкви) возсоединенію. Да размыслишь твоя разумность, что церковь Божія не можетъ стоять будучи раздѣленною, что она была вручена блаженному Петру, правителю всѣхъ вѣрныхъ, что святые отцы, просвѣщенные Святымъ Духомъ, повелѣли имѣть римской церкви во всемъ первенство¹⁾ и постановили, чтобы къ ея мнѣнію обращалось сужденіе всѣхъ²⁾ ради спасенія своей души и стяжанія неувидаемой славы. Едитѣльно внимай сначала у себя самого, а потомъ и у другихъ, чтобы твое стадо соединилось съ церковью и господни овцы обратились подъ паству блаженного Петра, который принялъ о нихъ попеченіе отъ Господней заповѣди. Мы при этомъ ищемъ не временной преходящей славы; мы исповѣдуемъ себя рабами рабовъ Божіихъ. Но если мы знаемъ, что Господь и учитель нашъ, чтобы воскресить одного мертвѣца, совершилъ длинный путь, плакать надъ гробомъ и сказалъ: «Лазаре! гряди вонъ», то и мы считаемъ недостойнымъ удер- жать талантъ господина и пренебречь тѣми, которыхъ можемъ ду- ховно (*ἐν ψυχῇ*) воскресить. Впрочемъ, усердно предаемъ любви твоей нашихъ возлюбленныхъ дѣтей — Балдуина и Балдициона (*Βαλδίζιόνυ*), носителей этой грамоты, посланныхъ къ возлюбленнѣйшему нашему сыну, императору Константинопольскому Еммануилу, отъ благочестиваго собранія (*ἀπὸ τοῦ εὐσεβοῦς ἀδρεσμάτος*), прося, ради любви къ Богу, блаженному Петру и апостольскому престолу — съ милостивымъ воззрѣніемъ подавать имъ утѣшеніе въ ихъ нуждахъ. О твоемъ же здравіи желаемъ узнать изъ твоего къ намъ писанія».

Вотъ чѣмъ на это отвѣчалъ греческій іерархъ. «Прочитали мы твое посланіе, святѣйшій папа, и познали всю высоту твоей мысли, глубину твоего смиренія и широту твоей любви къ Богу, вслѣдствіе которой твое апостольское сердце, далекое отъ какой-либо узкости, напротивъ разширяется для принятія и приобрѣтенія христіанъ во всѣхъ церквахъ. Мы услышали голосъ отца, а еще болѣе голосъ архипа-стыря. Какъ отецъ, ты собираешь подъ отеческое твое лоно (*χόλπου*) и кажущихся отчужденными отъ тебя сыновей; какъ пастырь ты по-

1) Πῶς οἱ ἄγιοι πατέρες πασῶν ἐκκλησιῶν τὰ πρωτεῖα ἀπλῶς ἔχειν ἐκέλευσκαν τὴν ἴερὰν καὶ ἄγιαν Ἄρωμαίων ἐκκλησίαν.

2) τυνώμην ἀναφέρειν-ἐτύπωσκαν.

учаешь насъ пастырской и богоизнанной твоей наукѣ—не небречь о паствахъ нашихъ, но всѣми силами заботиться о нихъ и усердно врачевать то, что находится въ худомъ положеніи. Мы услышали, что ты призываешь насъ къ себѣ, и обратились на твой голосъ. Но всячески, если бы мы считали себя сынами чуждыми вашей святости или бы настроены были къ отчужденію отъ твоего пастырского попеченія, то, конечно, мы не признали бы этотъ голосъ за отеческій и не обратились бы на голосъ пастуха, наигрывающаго призывъ къ возврату (*ώς ποιμένος τὸ ἀνακλητικὸν ἄδοντος*); ибо, по слову Господа, никто никогда не признаетъ голоса чужихъ, но скорѣе убѣгаеть отъ него. Итакъ, къ чему образъ потерянной драхмы? Мы не признаемъ себя когда-либо выпадшими отъ твоего лона (*χόλπων*), равнымъ образомъ мы не отказываемся ни отъ сыновства, ни пастырства (при надлежности къ твоей паствѣ), чтобы быть такъ укоряемыми; по милости Божией, мы стоимъ твердо и неподвижно на исповѣданіи блаженного Петра. Того, котораго онъ исповѣдалъ и проповѣдалъ, и мы исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, не вводя какого-либо новшества въ постановленномъ соборне святыми отцами, не прибавляя къ евангельскимъ и апостольскимъ словамъ ни одной черты, ни одной юты. Мы знаемъ отъ проповѣдника языкамъ (апостола Павла), какъ велико наказаніе, угрожающее на то дерзающимъ. «Если я или ангель съ небеси возвѣстить вамъ что либо сверхъ того, что вы приняли, анаѳема да будетъ»¹⁾). Страшась сего, мы совершаємъ животворящую и безкровную жертву, какъ онъ предалъ намъ, принявъ отъ Господа (разумѣется причащеніе на квасномъ хлѣбѣ).... Если бы мы обезумѣли на подобіе тѣхъ пастырей, о которыхъ съ плачемъ говорить пророкъ Йеремія (приводится текстъ), если бы мы были таковы для тебя (въ глазахъ твоихъ), святѣйшій отецъ, то какъ иначе ты могъ бы назвать насъ какъ не заблудшими овцами или потерянною драхмою и многодневнымъ мертвцомъ, лежащимъ во гробѣ? Но не думай такъ о насъ; ибо мы не знаемъ другаго основанія кроме лежащаго, и это самое мы—я и всѣ находящіеся подъ великимъ и апостольскимъ константинопольскимъ престоломъ — тебѣ сообщаемъ и такъ учимъ. Одно въ обѣихъ церквяхъ глаголемое слово вѣры, одинъ агнецъ приносится въ жертву — взимающій грѣхи міра Христостъ — какъ у сущихъ на западѣ архіереевъ, находящихся подъ твою главен-

1) Галат. I, 8.

ственою верховиностью, такъ и у насъ восточныхъ, отъ высокаго константинопольскаго престола приемлющихъ свѣтъ священства, хотя нѣкоторыя маловажныя вкравшіяся посреди преткновенія (протокомпакта) и раздѣли насть, сдѣлавъ многими тѣхъ, кто одного и того же духа. Устранить это изъ среды насть, какъ нѣкіе камни, по слову пророка, отпихнуть съ дороги, сдѣлать единство церквей непреткновеннымъ (*ἀστρόσκοπον*)—будеть дѣломъ твоей святости, христоподражательно приникающей съ неба и раздѣленное собрать какъ желающей, такъ и могущей. Мы же и малы, и малымъ стадомъ управляемъ, владѣя скромнымъ и только каплями (текущимъ) словомъ и будучи чужды всякой добродѣти, хотя Ваша святость и составила себѣ самое высокое о насть представлѣніе, бывъ введена въ заблужденіе любовію къ намъ сюда приходившихъ (ἐνταῦθα ἐπιδεβημηκότων) и бесѣдовавшихъ съ нами. Ваше совершенство, и по (занимаемому) престолу, и по знанію, и по блеску жизни нося образъ и подобіе Христа, конечно будетъ въ силахъ устранить раздѣляющіе насть соблазны (σκάνδαλα) и возвратить церквамъ единство и нераздѣльность. Ваша святость имѣть въ этомъ единомышленника и пособника въ лицѣ нашего державнѣйшаго и великаго въ царяхъ государя, наивысшаго по благочестію, непобѣдимаго по могуществу, непревосходимаго по мудрости, котораго манію и мы подчинимся и котораго владычней волѣ какъ рабы послужимъ».

Мы намѣренно привели эту переписку почти въ полномъ и возможно точномъ переводѣ, потому что она, очевидно, служить для характеристики современныхъ догматическихъ воззрѣній на раздѣленіе церквей, обращавшихся въ XII вѣкѣ, а о второй ея части можно кромѣ того сказать, что здѣсь довольно ярко выражается собственная личность писавшаго, характеръ его ума, степень образования и т. д. Мы не рѣшаемся утверждать, что въ отвѣтѣ Василія папѣ слышится оттѣнокъ тонкой ироніи, какъ выразился одинъ ученый, но неподлежитъ сомнѣнію, что здѣсь все оть начала до конца — начиная съ похвалы смиренію папы, который сравнивалъ себя съ Христомъ, спедшимъ съ небесъ для спасенія людей, и широтѣ его любви—проникнуто извѣстною византійскою тонкостью¹⁾.

1) А. Лебедевъ, Очерки исторіи византійско-восточной церкви XI—XV вѣковъ, стр. 108, полагаетъ, что Василій—съ цѣлью уколоть папу—доказывалъ существованіе двухъ высшихъ первосвященниковъ въ христіанскомъ мірѣ—папы и константинопольскаго патріарха. Kattenbusch, Die orthodoxe Kirche (Freiburg 1892) S. 126, вслѣдъ за Пихлеромъ: Der Grieche antwortete mit der feinsten Ironie.

Къ 1155 году относится возникшее въ Константинополѣ волненіе по поводу догматического толкованія словъ «азъ есмь приносяй и приносимый и пріемлющій», о которомъ мы теперь имѣемъ подробный разсказъ въ недавно вышедшей книгѣ Ф. И. Успенскаго. Въ январѣ слѣдующаго года состоялось первое соборное совѣщаніе, вызванное починомъ новоизбраннаго русскаго митрополита Константина, на которомъ были осуждены главные виновники и распространители мнѣній, признанныхъ ложными и еретическими, въ числѣ ихъ и *Михаила* изъ Солуя, совсѣмъ неправильно принимаемый однимъ нѣмецкимъ, а вслѣдъ за нимъ и однимъ русскимъ ученымъ за Солунскаго митрополита¹⁾). На этомъ соборѣ 1156 года, на которомъ было осужденъ прежній его сотоварищъ по принадлежности къ клиру Великой церкви, Василій, по видимому, не присутствовалъ, потому что имени Фессалоникійскаго архіепископа вообще не названо въ документѣ, содержащемъ перечисленіе соучастниковъ собора. Тѣмъ не менѣе существуетъ нѣкоторый слѣдъ близкой заинтересованности Василія ходомъ предстоявшихъ соборныхъ совѣщаній. Въ собраніи различныхъ выдержекъ изъ сочиненій прежнихъ учителей и отцевъ церкви, приготовленныхъ для собора и по обычаю долженствовавшихъ быть прочитанными для установленія настоящаго церковнаго преданія, первое мѣсто занимаетъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія объ опрѣснокахъ митрополита Льва Болгарскаго: если мы правильно понимаемъ выраженія сопровождающаго отрывокъ надписанія, то выдержка сообщена была именно Василіемъ Охридскимъ, на мѣстѣ своей родины имѣвшимъ полную возможность лучше другихъ ознакомиться съ сочиненіями Льва, резиденціе котораго былъ тотъ же Охридъ. Въ изданіи кардинала Май слова отрывка надписаны такъ: τοῦ κυροῦ, Λέοντος τοῦ Βουλγαρίας τοῦ πρωτοπροβλήτου παρὰ τοῦ μακαρίτου καλοῦ ἡτοι Βασιλείου ἐκ τῆς περὶ τῶν ἀζύμων ἐπιστολῆς αὐτοῦ [Льва Болгарскаго первопредложеннаго (или первоизбраннаго) отъ блаженнаго (покойнаго) доброго (калоса) или Василія изъ его посланія объ опрѣснокахъ]. Предложеніе кардинала Май вмѣсто кажущихся безсмысленными

1) А. Лебедевъ, Очерки истории византійско-восточной церкви, стр. 284: «*Μιχαήλ, μιτροπολίτη Θεσσαλονίκης*» при поѣтствованіи о соборахъ 1156 года и 1157 (у него 1158 г.), и очевидно вслѣдъ за Дрэзеке, который въ статьѣ своей о Николаѣ Мессенскомъ этою разницею имѣтъ двухъ очень де близкихъ по времени іерарховъ Солуя пользуется какъ аргументомъ для доказательства своихъ южныхъ хронологическихъ соображеній (см. ниже. примѣч. на стр. 71).

словъ таrà тоù махарíтоу халоù ѣтоù Василéоù читать таrà тоù Калафáтоу василéоù (первопредложенного царемъ Калафатомъ) совершенно неудачно, потому что даже годъ воцаренія Михаила Калафата (1041) не сходится съ указываемъ годомъ избранія Льва (1040), а сверхъ того и наименование царя просто однимъ прозвищемъ было бы крайне странно. Приходится предпочесть простѣйшее объясненіе, котораго никто не догадался ранѣе высказать и при которомъ Калоù (съ прописною буквою) будетъ считаться другимъ собственнымъ именемъ Василія, на что дальнѣе окажутся хорошиа основанія. Странно только то, что Василій названъ *покойнымъ* (махарíтоу, блаженнымъ), но нужно припомнить, что мы имѣемъ не подлинные протоколы синода, а позднѣйшую обработку ихъ, дошедшую до насъ чрезъ посредство Никиты Акомината изъ Хонъ¹⁾. За то вполнѣ несомнѣнно участіе Василія въ другомъ соборномъ засѣданіи 12 мая 1157-го года, на которомъ дѣло шло уже о изверженіи изъ церковнаго клира новоизбраннаго антіохійскаго патріарха Сотириха Пантелейона, ранѣе принадлежавшаго тоже къ средѣ столичнаго духовенства и тутъ заразившагося мнѣніями, осужденными въ началѣ предыдущаго года: хотя Сотирихъ и покорился вновь засвидѣтельствованному правильному общеперковному пониманію смысла извѣстныхъ словъ, однако сдѣлалъ это только послѣ долгаго упорства и потому большинствомъ признанъ быть—не то чтобы подлежащимъ какому суровому наказанію, а только неспособнымъ и непрігоднымъ къ учительству и руководительству церковному, соединяемому съ іерархическими должностями архіерея или священника. Василій же былъ въ числѣ семи членовъ собора, которые 12 мая составляли меньшинство и желали отложить до дальнѣйшаго разсмотрѣнія вопросъ о низложеніи Сотириха. Къ сожалѣнію подписей при протоколѣ этого засѣданія, сообщаемомъ Никитою Хоніатомъ, нѣть, а въ перечисленіи присутствующихъ есть сомнительныя чтенія или по крайней мѣрѣ

1) Въ актахъ, очевидно, подвергшихся при обработкѣ Никиты нѣкоторымъ измѣненіямъ, встрѣчается одна еще большая странность такого рода: въ числѣ духовныхъ особъ, засѣдавшихъ въ собраніи собора 12 мая, поименованъ патріархъ константинопольскій Константина (pag. 61: тоù Константиноуполеоù Константиноу), а подъ протоколомъ засѣданія 13 мая (pag. 88) вмѣсто того встрѣчаемъ подпись смиреннаго монаха Луки, Божію милостію архіепископа константинопольскаго, который соглашается съ тѣмъ, что было написано въ предлежащемъ томъ при бывшемъ прежде насъ блаженнѣйшемъ патріархѣ Константине, и скрѣпляетъ это свое согласие подписью. О таπεινός мοναχός Λουκᾶς καὶ ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος νέας Φώμης—брітас υπέγραφα. И такъ, мы имѣемъ редакцію протоколовъ собора несогласную, а пересмотрѣнную позднѣе.

разногласие въ двухъ печатныхъ изданіяхъ подлежащаго текста. У кардинала Маи мы находимъ (Spicilegium rom. X, 61):

тοῦ Θεοσταλονίκης Βασιλείου. . . .
тοῦ Λαοδίκείας Κάλοῦ;

а въ прежнемъ изданіи Тафеля (Supplementa historiae ecclesiast. graec., pag. 19):

тοῦ Θεοσταλονίκης Κυρίλλου. . . .
тοῦ Λαοδίκείας Βασιλείου.

Тутъ произошла нѣкоторая путаница; но сомнѣнія разрѣшаются полною подписью архіепископа Солунскаго подъ протоколомъ собранія 13-го мая (на другой день послѣ предыдущаго), когда Сотирихъ, не явившійся на засѣданіе по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни, окончательно проигралъ свое дѣло, то есть, былъ присужденъ къ изверженію изъ духовнаго чина. Архіепископъ Солунскій, въ особенно торжественной и длинной формулѣ заявившій о своемъ единомысліи со всѣми другими членами, назвалъ себя Калось (Maï, Spicileg. tom. X, 91: 'Ο εὐτελῆς ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Θεσσαλονίκης Κάλος. ακολούθως τοῖς ἄλλοις καὶ αὐτὸς δρίσας ὑπέγραψα), а тождественность лица, носящаго такое имя, съ нашимъ Василиемъ Охридскимъ ясна изъ предыдущаго и особенно изъ замѣтки *καλοῦ ἦτοι Βασιλείου*¹⁾.

1) Нѣмецкій ученый Дрэзеке (Dräseke, Zu Nicolaus von Methone: Zeitschrift für Kirchengeschichte IX (1887) S. 414), стараясь доказать, что между соборомъ 1156 года и другимъ—по его 1158 г., который прежде относили тоже къ 1156 году, былъ значительный промежутокъ, ссылается между прочимъ на разницу въ наименованіяхъ солунскаго архіепископа: на первомъ является *επίσκοπος* Михаиль, а на второмъ *εἰπ anderet, Ναύενς Καλος*. Откуда взялся Михаиль, Солунскій митрополитъ, мы уже знаемъ. Теперь нужно сказать, что Дрэзеке вообще надѣялся очень много ошибокъ въ своихъ хронологическихъ вычисленияхъ о соборѣ 1157-го года (у него 1158) и совершенно незаслуженно получилъ за нихъ похвалу отъ русскаго ученаго: Дрэзеке, де, *основательно доказалъ*, что соборъ собирался въ 1158-мъ году (А. Лебедевъ, Очерки византійской церкви въ XI—XV вѣкахъ. Москва, 1892, стр. 54). Вѣрно было бы сказать, что Дрэзеке здѣсь обнаружилъ полное незнаніе дѣла и даже неумѣніе справиться съ разчисленіемъ индиктовъ. Что майское собраніе собора было въ 1157 году объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ стоящая въ начаѣ отмѣтка (Maï, Spicil. tom. X, 58): *μηνὶ Μαΐῳ ιβ' ἡμέρᾳ ἰνδ' ε'*. Такъ какъ пятый индиктъ соответствуетъ 6665 сентябрскому году, то уже отсюда получается 1157 по Р. Х. Сверхъ того нужно имѣть въ виду и пропущенное у Маи обозначеніе дня недѣли, какимъ, на основаніи простой догадки по *ὅμοιοτέλειον*, должно быть *α'* (Воскресенье), дѣйствительно и прочтение равѣе Тафелемъ въ его рукописи (Supplementa histor. eccles. graecor., pag. 18, *Μηνὶ Μαΐῳ ιβ' ἡμέρᾳ α' ὁμέρᾳ ε'*). Мая 12 числа, въ первый день

Къ 1158 году относится печатаемое ниже слово Василія Охридскаго на смерть императрицы Ирины, произнесенное въ присутствіи царя Мануила и, по видимому, въ Константинополѣ. Здѣсь, какъ уже было замѣчено, Василій является выдающимся церковнымъ орато-ромъ — со всѣми хорошими и дурными сторонами современной ему школы, къ которой слѣдуетъ причислять и его преемника, знаменитаго Евстаѳія. Конечно, эта рѣчь не чужда риторики, исполнена ложнаго паѳоса, напыщенна, но есть, однако, въ ней и довольно живыя мѣста, каково прежде всего описание сцены пасхального причащенія царя и царицы изъ рукъ самого Василія въ Солунѣ: о ней будетъ рѣчь ниже — въ главѣ, посвященной извѣстіямъ о Иринѣ. Драгоцѣнно это произведеніе Василія и тѣмъ, что оно даетъ намъ возможность судить о степени его образованія, объ его начитанности въ духовной и свѣтской, то есть классической литературѣ. Легко замѣтить, что память его свободно располагаетъ большимъ запасомъ готовыхъ цитатъ, принаруженій и памековъ, почерпаемыхъ изъ книгъ священнаго писанія, преимущественно, однако, изъ псалмовъ и пророческихъ книгъ. На ряду съ библейскою лексикою легко идутъ на языкъ выраженія классическихъ поэтовъ, не только Гомера или Евріпіда, но даже Эсхіла, изъ котораго приведенъ одинъ стихъ. Есть ссылки на Аристотеля и какое-то странное извѣстіе о женѣ Катона Римскаго, ведущее свое начало отъ Плінія старшаго. Историческія данныя, заключающіяся въ рѣчи, будутъ опѣнены ниже.

Леунклавіемъ въ его сборникѣ греко-римскаго права, при томъ не однажды, а два раза (*Jus Graeco-rom.*, t. I, pag. 309, потомъ

недѣли (въ Воскресенье) инд. 5. 12 мая въ 1157 году дѣйствительно приходится въ Воскресенье. Въ обозначеніи слѣдующаго засѣданія (13 мая) день недѣли выраженъ цифрою (буквою), но за то пропущены индикты (*Mai, Spicil. X, 83*), *Μηνὶ Μαΐῳ τῷ ἡμέρᾳ β' ἴνδικτῳ*: нужно читать: *Μηνὶ Μαΐῳ τῷ, ἡμέρᾳ β', ἴνδικτ. ε'*. Тринадцатое мая дѣйствительно въ этотъ индиктѣ будеть приходиться въ понедѣльникъ. На стр. 85 у *Мai* уже нѣсколько иначе: *Μηνὶ Μαΐῳ τῷ ἡμέρᾳ ἴνδικτῳ β'*. Очевидно, неловкая перестановка принадлежитъ незнающему переписчику. Нужно впрочемъ, сказать, что понимающіе люди нисколько не были увлечены аргументацію Дрэзеке (у *Ф. И. Успенскаго*, *Очерки визант. образования*, стр. 218, правило 1157 годъ; а еще ранѣе та же дата была принята у *Капгера*: *Кар-Негг: Abendländische Politik Kaiser Manuels* (*Strassburg*, 1881, S. 189). Вопросъ о томъ, противъ кого были направлены военные намѣренія Мануила, присутствовавшаго на соборѣ и ради предстоящаго похода торопившаго отцевъ собора скорѣе постановить опредѣленіе, должно быть рѣшаемъ — уже послѣ того, какъ будеть установленъ настоящій годъ собора, а не на оборотъ, какъ поступаетъ Дрэзеке, ибо почти каждый годъ весной Мануилъ предпринималъ экспедиціи то противъ одного врага, то противъ другого.

ниже pag. 408) напечатана была небольшая статья, представляющая отвѣтъ Василія Охридскаго на вопросъ о допустимости брака при извѣстныхъ отношеніяхъ родственности и свойства, предложенный великимъ друнгаріемъ епископу Драча (Диррахія). Въ своей конкретной формѣ вопросъ заключался въ слѣдующемъ: когда Юліанъ, братъ Іоаннѣ, женился на Софѣ, дочери Ксанѣ, то позволительно ли (родному) дядѣ Софи, двоюродному брату Ксанѣ, Симеону, жениться на Іоаннѣ, родной сестрѣ Юліана. Такой бракъ Василій признавалъ совершенно позволительнымъ и въ своемъ разсужденіи ссылался — очевидно, на Василики, сборникъ гражданскихъ законовъ, хотя въ изданныхъ Леунклавіемъ текстахъ, а затѣмъ и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ и переизданіяхъ тутъ встрѣчаются странныя разночтенія, превращающія Василики въ Василія Великаго, отца церкви¹⁾. Существуетъ нѣкоторое отличіе между двумя редакціями и въ передачѣ подписи, при чёмъ одна отличается мѣсяцемъ (сентябрь) и индиктъ, а другая нѣть²⁾. Индиктъ указанъ *девятый*, а въ предѣлахъ, которыми очерчивается по всѣмъ даннымъ іерархическая дѣятельность Василія, такой индиктъ встрѣтится только дважды: 1145—1146 и 1160—1161 годы съ сентября по сентябрь. Мы должны остановиться на второй датѣ, какъ болѣе вѣроятной, хотя нѣть ничего невозможнаго и въ томъ, что въ сентябрѣ 1145 года Василій уже вступилъ на Солунскую каѳедру (см. выше).

Теперь мы должны вновь обратиться къ сохранившимся въ рукописяхъ слѣдамъ состязаній Василія съ латинами, именно къ тому соображенію, которое ставить его лицемъ къ лицу съ другимъ католическими епископомъ, хотя менѣе знаменитымъ, чѣмъ Ансельмъ Гавельбергскій, но тоже оставившимъ послѣ себя если не собственныя богословскія сочиненія, то память въ исторіи, то есть съ Генрихомъ

1) Leunclav. I. c. (= Migne, Patrolog. gracc., t. CXIX, 934): κατὰ γὰρ Θεοφύλακ-
τον μέγαν βασιλέα (Βασίλειον) ἐν τοῖς γάμοις, οὐ μόνον τὸ ἐπιτετραμένον ζητοῦμεν,
ἀλλὰ καὶ τὸ εὐπρεπές, καὶ ἑτέρῳδὲ ὁ αὐτός, ἐν οἷς τὰ τοῦ γένους συγχέονται, ἐκεῖθεν ὁ
γάμος ἀδέμιτος.... Ἀγχιστεία δέ ἔστι κατὰ τὸν νομοδέτην οἰκειότης πρωτόπων. и т. д., а
во второй редакціи (Migne, p. 1120), κατὰ γὰρ τὸν Θεοφόρον Βασίλειον и. т. д. Ср. еще
Rhally et Potly, Syntagma capop. V, 389: κατὰ τὸν Θεοφόρον μέγαν Βασίλειον. Однако
издатели въ примѣчаніи указываютъ соотвѣтствующія мѣста въ Василикахъ. 5.
Βασιλ. κη' 5 и Васил. πζ' (Heitwach III, 198, 201).

2) Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ ἐπινεμήσεως Υ'. Βασίλειος ὁ ταπεινὸς Θεοσαλονίκης. А во второмъ случаѣ: Βασίλειος, ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Θεοσαλονίκης. Ср. Rhally V, 390. Прибавимъ, что въ этомъ послѣднемъ, аенискомъ, изданіи и въ самомъ началѣ есть нѣкоторыя отличія въ текстѣ: вместо Ксанѣ стоять имя Калянъ.

Беневентскимъ. Въ греческомъ Вѣнскомъ сборникѣ (№ ССХІІІ) помѣщается статья (№ 11), содержащая собесѣданія о различіяхъ въ вѣрѣ между греками и латинами и начинаяющаяся такимъ вступленіемъ: въ царствованіе императора Мануила Комнина прибылъ изъ Италии въ видѣ просителя епископъ Беневента, отличавшійся добродѣтелью и даромъ слова¹). Съ этимъ представителемъ римской церкви, имя котораго здѣсь не названное устанавливается на основаніи другихъ данныхыхъ, и были ведены пренія въ Солунѣ его архіепископомъ, тогда же записанныя монахомъ монастыря Акапніотовъ Никитою²); они остаются неизданными. Когда же они могли происходить? — Беневентскій епископъ Генрихъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ и переговорахъ царя Мануила съ французскимъ королемъ Людовикомъ VII и съ папою Александромъ III, когда этотъ послѣдній вслѣдствіе ожесточенной борьбы съ императоромъ западнымъ, Фридрихомъ Барбароссою, удалился на время во Францію, да и послѣ его возвращенія въ Италию. Чрезъ посредство Генриха произошло сближеніе Мануила съ западными государями, признававшими Александра III и отвергавшими поставленнаго Фридрихомъ антипапу. При этомъ обнаруживается, что самъ Генрихъ не єздилъ въ Константинополь, а отправлялъ туда чрезъ гонцовъ и посланцевъ письма, приходившія изъ Франціи для Мануила или же обратно изъ Константинополя для Людовика VII и т. д.³). Беневентъ служилъ передаточнымъ пунктомъ,

1) Μανουὴλ τοῦ ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸν (sic) βασιλεύοντος καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πορφυρογενέντος δάγκοντος ἐν Κωνσταντινουπόλει ἵκετης ἀνὴρ ἐξ Ἰταλίας, ἐπίσκοπος Βενεβέντου ἀρτῆ καὶ λόγῳ κεκοσμημένος.... Lambe c. Commentar. V, 89. Cr. Nessel, Breviarium, t. I, 289.

2) Nessel l. c.: conscripta autem instar dialogi a Niceta monacho ἐν τῇ Ἀκαπτιώτῳ μονῇ. Монастырь Ἀκαπτιώτοս упоминается еще въ оглавлении неизданного сказанія объ одной чудотворной иконѣ въ Солунѣ. Matthaei, Codic. graec. synod. accurata notitia, pag. 97.

3) Письма Мануила къ Людовику VII и обратно — у Bouquet, t. XVI, pag. 82 и сл., а документы, относящіеся къ сношеніямъ съ папою Александромъ, у Mansi, Concilia XXI, 724 и сл. (перепечатано у Migne, Patro l. lat., t. CC). Изъ новыхъ см. Reuter, Gesch. des Papst. Alexand. des III, I, 108—109. Giesebecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, V, 426—429. Кар-Негг, Abendländische Politik des Kaisers Manuel, S. 155. Вопросъ о послѣдовательности и вообще о хронологіи писемъ, относящихся къ сношеніямъ Мануила съ Людовикомъ и папою Александромъ, оказывается спорнымъ и Калгеръ полемизируетъ съ Гизебрехтомъ, доказывая, что первое письмо Мануила къ Людовику, доставленное чрезъ посредство Генриха Беневентскаго, было написано не въ 1163 году, а ранѣе бракосочетанія Мануила на дочери Раймунда Антіохійскаго — 25 декабря 1161 года. Въ дѣйствительности, изъ самого документа видно, что не ранѣе, а позже бракосочетанія. Мануиль писалъ, что бракъ его долженъ повести къ тѣснѣшему съ королемъ французскимъ, родственникомъ антіохій-

всѣдѣствіе чего и сохранялось въ его архивѣ не мало документовъ, приводившихъ въ восторгъ послѣдующихъ греческихъ друзей уніи и свидѣтельствовавшихъ о глубокомъ уваженіи восточнаго императора къ папскому престолу и даже о признанії главенства римской церкви¹⁾). Дружелюбныя сношенія Мануила съ Александромъ III уже продолжались довольно долго, съ 1162 по 1166 годъ, когда они завершились слѣдующимъ неожиданнымъ шагомъ со стороны православнаго византийскаго государя. Въ Римѣ явились послы Мануила съ богатыми подарками папѣ и весьма важными порученіями своего государя. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что Мануилъ предлагалъ папѣ Александру полную унію греческой церкви съ римскою подъ условiemъ признанія греками римского главенства, а папа долженъ былъ ему дать корону западной имперіи, которая по праву и безъ того принадлежитъ ему, а не Фридриху, королю нѣмецкому²⁾. Была бы одна церковь и одна имперія. Не смотря на то, что Мануилъ обѣщалъ и деньги и военную силу для осуществленія такого плана въ Италии, папа Александръ III не былъ обольщенъ заманчивою перспективою торжества надъ Фридрихомъ Барбароссою, хотя и былъ имъ доведенъ до весьма стѣснительного положенія: очевидно онъ находилъ планы Мануила слишкомъ далеко идущими и даже опасными. Однако, не желая потерять союзника, въ которомъ видѣлъ важную для себя опору, онъ отправилъ въ Константинополь посольство для переговоровъ. Во главѣ посольства находились два кардинала римской церкви,—они только одни и названы поименно въ современной бiографiи папы Александра; но есть документальное свидѣтельство, что въ томъ же самомъ 1166 году и Генрихъ Беневентскій былъ въ отсутствiи изъ

ской бывшей принцессы,—которую *imperium nostrum consortem ducere decrevit*. Капгерръ полагаетъ, что тутъ идетъ рѣчь пока только о принятомъ рѣшеніи (*decrevit*), а не о сбывшемся фактѣ; но онъ не прочиталъ дальнѣйшихъ, непосредственно слѣдующихъ словъ: *quam imperiali diadematice magnifice insignivimus*, которая говорятъ даже о возложenіи императорской короны на новую царицу. Впрочемъ, намъ нѣть нужды входить подробно въ эти вопросы.

1) Поздѣйшій «латиномысленный» греческий писатель Георгій Метохитъ въ своей *Historia dogmatica*: Mai, *Nova Patrum Biblioth.* VIII, 24. 25 сообщаетъ, что видѣлъ въ Беневентѣ грамоты Мануила: онъ подробно описываетъ ихъ виѣшность и кратко обозначаетъ содержаніе.

2) *Alexandri III vita a Bosone cardinali conscripta*: Watterich, *Vitae pontificum romanorum*. II, 403—404. Giesebrrecht, *Gesch. der deutsch. Kaiserz.* V, 496—497. Reuter, *Gesch. d. Papst. Alexand. des III*, II, 248.—Langen I. c. 494.—Катанскій, *Исторія попытокъ*, стр. 62. *Остроумовъ*, *Введеніе въ церковное право*, I, 401.

своей епархіи, исправляя должностъ посла папы въ Константинополь¹⁾). Очень естественно, что его выбрали какъ лицо, уже знакомое съ восточными дѣлами, для сопровожденія и руководства кардиналовъ. Сама собою представляется также догадка и вопросъ, не быть ли когда нибудь ранѣе 1163 года Генрихъ и лично въ Константинополь. Но трудно предположить, чтобы онъ могъ быть спутникомъ и участникомъ первой поѣздки Ансельма Гавельсбергскаго въ 1135 году, когда проходили состязанія съ Никомидійскимъ митрополитомъ Никитою. Во всякомъ случаѣ книга, въ которой изложенъ бытъ въ 1150 году по памяти ходъ тогдашнихъ преній, была написана не имъ, да и протоколь того диспута, съ которымъ въ Вѣнской рукописи связывается его имя, составленъ бытъ мѣстнымъ Солунскимъ монахомъ. Вообще неизвѣстно, чтобы Генрихъ Беневентскій оставилъ послѣ себя какъ нибудь сочиненія, по за то греческій языкъ онъ могъ знать, какъ уроженецъ южной Италии, гдѣ еще держалось его употребленіе. Все это служить препятствіемъ къ тому, чтобы приведенный Г'ергенрѣтеромъ отрывокъ изъ Мюнхенскаго кодекса приписывать Генриху. Слѣдовательно мы возвращаемся къ тому положенію, что Василій Охридскій во время своего пребыванія на Солунской каѳедрѣ имѣлъ два состязанія о вѣрѣ съ латинами: первое въ 1155 году съ Ансельмомъ Гавельсбергскимъ и второе въ 1166 году съ Генрихомъ Беневентскимъ, и что его первое состязаніе съ Ансельмомъ было для этого послѣдняго вторымъ, не оставившимъ послѣ себя такой памяти, какъ первое съ Никитою Никомидійскимъ.

Диспутъ съ Генрихомъ въ 1166 г. будетъ послѣдній фактъ, извѣстный намъ изъ жизни Василія Охридскаго. Уже въ рѣчи на кончину Ирины онъ говорилъ о своей старости, о своихъ отъ времени изсохшихъ устахъ (гл. 25 въ концѣ). Въ 1169 году его каѳедру занималъ Константиносъ, предшественникъ знаменитаго Евстафія.

1) Ughelli, Italia sacra (ed. secunda cura et studio Nic. Coletti, Venetiis, 1721), IX, 115. De nostro Henrico unum restat addendum a Vipera omissum, illum scilicet anno 1166 functum esse legationis munere apud Constantinopolitanum, et in administratione Archiepiscopatus substituisse Rainulphum—Archidiaconum, prout mihi innotuit ex instrumento quodam monasterii sancti Victorini, signato № I, ubi tale est exordium. Ego Rainulphus archidiaconus sacri Beneventani Episcopii, in quo Divina favente gratia Dominus Henricus venerabilis Archiepiscopus preeest, qui in injuncta sibi Legatione à praedicto Domino Papa modo est in Romania. Clarum facio и т. д. Въ Романіи Угелли не суммился признать Византію, какъ это и слѣдовало.

II.

Ирина-Берта, супруга Мануила Комнина.

Предметомъ надгробной рѣчи Василія была супруга императора Мануила (1143—1180), Ирина, по происхожденію нѣмка изъ Баваріи, изъ рода графовъ Зульцбахъ, которымъ позднѣе принадлежалъ наиболѣе обширный разбойническій замокъ во всей Германіи, родная сестра жены германскаго государя — короля и невѣнчаннаго императора Конрада III. Именно это свойствѣ съ могущественнымъ представителемъ западной имперіи, выдвинувъ Берту Зульцбахъ на видное мѣсто, обусловило ея дальнѣйшее возвышеніе. Женитьба Мануила на Бертѣ не была случайнымъ явленіемъ, а выраженіемъ тогдашней византійской политики, искающей себѣ опоры и друзей на западѣ противъ враговъ, грозившихъ тоже съ запада. Одинъ изъ болѣе любопытныхъ эпизодовъ политической европейской исторіи XII вѣка представляеть именно этотъ союзъ между двумя христіанскими имперіями, предъявлявшими одинаковыя притязанія на идеальное наслѣдіе древняго міродержавнаго Рима. Если не считать преходящихъ дружественныхъ отношеній между Алексѣемъ Комниномъ и Гейнрихомъ IV, направленныхъ противъ папы Григорія VII и Роберта Гвискарда, то основаніе болѣе прочному и долго державшемуся союзу, хотя и съ нѣкоторыми промежутками охлажденія, было положено собственно отцемъ Мануила, императоромъ Кало-Іоанномъ (1118—1143), и германо-римскимъ императоромъ Лотаремъ Саксонскимъ. Выше мы имѣли случай указать, что при Лотарѣ обѣ державы размѣнивались посольствами, что при этомъ шла рѣчь и о примиреніи церковнаго раздора, происходили состязанія о вѣрѣ (Ансельмъ Гавельбергскій).

Какъ бывало всегда и прежде и послѣ, лучшимъ средствомъ для скрѣпленія политической дружбы признавался союзъ династическій — брачныя связи между двумя дворами.

По смерти Лотаря (1137 г.) связь между Германіей и Византіею на нѣкоторое время ослабѣла, но затѣмъ угрожающее положеніе короля Рожера, соединившаго въ своихъ рукахъ обѣ части южно-итальянскихъ норманнскихъ владѣній (Сицилію и Апулію съ Калабріей), заставило Кало-Іоанна возобновить оборванную нить переговоровъ и вступить въ сношенія съ преемникомъ Лотаря, Конрадомъ III Шваб-

скимъ (Гогенштауфеномъ). Въ 1140 или 1141-мъ году Иоаннъ отправилъ пословъ въ Германію съ предложеніемъ дружбы и союза; вмѣстѣ съ тѣмъ послы должны были сватать какую-либо изъ принцессъ королевской крови за младшаго сына Кало-Іоаннова Мануила (родился въ 1122 г.). Конрадъ ради своихъ итальянскихъ плановъ, при осуществленіи которыхъ византійскій флотъ могъ бы оказать очень полезное содѣйствіе, съ готовностью пошелъ на встрѣчу сдѣланному изъ Византіи призыву; въ качествѣ невѣсты онъ предложилъ сестру своей супруги, Гертруды, Берту Зульцбахъ¹⁾). Въ Константинополѣ не нашли повода возражать противъ выбора, обоюдное согласіе скоро было установлено и уже въ концѣ 1141 или въ началѣ 1142 года явилось въ Германіи новое посольство отъ Кало-Іоанна, главнымъ порученіемъ котораго было — отвести совсѣтную невѣstu въ Константинополь, а затѣмъ дать отвѣтъ на разныя требованія и запросы германскаго короля²⁾. Весною 1142-го года Берта покинула свое

1) Otto Fris. *Gesta Frederici I*, с. 23. Даѣте намъ придется всего чаще ссыпаться на прекрасный трудъ В. Бернгарди — изъ серіи *Jahrbücher der deutschen Geschichte*, въ двухъ томахъ излагающей подробное обозрѣніе царствованія Конрада годъ за годомъ: Konrad III. Von Wilh. Bernhardi (Leipzig, 1883). Здѣсь удѣлено надлежащее вниманіе и столь важнымъ византійскимъ отношеніямъ; однако и въ этомъ, повидимому, все исчерпывающѣй трудѣ, когда дѣло касается даже не одной только Византіи, а Византіи и Германіи совокупно, оказываются и пробѣлы въ знакомствѣ съ источниками (конечно, второстепенными) и не совсѣмъ маловажны ошибки.

2) Nam etsi quidam (apocrisiariorum nostrorum) ad susceptionem magis nobilissime sum Deo futurae nurus imperii mei missi sunt, tamen etiam communiter eis notum imperii mei velle: пишетъ Кало-Іоаннъ въ грамотѣ, сохраненной для насъ знаменитымъ германскимъ историкомъ, Оттономъ, Фрейзингенскимъ епископомъ, своднымъ братомъ короля Конрада и дядею Фридриха Барбароссы (*Gesta Frederici imperat. Lib. I*, сар. 24). Такъ какъ на основаніи ниже приводимыхъ данныхъ время прибытія Берты въ Константинополь можетъ быть съ точностю установлено — весна 1142, то и самое письмо Иоанна необходимо будетъ относить къ описаненному въ текстѣ сроку. Оттонъ Фрейзингенскій не захотѣлъ «сообщать всѣхъ писемъ», какія относились къ перепискѣ Кало-Іоанна съ королемъ Конрадомъ, и ограничился только двумя — одно Конрада и одно Иоанна (третье письмо позднѣйшее отъ Конрада Мануила). Что это были не первыя по времени грамоты того и другаго, что имъ предшествовали иные, это видно уже изъ находящихся въ нихъ ссылокъ на litterae p[re]dictae и на бывшую предъ тѣмъ обсыпку посольствами. Вопросъ заключается только въ томъ, сколько было всѣхъ грамотъ и на которое изъ писемъ Конрада отвѣчаетъ Кало-Іоаннъ въ сохранившемся посланіи (у Оттона) — на первое, до насъ не дошедшее или на второе, которое поставлено у Оттона Фрейзингенскаго рядомъ, но ниже. Мы полагаемъ, что на первое, до насъ не дошедшее, и думаемъ, что второе письмо Конрада поставлено Оттономъ впереди просто ради почета, ради уваженія къ своему государю. Въ этомъ второмъ читаемомъ нами у Оттона письмѣ Конрада о бракѣ говорится какъ о дѣлѣ окончательно рѣшенному и устроенному.

отечество¹). Изъ рѣчи Василія мы теперь узнаемъ путь, какимъ Берта прибыла въ Византійскую столицу. Она совершила перѣездъ чрезъ Адріатическое (=Іонійское) море²), котораго достигла въ сопровождениі, кромѣ греческихъ пословъ, еще венеціанскихъ, и высадилась на Эпирскомъ (илирійскомъ, албанскомъ) берегѣ, чтобы направиться старинною и обычною дорогою.

Въ надгробной рѣчи Василія мы находимъ кромѣ указанія на этотъ маршрутъ довольно риторическое описание торжественныхъ встрѣчъ, устраиваемыхъ по дорогѣ городами и вообще мѣстнымъ населеніемъ невѣсты младшаго изъ царскихъ сыновей; но нѣтъ никакихъ особыхъ подробностей о самомъ вѣзѣ въ столицу. Впрочемъ изъ связи рѣчи видно, что тогда ни царя (царицы давно не было въ живыхъ), ни царевича - жениха не было въ Константинополѣ. Гдѣ именно они находились, это мы точнѣе узнаемъ изъ дошедшаго до насъ привѣтственного стихотворенія Бергтѣ при ея вступленіи въ столичный городъ, сочиненнаго тогдашимъ придворнымъ пілтою Феодоромъ Продромомъ. Опуская это произведеніе изъ виду, нѣмецкіе ученые, специально занимавшіеся царствованіемъ Конрада III, впадали въ ошибки, которыхъ иначе могли бы легко избѣжать. Мы должны ближе познакомиться съ содержаніемъ стихотворенія, дополняющаго и разъясняю-

Conservamus igitur quae justa et amicabilia sunt ad vos, eadem vos ad nos, et tanto studiosius, quanto per conjugium sororis dilectissimae conjugis nostrae, imperatricis videlicet nobilissimae, et filii tui confoederati sumus propinquius. Эта грамота Конрада дана въ Регенсбургѣ 12-го февраля, годъ не обозначенъ, но не можетъ быть никакимъ другимъ кромѣ 1142-го, какъ это и считается доказаннымъ и общепринятымъ. Она могла быть написана уже послѣ прибытія пословъ, прѣѣхавшихъ за Ириною, и даже въ слѣдь за ними. — Мы не пускаемся въ дальнѣйшія разъясненія относительно посольствъ съ той и другой стороны, упоминаемыхъ въ перепискѣ: это вопросъ запутанный и сложный; думаемъ только, что при нашемъ взгляде на отношеніе двухъ писемъ все можетъ быть приведено къ соглашенію.

1) Первая (изъ выше характеризованныхъ) ошибка Бернгарди (Bernhardi, Конрад III) заключается въ предположеніи, что вопросъ о византійскомъ бракѣ потребовалъ долгихъ переговоровъ между Кало-Іоанномъ и Конрадомъ, что они не были приведены къ фактическому завершенію при жизни Кало-Іоанна, а напротивъ были прерваны его смертію, такъ что сосватанная невѣста оставалась еще долго на родинѣ до 1145 года. См. особенно страницы: 266, 267, 271, 272. Заблужденіе это находится въ связи съ неправильнымъ пониманіемъ взаимного отношенія между документами, сообщенными у Оттона Фрейзингенскаго, и съ нѣкоторыми проблѣмами въ знакомствѣ съ византійскими мелкими источниками (стихотвореніе Продрома, о которомъ рѣчь будетъ ниже); оно окончательно опровергается рѣчью Василія Охридскаго.

2) Bernhardi I, 415. Ob der Landweg durch Ungarn eingeschlagen oder die Seefahrt durch das Adriatische Meer gewählt wurde, ist nicht überliefert.

щаго намеки позднейшей надгробной рѣчи Василія¹⁾). Поэтъ поперемѣнно обращается къ царю Иоанну, къ севастократору Мануилу, къ королю Конраду и затѣмъ къ новообрученной невѣстѣ. Императоръ Мануиль восхваляется за чадолюбивыя заботы о сыновьяхъ, выразившіяся въ присканіи имъ благородныхъ и хорошихъ женъ, и въ частности за то, что послѣднимъ брачнымъ союзомъ утвердилъ гла-венство Константинополя надъ древнимъ Римомъ.

«На чуждыя народы ты налагаешь контрибуціи и дань,
 «А своимъ дѣтямъ ты приводишь прекраснѣйшихъ невѣстъ;
 «Какъ и нынѣ Мануилу, возлюбленному твоему сыну,
 «Ты обручилъ (*ὑρμέσω*) отъ запада сю царственную (дѣву),
 «Ради которой мы сегодня отправляемъ торжество въѣзда (тѣ
 тѣн *εἰσιτηρίων*).

«Радуйся новый Римъ (Константинополь), нынѣшнему входу,
 «Чрезъ него ты оказался главою старого Рима!
 «Ибо послѣдній (старый Римъ) даетъ невѣсту, а ты жениха,
 «А такъ какъ всѣ мы знаемъ, что мужъ есть глава жены,
 «То ясно, что это (главенство) справедливо переходить и на тебя...

Обращаясь къ Мануилу, поэтъ отъ силлогизма переходитъ къ вос-
клицаніямъ.

«О юная отрасль священной порфиры, Мануиль!
 «О украшеніе всеблагополучной *севастократоріи* (*καὶ χόσμες τῆς
 εὐτυχοῦς σεβαστοκρατορίας*),
 «Дѣтинышъ вседерзающаго льва, котораго одно рыканіе
 «Прогоняетъ суроваго Перса и заставляетъ трепетать Вавилонъ»
 (разумѣются турки и калифатъ),
 «Подними свои большія очи изъ средины *Исаюрии* (*Ἄρον τὸν μέ-
 γαν ὁφθαλμὸν ἐξ Ἰσαυρίας τῆς μέσης*)
 «И взгляни на свѣтло одѣтую Византію,
 «Ради новаго торжества по поводу въѣзда,
 «Благородной и прекраснѣйшей юной дѣвы,
 «Которую тебѣ сосватали императоръ и отецъ —

 И крѣпко возрадуйся совершающемуся.

1) Оно напечатано было у Matranga, Anecd. gr., p. 552, за тѣмъ у Mai въ VI томѣ его Bibliotheca nova Patrum, и перепечатано Migne, Patrol. graec., t. CXXXIII, col. 1360—1362 — съ латинскимъ переводомъ. Странно, что оно осталось неизвѣстнымъ для Bernhardi.

Слѣдуетъ обращеніе къ германскому государю:

«О великий король (ρήξ) древняго и старшаго Рима,
«Глубокій умомъ и искусныи въ ратномъ дѣлѣ,
«Благороднѣйшій по происхожденію Конрадъ (Κονράδε),
«И свойственникъ (κηδεστά) нынѣ копьеносимыхъ!
«Нынѣ ты превзошелъ всѣхъ честію, нынѣ ты еще болѣе облас-
городился

«Тѣмъ, что вступилъ въ среду дома Комниновъ и оказался свой-
ственникомъ такого царя.

«Итакъ радуйся вмѣстѣ съ нами и воспой этой дѣвѣ
«Нынѣ музыкальные пѣаны на вступленіе;
«А не много спустя, Богъ дасть, и брачныя свадебныя пѣсни,
«Когда нашъ господинъ возвратится къ намъ съ побѣдами¹⁾.

Въ обращеніи къ невѣстѣ говорится, что блескъ настоящаго торжества, толпы стекшагося на церемонію народа и впереди идущихъ съ копьями оруженосцевъ, золотыя одежды вельможъ, смѣшанный гулъ музыкальныхъ органовъ и разлитый въ воздухѣ запахъ аравийскихъ куреній — все это должно было послужить для нея предзнаменованіемъ и предвкушеніемъ того, что ожидаетъ ее въ будущемъ. Пусть же она исполнится въ душѣ несказанною радостію и *обниметъ царичъ*, вышедшихъ къ ней на встрѣчу, пусть преклонится предъ царемъ, хотя онъ и находится въ отсутствіи, предъ царемъ, который перенесъ съ запада прекрасную виноградную лозу и насадилъ ее въ своемъ царскомъ саду.

"Ιδε, βελτίστη γυναικῶν, ἐκ τῆς παρούσης δοξῆς
Τῶν προπεμπόντων σοι λαῶν καὶ τῶν δορυφορούντων,
Καὶ τῆς λαμπρᾶς παρασκευῆς καὶ τῆς χρυσοφερίας,
Τῆς συμμιγοῦς ἀλαλαγῆς τῶν μουσικῶν ὄργανων
Τῶν ξύλων τῶν Ἀραβικῶν τῆς μυρομβροχυσίας,
Καὶ στόχασαι τὰ μέλλοντα, χρῖνον αὐτὲς ταὶς γάμισις.
Καὶ πληρωθεῖσα τὴν ψυχὴν ἀφάτου χαρμοσύνης,
Τὰς μὲν ἀνάσσας πρόσπτυσσε τὰς σοὶ πρεσπαντώσας.
Προσκύνει δέ, κανὸν ἀπεστι, τὸν χράτιστον δεσπότην.

1) "Οθεν καὶ χαιρε μεϑ' ἡμῶν καὶ σύναδε τῇ χόρῃ
Νῦν μὲν παιάνας μουσικοὺς τοὺς ἐπιβατηρίους,
Μετ' οὐ πολὺ δὲ σὺν θεῷ τοὺς ἐπιθαλαμίους,
Ἐπαναζεύχαντος ἡμῖν σὺν νίκαις τοῦ δεσπότου.

Подъ царющими (*ἄυτοῖς*), которыхъ должна была обнять Берта Зульцбахъ, разумѣются жены двухъ старшихъ братьевъ Мануиловыхъ, Алексія, предполагаемаго тогда преемника отцу на престолѣ, провозглашенаго заранѣе царемъ и соправителемъ, и Андronика, который уже былъ отцемъ нѣсколькихъ дѣтей и подобно младшимъ братьямъ—Исааку и Мануилу—носилъ титулъ севастократора. Всѣ они сопровождали отца, императора Ioanna, въ его послѣднихъ походахъ противъ Иконійскихъ турокъ (сельджуковъ), а также въ Сирію противъ антіохійскихъ латинскихъ владѣтелей. Продромъ предполагаетъ, что въ данный моментъ они находятся въ *Ісаарії*, откуда Мануилъ долженъ обратить глаза на свою невѣсту-обрученицу. Изъ византійскихъ историковъ (Никита Хоніатъ), а еще точнѣе отъ историка Іерусалимскаго королевства и крестовыхъ походовъ, Вильгельма Тирскаго, мы знаемъ, что Ioannъ Комнинъ въ самомъ началѣ весны 1141-го года оставилъ столицу и, достигнувъ Фригіи, избралъ своею главною квартирой городъ *Атталію*, гдѣ занялся приведеніемъ въ порядокъ мѣстныхъ дѣлъ, подчиненіемъ своей власти греческаго окрестнаго населенія, попавшаго подъ мусульманскую власть и державшагося въ укрѣпленныхъ пунктахъ около озера Пасгузы или Пунгузы, въ которомъ узнаютъ пынѣшній Шехерь-голь, древнє *Лімас*¹⁾. Это будетъ по сосѣдству съ *Ісаарієй*, въ которую потомъ весною слѣдующаго 1142-го года и прибылъ Кало-Іоаннъ, направляясь въ походъ на Сирію²⁾. Ранѣе того, именно во время пребыванія царя съ сыновьями около Атталіи, произошли горестныя события въ царскомъ семействѣ, которыхъ еще не зналъ Theodorъ Продромъ, привѣтствуя вѣзѣдъ невѣсты Мануила въ столицу, конечно, не зналь никто другой.—У византійскаго историка, болѣе близкаго по времени къ занимающимъ насъ событиямъ, разсказывается слѣдующій анекдотъ. При встрѣчѣ нѣмецкой, усыновляемой Византію, принцессы молодая императрица, супруга Алексія, была одѣта соотвѣтственно съ своимъ саномъ въ темноголубое платье изъ виссоновой ткани; въ сочетаніи съ золотомъ и пурпуромъ, который она имѣла право носить какъ царица, внѣшность производила такое впечатлѣніе, какъ будто супруга Алексія была одѣта въ *черное*, и вотъ удивленная и наивная нѣмецкая принцесса спрашиваетъ: кто эта столь пышно одѣтая монахиня? Во-

1) См. Ramsay, *Historical Geography of Asia minor* (London, 1890), 389.

2) Nicet. Ioann. Comnen., cap. 11, ed. Bonn. pag. 51, 52. ἔτους ἡδη τελείου ἐπὶ τοῖς ἡθλημένοις τὸύτοις παριπλευκότος, ἀλλ' ἐξ Ἰσαυρίαν ἀφιγμένος и т. д.

прось произвель смущеніе, такъ какъ сейчасъ же былъ истолкованъ въ смыслѣ дурной примѣты присутствующими суевѣрными византійцами обоего пола¹⁾). Дѣйствительно, Берта напророчила бѣду и при томъ не для одной только жены старшаго царевича.

Вѣроятно вслѣдствіе вредныхъ климатическихъ вліяній, происходящихъ отъ испареній сосѣдняго озера и обычныхъ тамъ злоказченыхъ лихорадокъ, заболѣли и умерли одинъ за другимъ два сына императора Иоанна, старшій Алексій и слѣдующій за нимъ Андроникъ. Два трупа отправлены были изъ Атталіи моремъ въ Константинополь въ сопровожденіи третьяго брата Исаака²⁾). Самъ императоръ, пораженный, но не сломленный горемъ, не отказался отъ исполненія тѣхъ плановъ, ради которыхъ онъ *годъ тому назадъ* оставилъ свою столицу. Черезъ *Исаурию*³⁾, гдѣ была краткая остановка для приведенія дѣль

1) Cinnam Lib. I, cap. 4. Bonn. pag. 36.

2) Cinnam Lib. I, cap. 10. Bonn. pag. 24. Οὐπω γὰρ τῆς Κιλίκων ἐφίστατο, καὶ δυεῖν μὲν ἀφήρητο πτίδων, οἱ χρόνῳ προηγοῦν... Nicet. Johann, cap. 10. Bonn, pag. 51. Willermi. Tugr. Lib. XV, cap. 19 (Paris, 1844: Recueil des historiens des croisades tom. I, pag. 688). Per idem tempus, quatuor vix evolutis plene annis, ex quo a Tarso Ciliciae et universa Syria decesserat, dominus Joannes Constantinopolitanus imperator — iterum exercitus in Syriam dirigens — iter versus Antiochenus dirigit partes. Enavigato igitur Bosphoro, — trans cursis mediis provinciis, Attaliam usque pervenit, quae est urbs maxima, in litore maris sita, provinciae Pamphyliae metropolis. In hac dum moram faceret dominus imperator, duo de filiis ejus, Alexius videlicet primogenitus, et natu secundus, Andronicus, languore correpti gravissimo, extremum morientes clauerunt diem. Vocans que imperator natu tertium Isaacium nomine, cum fratribus funeribus defunctorum — Constantinopolim remisit; ubi sepultis fratribus, juxta patris imperium usque ad patris obitum moram fecit continuam. Кромѣ отчетливаго разсказа Никиты и особенно Вильгельма Тирскаго, объ обстоятельствахъ смерти (Алексія и) Андроника мы узнаемъ изъ плача на кончину послѣдняго, сочиненнаго Феодоромъ Продромомъ для его овдовѣвшей супруги, севастократориссы Ирины. Пьеса была издана и не однажды: сначала Буассонадомъ (Boissonade, Anecdota nova. Parisiis, 1844, pag. 371—388: Στῦχοι ἵμβοι μονωδίκοι ἐκ προσώπου τῆς σεβαστοκρατόρισσῆς ἐπὶ τῷ ταύτης ὄμοζυγῳ), а за тѣмъ въ Аенвахъ въ 1879 году Гедеономъ, греческимъ ученымъ въ Константинополѣ: Εἰρήνης σεβαστοκρατόρισσῆς ἀνέκδοτον ποιημα (1143).

Важны слѣдующіе стихи:

86. ὃ φῶς ἐμὸν, χύδιστε πορφύρας γόνε | μόγις ἐπανεζεύξας ἐκ τῆς Ἀτάλου | τῆς Ἀτάλου τῆς χεκατηραμένης | μόγις μετῆλθες εἰς τὸ πάτριον πέδον, | διπλοῦν ἐνιαύσιον ἀνύσας δρόμον, | καὶ πῶς συνήδως οὐ λαλεῖς τοῖς φιλάταις.

Проклятая земля Атала есть, конечно, городъ Атталія; Андроникъ возвращается изъ нея послѣ *двухъ лѣтия отсутствія* (совершивъ дважды годовой бѣгъ: значитъ весною 1140 года онъ тоже сопровождалъ царя въ походъ на р. Риндахъ, о которомъ говорится у Никиты: Ioann. cap. 10. Bonn. pag. 49), но возвращается бездыханнымъ мертвѣцомъ, котораго вдова поэтому спрашивается: отъ чего онъ не хочетъ произловить слова своимъ мыльмъ. Ср. Neumann, Griechische Geschichtsschreiber, XII. Jahrhund. (Leipzig, 1888), S. 56. Благодаря знакомству съ Продромомъ, этотъ ученый избѣжалъ ошибокъ Бернгарди относительно времени прибытия Ирины въ Грецію.

3) Nicet. l. c. εἰς Ἰσχυρίαν ἀφιγμένος. Willerm Tugr. Transuersa Isauria.

въ порядокъ, онъ направился въ Сирію, сопровождаемый младшимъ изъ двухъ оставшихся въ живыхъ сыновей, Мануиломъ.... По видимому, въ это самое время приведена была невѣста послѣдняго и вступила въ Константинополь. Это приходится на весну или лѣто 1142 года. Изъ Вильгельма Тирскаго хорошо извѣстны подробности и хронологія сирійскаго предсмертнаго похода Іоаннова. Киликія, Тель-Баширъ на Евфратѣ, замокъ непокорнаго графа Едесскаго, затѣмъ *Гастунз*, замокъ Антіохійскаго князя; отсюда *26 сентября* отправлены были послы въ Антіохію съ требованіемъ впуска въ го-родъ. Основанный на ложной отговоркѣ, явно нарушающей феодальное право и принятая ранѣе обязательства отказъ латинскаго владѣтеля привелъ въ негодованіе Кало-Іоанна; но позднее время года и насту-пающая зима принудили его отказаться отъ принятія немедленныхъ мѣръ къ наказанію непокорнаго вассала; онъ воротился зимовать въ Киликію. Здѣсь съ увлеченіемъ предаваясь охотѣ, Іоаннъ, одинъ изъ лучшихъ византійскихъ императоровъ, несчастнымъ образомъ ранилъ самъ себя стрѣлою, предназначеною для дикаго вепря, и скончался 8-го апрѣля 1143 года. Предъ самою кончиною, онъ объявилъ своимъ преемникомъ находившагося при немъ младшаго сына Мануила, какъ болѣе даровитаго и способнаго, устранивъ Исаака, оставшагося послѣ погребенія старшихъ братьевъ въ Константинополѣ. Провозглашен-ный императоромъ, Мануилъ не тотчасъ воротился въ столицу, гдѣ его ожидала обрученная ему невѣста, но сначала постарался привести въ порядокъ дѣла азіатскія.

Нашъ ораторъ готовъ довольно неловко представлять ходъ дѣлъ такимъ образомъ, что несчастія постигшія царскую фамилію и открыв-шія Мануила доступъ къ престолу, были слѣдствіемъ особаго благо-воленія бож്�яго къ Бертѣ или, какъ ее переименовали въ Византії, Иринѣ. Впрочемъ, онъ оговаривается, что тутъ есть нѣчто непости-жимое, можетъ быть избранникомъ быль самъ Мануилъ, а наконецъ припоминаетъ и Аристотеля, допускающаго взаимную причинную связь между двумя фактами. Особенное устроеніе Промысла ораторъ находитъ и въ томъ, что третій братъ, Исаакъ, даже не могъ присут-ствовать при смертномъ одрѣ своего отца. Даѣе Василій сообщаетъ намъ, что когда Мануилъ возвращался изъ похода, то въ народныхъ привѣтственныхъ восклицаніяхъ имя Ирины, будущей царицы, про-возглашалось вмѣсть съ именемъ царя, то есть что она пользовалась царскимъ титуломъ ранѣе, чѣмъ получила на него формальное право

вѣнчаніемъ и провозглашеніемъ. Тѣмъ не менѣе изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что бракосочетаніе Мануила съ Ириною совершилось не тотчасъ, а отложено было на срокъ, гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ этого могли требовать приличія траура. Что было тому причиною, обѣ этомъ возможны разныя догадки. Обыкновенно думаютъ¹⁾, что вслѣдствіе перемѣны въ положеніи жениха, который теперь вмѣсто севастократора сталъ самодержцемъ, а также вслѣдствіе политического временнаго охлажденія между двумя дворами, византійскимъ и германскимъ, вызванного попыткою сближенія съ новымъ императоромъ со стороны южно-итальянскаго норманнскаго короля Рожера, Мануиль совсѣмъ хотѣлъ уклониться отъ женитьбы на дочери простаго нѣмецкаго графа. Но, во первыхъ, это толкованіе находится въ связи съ другимъ, совершенно ошибочнымъ представленіемъ у специального историка царствованія Конрада, будто сосватанная умершимъ Іоанномъ для младшаго сына невѣста все еще оставалась на родинѣ и въ первые годы правленія Мануила. Это окончательно опровергается нашимъ изложеніемъ, основаннымъ на рѣчи Василия и стихотвореніи Продрома. Василій (гл. 7 и 9) прямо говоритъ, что Берта была призвана въ Грецію еще свекрьмъ, какъ невѣста *севастократора*, что Мануиль провозглашенъ былъ *царемъ* только послѣ и т. д. Во вторыхъ, плохое въ другихъ отношеніяхъ стихи послѣдняго всетаки вѣрно передаютъ намъ воззрѣнія современнаго ему общества, а изъ нихъ становится совершенно яснымъ, что происхожденіе Берты Зульцахъ, особенно вслѣдствіе свойствъ съ Гогенштауфеномъ Конрадомъ, казалось достаточно благороднымъ для вступленія въ среду византійской царской фамиліи; при томъ многіе другіе аналогичные случаи, касающіеся брачныхъ союзовъ, заставляютъ думать, что и вообще особенной разборчивости въ степеняхъ знатности приводимыхъ изъ чужа невѣсть въ Византіи не соблюдалась: спрашивается, напримѣръ, на комъ были женаты старшіе братья Мануила и самъ Алексѣй, ранѣе его считавшійся соправителемъ и наследникомъ престола. Скорѣе нужно имѣть въ виду слѣдующее. Въ случаѣ женитьбы на иностранкахъ между приведеніемъ невѣсты въ Грецію и совершеніемъ брачнаго обряда обыкновенно наблюдается значительное разстояніе по времени; приводили обыкновенно малолѣт-

1) Bernhardi, Conrad III, I, 271, 410. Neumann, Griechische Geschichtschreiber S. 57.

нихъ княжескихъ дочерей и действительнымъ бракомъ не спѣшили, потому что этому должно было предшествовать воспитаніе невѣсты въ византійскихъ нравахъ и даже обученіе языку, на которомъ ей предстояло объясняться съ своимъ мужемъ. Когда по этому въ русской лѣтописи встречается выраженіе, что та или другая княжна была ведена Цесарюгороду для замужества съ тѣмъ или другимъ изъ членовъ фамиліи Комниновъ, то слово *ведена* должна быть въ иныхъ случаяхъ понимаемо въ самомъ простомъ и первоначальномъ его значеніи — отправленія, отвоза на чужую сторону.

Въ данномъ случаѣ, то есть относительно Ирины-Берты, кромѣ обучения языку требовалась можетъ быть и другая подготовка, наставленіе въ вѣрѣ, перевоспитаніе религіозное или точнѣе вѣроисповѣдное. Что Ирина - Берта не осталась католичкою, это не подлежитъ сомнѣнію¹⁾. Но въ чемъ должно было выразиться ея присоединеніе къ греческой вѣрѣ? Нужно помнить, что несмотря на разрывъ при Кируларіѣ отношенія между двумя церквами и послѣ—въ XI и XII вѣкахъ вовсе не были столь непримирымы и враждебны, какъ обыкновенно это предполагаютъ; независимо отъ политики Комниновъ, имѣвшей западническія тенденціи, въ самой церковной практикѣ, равно какъ и въ воззрѣніяхъ, если не всѣхъ, то многихъ дающихъ тонъ іерарховъ и ученыхъ богослововъ Востока—оставались начала терпимости, примирительное настроеніе высказывалось чаще, чѣмъ противоположное крайнее. Во всякомъ случаѣ отъ Берты, для превращенія ея въ Ирину, въ Византіи XII вѣка никто, конечно, не думалъ требовать того, о чёмъ шла рѣчь въ новѣйшее время относительно сестры германского императора, нынѣшней наследной принцессы греческой, то есть перекрещиванія. Мы имѣемъ прямые свидѣтельства, что въ ту эпоху греки, впослѣдствіи дошедшие до такой крайности, что даже русская церковь отказалась имъ слѣдовать, не требовали повторительного крещенія²⁾.

1) Bernhardi, Konrad III, I 416, Anmerk. 16. Dass Bertha den griechischen Glauben annahm, ist nicht überliefert, aber sehr wahrscheinlich.

2) Анесельмъ Гавельбергскій въ собесѣданіи съ Никомидійскимъ митрополитомъ Никитою говорилъ о греческомъ обычай при женитьбѣ грека на какой-нибудь латинкѣ совершать надъ послѣднею особый обрядъ помазанія масломъ, въ чёмъ онъ готовъ быть видѣть нѣкотораго рода перекрещиваніе. Можетъ быть намекая на недавній примѣръ присоединенія Берты-Ирины (такъ какъ сочиненіе издано только въ 1150 году), онъ замѣчаетъ, что это соблюдалось нѣсколько разъ въ отношеніи къ *personas augustales*. Но его собесѣдникъ 1185-го года въ позднѣйшей передачѣ его

Признакомъ терпимости слѣдуетъ считать существование въ данный періодъ латинскихъ храмовъ и даже монастырей какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ — конечно, ради иноземнаго пришлага населенія, которое въ Константинополь, благодаря итальянскимъ колоніямъ торговыхъ людей, было уже довольно многочисленно¹⁾) Конрадъ при своей перепискѣ съ византійскими императорами сначала отъ Кало-Іоанна, а потомъ отъ Мануила требовалъ разрѣшенія на постройку особой церкви для находящихся въ Константинополѣ немцевъ²⁾). Такъ какъ просьбы эти совпадаютъ съ переговорами о бракѣ, насть занимающемъ, то можно было бы подумать, что при этомъ имѣлись въ виду личныя религіозныя потребности Берты - Ирины. Но предположеніе оказалось бы напраснымъ. Нѣть никакого сомнѣнія,

возраженій отвѣчаетъ на такое толкованіе рѣшительнымъ протестомъ. *Si latini ritus Graecorum ex integro nossent, non tam facile eos calumniarentur, nec in eis tam facile scandalizarentur... Absit autem ab orthodoxa Graecorum fide ut baptizatum denuo rebaptizandum putemus... Sed habemus quasdam purificationes in unctione sacri olei; et quando veniunt ad nos personae extraneae, viri seu mulieres, et transire cupiunt in nostrum ritum et in nostram societatem, oleo sacrato eos inungimus, quia si sacramentum unctionis prius percererint, ignoramus.* Да и самъ Ансельмъ не видѣлъ въ предполагаемомъ обрядѣ прямо перекрециванія, а только развѣ вѣкоторую форму перекрециванія: *videtur enim, quaedam forma esse rebaptizandi.* По его описанію это не есть даже и миропомазаніе, такъ какъ говорится объ елеѣ, маслѣ (oleo), влитомъ въ сосудъ и служащемъ къ обмовенію всего тѣла — *oleo sanctificato in vase aliquo infuso eam (personam) infunditis et per totum corpus lavatis...* (*Migne, Patrol lat., t. CLXXXVIII, col. 1245, 1247.*) Историкъ и участникъ втораго крестового похода, капелланъ французского короля, Одонъ изъ Девиля (*Odo de Diogilo, De profectione Ludovici regis in Orientem: Migne, Patrol. latin. CXCV, 1220*) отличавшійся фанатическою ненавистью къ грекамъ какъ схизматикамъ, прямо, но, очевидно, можно обвинять ихъ именно въ перекрециваніи католиковъ. *Sed pro nefas! audivimus scelus eorum morte lendum, quia quotiescumque nostrorum connubia contrahunt, antequam conveniant, eum qui Romano iure baptizatus est, rebaptizant.* Извѣстно, что въ русской церкви перекрециваніе обращенныхъ католиковъ было предписано при патріархѣ Филаретѣ, но затѣмъ отмѣнено на соборѣ 1667 года. Еще въ 1720 году на запросъ съ русской стороны патріархъ Іеремія III отвѣчалъ, что въ Константинополѣ не перекрециваются даже лютеранъ и кальвинистовъ (*Gedeon, Κανον. διατάξεις I, 148.*) Только въ 1756 году тамъ пришли къ другому рѣшенію по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, котораго и держатся до сихъ поръ (*Rhally, Σύνταγμα V, 614. Gedeon, I, 252. Kattenbusch, Orthodoxe Kirche. 405.*

1) См. Bouquet, XVI, pag. 150 примѣч. а; здѣсь сообщены свѣдѣнія о монастыряхъ Клюнійцевъ въ Константинополѣ. *Constantinopoli enim, quemadmodum et in reliqua Graecia, basilicae erant et varia Latinorum monasteria, quibus Romanis moribus et ritu latino vivere, reliquaque sacra ad Pontificum normam celebrare permittebatur.*

2) *Nihilominus etiam te rogamus, ut hominibus imperii nostri, Teutonicis videlicet, qui Constantinopoli morantur, locum in quem ad honorem Dei ecclesiam aedificant concedas, письмо Конрадъ къ Иоанну, а въ письмѣ къ Мануилу — въ концѣ идетъ рѣчь — de loco, in quo nostris Teutonicis ad honorem Dei ecclesiam aedificare volumus...*

что будущая супруга Мануила, императрица Ирина, съ самаго начала ходила въ греческую православную церковь и совсѣмъ не предусматривалось, что она будетъ нуждаться въ латинской — подобно временнымъ или чуждымъ пришельцамъ. Если на этотъ счетъ могли быть прежде какія сомнѣнія (Bernhardi, см. примѣчаніе внизу текста на стр. 86), то они окончательно уничтожаются любопытнымъ повѣствованіемъ надгробного слова о сценѣ причащенія Ирины въ Солунѣ, о чемъ рѣчь будетъ далѣе.

Какъ бы то ни было, при возобновленіи начатыхъ при Кало-Юанѣ посольскихъ спошенній съ Германіею и Конрадомъ, Мануилъ въ 1145 году извѣщалъ послѣдняго о своемъ намѣреніи вступить въ дѣйствительный брачный союзъ съ давно предназначенней ему невѣстою. Сообщеніе было сдѣлано очень строптивымъ греческимъ посломъ Никифоромъ, который раздражилъ Конрада вѣроятно неумѣстными заявленіями относительно титула: постоянный источникъ пререканій между двумя имперіями, изъ коихъ каждая считала себя единственно *римскому*; но все кончилось благополучно, и Конрадъ съ своей стороны изъявилъ готовность видѣть въ имѣющемся совершившися обрядѣ «залогъ вѣчнаго союза постоянной дружбы»¹). При этомъ, согласно съ желаніемъ Мануила — видѣть въ Константинополѣ болѣе знатныхъ пословъ — Конрадъ отправилъ туда Вюрцбургскаго епископа Ембрикона и Роберта, князя Капуанскаго. Первому изъ нихъ Оттонъ Фрейзингенскій приписывается какую-то особенную роль въ окончательномъ устройствѣ дѣла, въ осуществленіи давно задуманнаго плана. Византійскій литераторъ и ученый, уже знакомый намъ Цеци — съ своей стороны хвалится, что ему удалось за семь мѣсяцевъ ранѣе предсказать царскую свадьбу, имѣющую совершившися въ январѣ, хотя для этого, повидимому, не требовалось слишкомъ глубокаго знанія астрономическихъ примѣтъ, которыми Цеци объяснялъ свое предвѣданіе²). Что свадьба была въ январѣ, это видно изъ замѣчанія Оттона Фрейзингенскаго объ Ембриконѣ, будто бы распоряжавшемся приготовленіями къ брачному торжеству, которое совершилось *въ недѣлю послѣ*

1) *Volumus ut insit aeternum foedus perennis amicitiae:* письмо Конрада въ *Otton. Fries. Gesta, Lib. I, cap. 24.*

2) *Scholia ad Tzetzis Allegorias: Cramer, Anecdota graeca Oxoniens. Biblioth. vol III, 380.* ὅπερ καὶ ὁ Τζέτζης προειπὼν περὶ τοῦ βασιλέως γάμου ὅτι μετὰ ἐπτὰ μῆνας γενήσεται ἴανουαρίου μηνὸς, οὐκ ἀδόκιμος ἐφάνη περὶ τὴν πρόβρησιν.

*Крещенія*¹⁾). Ембрионъ еще нѣсколько времени оставался въ Византії и умеръ на возвратномъ пути въ Аквилеѣ, какъ показываютъ другія данныя — 10 ноября 1146 года²⁾). Отсюда слѣдуетъ, что январскій бракъ нужно относить къ началу *названнао года* (1146).

Оба византійскіе историки, описывающіе царствованіе Мануила, сохранили хорошую память о первой его женѣ и сообщаютъ нѣкоторыя черты ея виѣшней и нравственной физіогноміи, легко согласуемыя съ патетическими отзывами печатаемой нами надгробной рѣчи, отчасти ею восполнляемыя. По словамъ Киннама Ирина отличалась благочинностію виѣшняго поведенія, а относительно душевныхъ качествъ не уступала ни одной изъ своихъ сверстницъ; цѣломудріемъ, благочинностью и милосердіемъ къ нуждающимся далеко превосходила своихъ современницъ³⁾). Никита Хоніатъ пишетъ⁴⁾: «Она не столько заботилась о красотѣ тѣлесной, сколько о внутренней и душевой. Отказавшись отъ притираний порошками, отъ подкрашиванія глазъ, отъ искусственного, но не отъ природного румянца и предоставивъ все это женщинамъ безразсуднымъ и пустымъ, она занималась и украшалась добродѣтелями. При томъ она имѣла свойственный ея племени характеръ непреклонный и была нѣсколько упрямая». И въ нашемъ новомъ источнику для характеристики Ирины есть указанія, что со стороны физической Ирина представляла типъ нѣмецкой красоты: она была высока ростомъ — и потому сравнивается съ пальмою, отличающаяся соразмѣрностью членовъ, цветущею свѣжестью и нѣжною краскою лица. Объ ея сострадательности къ сиримъ и бѣднымъ, проявлявшейся въ разныхъ видахъ благотворительности, говорится въ надгробной рѣчи съ подобающею подробностію. Племенные черты нравственнаго нѣмецкаго характера отмѣчены Василемъ Охридскимъ въ изліяніи его чувствованій по поводу сцены причащенія, въ которой онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицемъ.

Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ былъ очень развитъ въ фамиліи Комниновъ и при дворѣ Мануила. Не смотря на то, что Ирина-Берта, конечно, только послѣ пріѣзда въ Константинополь научилась греческому языку, она не осталась чуждою стремленіямъ

1) Qui omnia sapienter et solerter ordinans, nuptias post *epiphaniam ebdomada* in urbe regia celebrari cum fastu et decore regio jussit. *Gesta I*, c. 23.

2) Bernhardi, *Der König Konrad*, I, 416 примѣч.

3) Cinnam histor. Lib. II, cap. 4. Bonn, pag. 36 и Lib. V, cap. 1. Bonn, p. 202.

4) Nicet. De Manuele Lib. II, cap. 2. Bonn, p. 73.

образованной среды. Чтение и толкование Гомера входило въ кругъ приличнаго воспитанія, составляло главную основу тогдашняго такъ называемаго грамматическаго обученія. Нѣкоторое знакомство съ поэмами Гомера Ирина, нужно предполагать, пріобрѣла въ теченіи годовъ, предшествовавшихъ браку, но какъ далеко и глубоко шло это знакомство, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ оно не произвело на нее такого жизненнаго захватывающаго впечатлѣнія, чтобы повліять на ея вкусъ и внушить отвращеніе къ жалкимъ упражненіямъ современныхъ ей стихослагателей.

Въ 1147 году¹⁾, черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ, она прославляется какъ величайшая почитательница Гомера, *гомеричнѣйшая царица, въ появившихся въ означенномъ году такъ называемыхъ Аллегоріяхъ Гомера, сочиненныхъ Ioannomъ Цеци²⁾.* Твореніе Цеци, посвященное Иринѣ въ самомъ надписаніи, начинается предисловіемъ, тоже обращеннымъ къ лицу приказавшей ему взяться за сочиненіе. Ирина называется свѣтлою, вселунною луною, которая является не волнами океана омытою, но выникающею изъ пурпурнаго ложа самаго свѣтоносца (солнца), она хочетъ своими духовными лучами далеко прогнать темноту речей и вечерній сумракъ книгъ, не Клеопатрѣ подражая, древней царицѣ, которая, при помощи Ефесскаго врача Сорана, занималась средствами виѣшняго украшенія своей наружности; она не думаетъ, подобно ей, при помощи мудраго механика Книдскаго Дексифана — превратить часть моря въ твердую землю, или же изъ горы Аеона дѣлать море и подобно Ксерксу замостить судами проливъ Абидосскій; нѣть, скорѣе подобно незримому Богу — не по естеству, а по отношению — (*τῇ θέσῃ, οὐ φύσῃ*), — она находитъ удовольствіе въ образахъ и красотахъ слова. Среди грома и бури, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ облака она издаєтъ божественный гласъ, наполняющій ужасомъ, и рукополагаетъ своего раба сдѣлаться подлиннымъ изображеніемъ (типовъ) древняго Моисея: только не бѣглый народъ израильскій онъ обязалъ спасать и не Чермное море разсѣкать жезломъ, а великую пучину - океанъ Гомера, сжимающаго кругомъ всю вселенную. Она повелѣваетъ сдѣлать его всѣмъ доступнымъ и удобопроходимымъ.

1) См. Hart, De Tzetzaram nomine vitis scriptis, pagg. 47, 56.

2) Полное заглавіе: 'Υπόθεσις τοῦ Ὁμήρου, ἀλληγορηθεῖσα παρὰ Ἰωάννου γραμμатикοῦ τοῦ Τζέτζου τῇ χρήταιωτάτῃ βασιλίσσῃ καὶ ὁμηρικωτάτῃ, κυρᾶ Εἰρήνη τῇ ἐξ Ἀλαμανῶν. Твореніе Цеци имѣло два изданія: — Matranga, Anecdota graeca. Pars prima, Romae, 1831, которымъ мы пользовались, и Boissonade, Lutetiae. Paris. 1851.

«И вотъ я приступаю къ своей задачѣ и поразивъ его (Гомера) жезломъ слова, сдѣлаю всѣмъ доступнымъ, и его незримыя глубины предъ всѣми обнаружатся». Сдѣлавъ довольно нескладную оговорку относительно ожидаемыхъ завистниковъ и насмѣшниковъ, Цеци обращается къ царицѣ и приглашаетъ ее, раскрывъ свой слухъ, сначала узнать о происхожденіи поэта, его родину и отца, а также его учителей: родина и отецъ сомнительны, потому что, по сказаніямъ, Гомеръ оказывается сыномъ семи городовъ и семи отцевъ, но его учителемъ бытъ Пропанидъ, питомецъ Лина, который въ свою очередь научился мудрости отъ Кадма. Гомеръ участвовалъ въ двухъ походахъ, Фиванскомъ и Троянскомъ, былъ бѣдень и слѣпъ, пришелъ въ Аркадію, гдѣ надъ нимъ грубо насыпались тамошние рыбаки; возвращаясь въ огорченіи домой, онъ поскользнулся, неловко упалъ и тутъ же умеръ.— Слѣдуетъ введеніе (*prooemium*) въ самую Иліаду, излагающее то, что происходило ранѣе и вызвало походъ грековъ подъ Трою, вмѣстѣ съ характеристикою героевъ, съ описаніемъ ихъ наружности.— Свадьба Пелея, споръ трехъ богинь, судъ Париса, похищеніе Елены составляютъ эпизодъ, изложенный съ большою подробностію. Оказывается, что Парисъ - Александръ ранѣе путешествія въ Грецію былъ риторомъ и упражнялся въ литературѣ и наукахъ, даже написалъ много сочиненій—въ стилѣ и вкусѣ Іоанна Цеци. Самому Александру-Парису принадлежитъ первоначальное космогонически - аллегорическое объясненіе брака ютиды и Пелея: бракъ значить сочетаніе основныхъ первичныхъ стихій, три богини, присутствовавшія на свадьбѣ, означаютъ: Аѳина—влажный приземный воздухъ, Гера—эріръ, а Афродита—тонкое вещества огня. Цеци забываетъ сказать, какъ Парисъ объяснялъ себя самого; можетъ быть, догадавшись, что космогоническимъ объясненіемъ Париса-Александра была бы подорвана правдоподобность его литературной дѣятельности.—Личное отношеніе къ Иринѣ имѣеть заключеніе первой книги, излагающей содержаніе соответствующей рапсодіи и состоящей изъ 1217 политическихъ стиховъ. Отсюда видно, что Цеци предполагалъ дѣйствительный и живой интересъ къ его произведенію, лишенному не только вкуса, но и здраваго смысла, со стороны юной царицы, принявшей на себя роль покровительницы наукъ.— «Я не знаю, говорить онъ, цѣли твоихъ внушеній—желаешьъ ли ты, чтобы я все описалъ вкратцѣ, или же чтобы я въ подробности и въ частностяхъ (*πρὸς πλάτος μερικῶς*),—по главамъ отъ альфы къ витѣ и другимъ буквамъ,— излагалъ содержаніе каждой пѣсни (рапсодіи), кто и

кто, кѣмъ и кѣмъ былъ убить, прибавляя при семъ небольшія замѣчанія и полезныя аллегорическія толкованія (въ родѣ сейчасъ приведенного по Александру): пусть мнѣ это будетъ разъяснено скорѣе, ибо я очень недоумѣваю». — Разъясненіе было дано, очевидно, въ смыслѣ желательности подробнаго изложенія каждой рапсодіи по образцу того, что уже было представлено. — Но, увы, въ концѣ XV пѣсни (*Matranga, Anecdota I*, 125) настѣ вдругъ поражаетъ такая замѣтка: «До рапсодіи О сочиненіе было писано для царицы, а затѣмъ возникла опасность, что трудъ совсѣмъ будетъ прерванъ вслѣдствіе крайней скверноты (*бѣстропіа*) тѣхъ, отъ кого зависѣло вознагражденіе». — Что произошло, мы узнаемъ изъ длиннаго и по содержанію очень любопытнаго письма Цеци (№ 48, *Pressel, pag. 48 — 51*) къ пѣкоему *Megalонd*.

Можно сказать, что письмо написано не только съ большимъ риторическимъ искусствомъ, но даже и съ талантомъ, который вообще у Цеци проявляется не въ стихотворной формѣ, а въ прозаической. Самъ онъ думалъ наоборотъ и по этому къ письмамъ еще присочинилъ комментарій — *въ стихахъ*, такъ называемыя Хиліады (*«Тысячи»* разумѣется стиховъ: всего тринадцать хиліадъ), которыя въ литературномъ отношеніи представляютъ совершенную нелѣпость, но иногда въ самомъ дѣлѣ разъясняютъ то, что осталось темнаго въ прозѣ. И въ данномъ случаѣ здѣсь можно найти простѣйшее разъясненіе занимавшаго настѣ приключенія. Къ сожалѣнію, было бы слишкомъ длинно подробно излагать содержаніе чувствованій, выражаемыхъ обиженнымъ поэтомъ въ его длиннѣ посланіи; оно отзывается весьма оппозиціоннымъ духомъ и тономъ по отношенію къ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ и даже къ тогдашнимъ общественнымъ порядкамъ. А сущность обиды, которая заставила писателя оглянуться кругомъ и почувствовать царящую вездѣ неправду, заключалась въ томъ, что ему за его трудъ сначала платили дороже, а потому вдругъ понизили цѣну или еще того хуже. Онъ представлялъ свой трудъ сначала небольшими тетрадями, вмѣшавшими каждая не болѣе 288 стиховъ, и получалъ за тетрадь по 12 золотыхъ монетъ — впрочемъ довольно подозрительного бѣлага золота, затѣмъ управляющій дворомъ и казною Августы (Ирины) посовѣтовалъ ему больше беречь пергаментъ и писать убористѣе. Послѣ того Цеци представилъ тетрадь, писанную въ нѣсколько столбцовъ, которая одна заключала въ себѣ столько, сколько бы вошло въ десять прежнихъ, и получилъ то же

самое, что за простую, то есть по его расчету — въ десять разъ менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, да и на этомъ дѣло не остановилось: отъ него потомъ стали отдѣльваться однimi поощреніями: «пиши, пиши далѣе, а награда тебѣ будетъ»¹⁾). Поэтъ чувствовалъ себя не только обиженнымъ, но и обокраденнымъ; ему было тѣмъ болѣе горько, что, какъ онъ замѣчалъ, ко двору Ирины легко проникаютъ разные лицемѣры, святоши и попрошайки, за свою мнимую святость и подвижничество получающіе щедрые, ни съ чѣмъ не сообразные подарки: въ письмѣ это изображено въ живыхъ и конкретныхъ образахъ.—Вотъ въ чѣмъ заключался эпизодъ съ Аллегоріями. Нужно прибавить, что Цеци всетаки получилъ возможность продолжать свой трудъ. Нашелся, по его выраженію, благородный Пизистратъ въ лицѣ богатаго сановника Константина Котерци, который доставилъ нужныя средства, обеспечилъ гонораръ автору и тѣмъ самыи побудилъ довести до конца Иліаду. Одиссея явилась уже по смерти Ирины (*Matranga, Anecdot. I.*, 224), и къ чести поэта нужно сказать, что онъ съ благодарностью вспоминаетъ о царицѣ, «которая была украшеніемъ женскаго пола» и по приказанію которой за достойные дары онъ самъ написалъ большую часть своей аллегорической Иліады. Есть признаки, что Ирина интересовалась и письмами Цеци или по крайней мѣрѣ ей навязывали обязанность такого вниманія; существовало недошедшее до насъ изданіе первой части Хиліадъ, предназначеннное для царицы и ей посвященное, а мы знаемъ, что Хиліады есть только комментарій къ письмамъ²⁾.

Отношения къ Цеци, повидимому, были первымъ и послѣднимъ опытомъ меценатства, прямого покровительства со стороны Ирины свѣтской литературѣ. Кромѣ своего Котерци, который былъ для его Аллегорій тѣмъ-же, чѣмъ Пизистратъ для поэмъ Гомера, Цеци опять могъ обращаться къ прежней своей усердной поощрительницѣ — севастократориссѣ Иринѣ, женѣ Андроника, недавно умершаго брата Мануилова. Другой поэтъ, Феодоръ Продромъ, привѣтствовавшій въездъ Ирины-Берты въ царствующій градъ, обращался съ своими произведеніями и съ постоянными напоминаніями о скучности своихъ средствъ къ жизни тоже къ севастократориссѣ, а не къ Августѣ или самодержицѣ. Манасси все для той-же севастократориссы написалъ свою стихо-

1) *Chiliad. IX. Histor.* 283—297. Ed. Kiessling, pag. 334—395).

2) См. Hart, *De Tzetzarum nomine et cet.*, pag. 56.

творную хронику. Дальнѣйшее безучастное отношеніе царицы Ирины къ свѣтской литературѣ, къ которой, конечно, приходится относить все, соприкасающееся съ классическимъ язычествомъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что при ея дворѣ и надѣю пріобрѣли исключительное вліяніе духовныя лица—архіереи и монахи: Цеци, прямо сознававшій противоположность между свѣтскою литературою и церковною, намекалъ на ханжей и лицемѣровъ. О глубокомъ благочестіи и набожности Ирины, о почтеніи ея къ духовному чину, особенно къ черному духовенству находится прямое свидѣтельство въ рѣчи Василия Охридскаго. Впрочемъ, вскорѣ послѣ брака для Ирины начался періодъ заботъ и тревогъ, отчасти личныхъ, отчасти общественныхъ: ихъ было достаточно, чтобы поглотить все ея вниманіе.

Въ августѣ 1147 года приближалось къ Константинополю крестоносное нѣмецкое ополченіе, предводимое королемъ Конрадомъ; по дорогѣ оно надѣжало столько буйствъ и насилий, что настроеніе греческаго населенія, особенно въ столицѣ, проникнуто было раздраженіемъ, страхомъ и враждою къ опаснымъ пришельцамъ. Даже отношенія между свояками, Мануиломъ и Конрадомъ, не смотря на личныя вѣроятныя старанія Ирины, не были вполнѣ дружелюбны или искренни. Нѣмцамъ было отведено помѣщеніе по другую сторону Золотого Рога въ Перѣ, самъ король имѣлъ тамъ свою квартиру и не успѣлъ побывать ни во Влахернахъ, ни у св. Софіи; свиданія между союзниками и родственниками не послѣдовали. Мануиль всего болѣе озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы поскорѣе сбыть съ руки нѣмцевъ, пока не подойдутъ французы. Въ сентябрѣ Конрадъ съ главною массою своихъ ополченцевъ принужденъ былъ переправиться на азіатскій берегъ. Всѣ сношенія его съ царемъ и Ириною ограничились пересылкою привѣтствій, личныхъ и политическихъ требованій чрезъ гонцовъ и посланцевъ. Разрыва, впрочемъ, не было. Потерпѣвъ затѣмъ роковую неудачу на походѣ противъ Иконійскихъ турокъ и особенно пострадавъ при отступленіи отъ Дориляя къ Ницѣ, поставленный въ непріятное положеніе къ послѣ прибывшему французскому королю, вмѣстѣ съ которымъ пришлось продолжать походъ по берегамъ Малой Азіи—чрезъ греческіе приморскіе города по направленію къ Сиріи, разбитый нравственно и болѣй физически, Конрадъ съ дороги изъ Ефеса въ самомъ началѣ 1148 года вернулся въ Константинополь. Если буквально понимать выраженія его позднѣйшаго письма къ аббату Вибальду, то нужно будетъ принять, что императоръ Мануиль вмѣстѣ

съ молодою императрицею лично прибыли въ Ефесъ въ сопровождениі морской эскадры и снабдили Конрада и его князей всѣми средствами, нужными для переѣзда; затѣмъ Мануилъ почти насильно помѣстилъ свояка въ одномъ изъ своихъ дворцевъ и поручилъ его лечение собственнымъ врачамъ¹⁾, среди которыхъ были знаменитости, оставившія свои имена въ исторіи. Впрочемъ, Мануилъ и особенно императрица не переставали принимать непосредственное участіе въ уходѣ за больнымъ, въ стараніяхъ о возстановленіі его здоровья. Мануилъ, который считалъ себя знатокомъ во враачебномъ искусствѣ и признаваемъ бывъ за такого другими, лично являлся при постели больного короля и не только наблюдалъ надъ ходомъ леченія, но и руководилъ имъ. Когда Конрадъ нѣсколько оправился, но все еще находился въ подавленномъ состояніи духа подъ гнетомъ мрачныхъ воспоминаній о гибели своего войска, его старались утѣшить или по крайней мѣрѣ развлечь всякаго рода увеселеніями—конными ристаніями и театральными представленіями. Тогда послѣдовало обрученіе племянницы Мануила Феодоры со своднымъ братомъ короля, герцогомъ Гейнрихомъ, маркграфомъ австрійскимъ (Bernhardi II, 656). Послѣ выздоровленія Конрадъ опять на греческомъ кораблѣ былъ отвезенъ въ Палестину и около Пасхи (11—17 апрѣля 1148) высадился въ Аккѣ; онъ все-таки разсчитывалъ собрать достаточно людей и средствъ, чтобы совершить походъ для освобожденія Едессы.

Въ Іерусалимъ, вслѣдствіе мѣстныхъ своекорыстныхъ соображеній и настоящій, этотъ планъ былъ замѣненъ походомъ на Дамаскъ. Извѣстно, какъ плачевно для крестоносцевъ окончилось это предпріятіе; причиною была почти явная измѣна ихъ, то есть, палестинскихъ князей и бароновъ, не исключая самого короля Балдуина. Огорченный и оскорблѣнnyй, Конрадъ, согласно съ прежде даннымъ обѣщаніемъ, даже скрѣпленнымъ клятвою, воротился въ европейскіе предѣлы византійского государства. 8-го Сентября (1148 г.) въ Аккѣ онъ сѣлъ на греческій корабль, его ожидавшій; однако курсъ судна былъ направленъ не въ Константинополь, а къ Солуню. Безъ сомнѣнія, Мануилъ далъ своему адмиралу приказаніе привести короля туда, гдѣ

1) Jaffé, *Monumenta Corbejens.* (*Bibliotheca rerum Germanic.* I), pag. 153. Quod eam frater noster Grecorum imperator audiret, vehementer indoluit et cum filia nostra dilectissima imperatrice, sua videlicet conjugi, ad nos praeopere descendit, liberaliter nobis et principibus nostris sua et necessaria ad iter nostrum largiens, quatinus a medicis suis citius curaremur, quasi vi Constantinopolim in palatum suum reduxit..

онъ самъ будеть находиться, а въ то время императоръ быль занять приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ противу норманновъ и для наблюденія за ними онъ основалъ свою главную квартиру въ западныхъ областяхъ своей имперіи; въ Солунѣ и въ его окрестностяхъ онъ провелъ не только осень 1148, но и значительную часть слѣдующаго 1149 года. Здѣсь Конрадъ второй разъ встрѣтился и бесѣдоваль со своимъ своякомъ; здѣсь былъ условленъ планъ общихъ дѣйствій противъ норманнскаго короля Рожера въ Италии и установлены начала общей политики на будущее время. Только весною 1149, послѣ Благовѣщенія, Конрадъ отправился черезъ Аквилею въ Германію. Въ письмѣ къ свояченицѣ, царицѣ Иринѣ, отправленномъ изъ Германіи въ слѣдующемъ 1150-мъ году, онъ съ глубокою благодарностью вспоминаль о нѣжныхъ ея попеченіяхъ въ Константинополѣ, когда онъ лежалъ на одрѣ болѣзни, и о позднѣйшихъ доказательствахъ ея родственного расположенія. «Никакія затрудненія, никакія опасности, никакія превратности обстоятельствъ не изгладятъ изъ его благодарнаго сердца горячей признательности за испытannую имъ задушевную преданность и за щедростъ»¹⁾). Это должно было ручаться и за вѣрность Конрада союзу, заключенному съ царемъ Мануиломъ. Въ силу того Конрадъ подробно объясняетъ въ томъ же посланіи стеченіе обстоятельствъ, помѣшившихъ ему приступить къ исполненію условленнаго плана совокупныхъ дѣйствій противъ Рожера тотчасъ послѣ возвращенія въ Германію. Ирина должна была служить посредницею и представить эти объясненія своему мужу. Такой же смыслъ имѣеть и другое письмо къ Иринѣ ея племянника по сестрѣ, предполагаемаго наслѣдника на германскомъ и императорскомъ престолѣ, короля Гейнриха, сына Конрадова²⁾). По отѣѣздѣ Конрада Мануилъ съ супругою оставались еще довольно долго въ окрестностяхъ Солуни. Ни теперь, ни раньше во время пребыванія Конрада никакой временнѣй поѣздки въ Константинополь не было³⁾). Это мы

1) *Tua fides, tua pietas, tua devotio, tua liberalitas— — — tantum ardorem sanctae caritatis in nostra mente circa te adauxerunt, ut eam nulla difficultas, nullum periculum, nulla rerum varietas possit extinguere:* Jaffé, *Monumenta Corbejensia*, pag. 968.

2) Jaffé l. c. № 245, pag. 367.

3) На томъ, что Конрадъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Фессалоникѣ, отправился вмѣстѣ съ Мануиломъ въ столицу, гдѣ и провелъ зиму, съ большимъ усердиемъ настаиваетъ Бернгарди (Konrad III, Anwerk. 45, S. 681—682), хотя уже Киннамъ (L. III, сар. 4), приведенный Капгерромъ, долженъ быть послужить предостереженiemъ. Вопросъ окончательно рѣшается приводимымъ у насть новымъ сообщенiemъ. Ср. К. Я. Гротъ «Угрія и Слав.» стр. 141.

подлинно знаемъ изъ исторіи перенесенія въ Константинополь въ монастырь Вседержителя (Пантократора) нѣкоторыхъ святынь изъ Солуния, чѣмъ императоръ Мануилъ былъ занятъ въ данное время: разумѣются доска съ гробницы мироточивыхъ мощей Димитрія Солунскаго, замѣненная на мѣстѣ другою, а также его икона и частицы мощей. Именно въ Мартѣ 1149 года для этой цѣли прибылъ сюда изъ столицы игуменъ вышеназванного знаменитаго и богатаго монастыря, основанного при Кало-Іоаннѣ; это былъ Іосифъ, извѣстный намъ по письмамъ къ нему Цеци. Игуменъ не нашелъ царя въ Салоникѣ, а встрѣтился съ нимъ въ селеніи Доброховиштѣ (*Δοβροχούβιστα*) — въ области города Верріи — въ двухъ дняхъ конной Ѣзды отъ Солуния; въ столицу онъ вернулся въ Октябрѣ того же года¹⁾). Очевидно, что къ этому periodu пребыванія царственной четы въ Солунѣ и его окрестностяхъ должна быть относима сцена пасхальнаго причащенія Ирины Василіемъ Охридскимъ, столь живо имъ описанная. Отсылаемъ читателя къ самому подлиннику, печатаемому ниже съ русскимъ переводомъ (гл. 17). Прибавимъ, что Пасха была тогда 3-го апрѣля.

Дальнѣйшая жизнь Ирины, повидимому, не была вполнѣ радостна и свѣтла. По увѣренію Никиты Хоніата полной гармоніи между супругами не было; именно неуступчивый нѣмецкій нравъ Ирины возбуждалъ неудовольствіе мужа; молодой императоръ, увлекаясь порывами своего возраста и обаяніемъ своего положенія, не всегда соблюдалъ требованія супружеской вѣрности, хотя не переставалъ относиться къ женѣ съ глубокимъуваженіемъ, окружая ее всѣми внѣшними проявленіями почета — «не лишалъ ея великолѣпныхъ троновъ, оруженисцевъ и прочаго блеска, чего требовало царское величіе» (Никита).

1) О перенесеніи доски съ гробницы великомуученика Димитрія есть краткое сказаніе въ Синаксаристѣ агиорита Никодима подъ 26 Октября. Подробная повѣсть, тогда же написанная діакономъ монастыря Пантократора Никазіемъ, хранится въ Мадридской библіотекѣ; В. Э. Регель, во время своихъ занятій тамошними греческими рукописями, списалъ ее для себя и любезно доставилъ намъ возможность воспользоваться его копіею. Заглавіе повѣсти такое: *S. Demetrii Thessalonicensis Translationis Historia a Nicasio Diacono Monacho Pantocratorita composita cum latina interpretatione*. Начало: *Καὶ τι τῶν ἐπεράστων. Βαρκνη σλѣдующія мѣста: "Ετει τῷ ἑξακι- χλιοտῷ πεντηκοστῷ ἐβδόμῳ κατὰ μῆνα Μαρτίου ἴνδικτιῶνος δωδεκάτῃς (1149 годъ). . . . Ἐν τῇ πρὸς Σικελίαν στρατιῇ ὅντος τοῦ κρατίστου ἡμῶν βασιλέως. . . . Δικαιωθεὶς σὺν καλῶς καὶ ἀκινδύνως σὺν Θεῷ καὶ εὐρών τοῦτον οὐκ ἐν Σαλονίκῃ ὡς κατὰ νοῦν εἰχεν, ἀλλ ἐν χωρὶ τοῦ Θέματος Βερροίας σύτῳ πῶς λεγομένῳ Δοβροχούβιστα, ἀπέχοντι τῆς μὲν Θεσσαλονίκης ἵππικᾳ δρόμῳ ἡμερήσια δύο. — Возвращеніе Іосифа въ Царьградъ уже отнесено къ тринацдатому индикту къ Октябрю (того же 1149 года).*

Съ своей стороны Ирина умѣла цѣнить достоинства и героическую военную доблесть своего мужа, которою онъ озnamеновалъ себя прежде всего при осадѣ Корфу, занятаго временно норманнами. По рассказу Киннама (Lib. II, сар. 3. Bonn, pag. 99), она однажды въ полномъ собраніи высшихъ государственныхъ чиновъ держала рѣчъ въ его похвалу и при этомъ выразилась, что она не знаетъ другаго примѣра, когда бы кто совершилъ столько славныхъ дѣлъ въ столь короткое время; а она, по замѣчанію византійца, была въ этихъ дѣлахъ компетентна, ибо происходила изъ великаго и воинственного рода. Въ надгробной рѣчи Василія сообщается, что большимъ горемъ для Ирины было продолжительное бесплодіе, потомъ неимѣніе дѣтей мужескаго пола. Если не въ началѣ супружества, то впослѣдствіи Ирина родила мужу двухъ дочерей; однако, это не было полнымъ утѣшениемъ и не замѣняло отсутствія желанного порфиороднаго наслѣдника. Уже тогда въ Византіи появилось объясненіе, что тутъ не было случайности, что тутъ было божье наказаніе—хотя и не за вину самой Ирины. Рассказывали, будто несправедливо обиженный царемъ и низложенный съ престола патріархъ Косьма произнесъ заклятіе на утробы царицы, чтобы она не рождала дѣтей мужескаго пола; у Никиты описывается патетическая сцена, при которой это произошло, и послѣдовавшее смятеніе придворныхъ, изъ коихъ одинъ едва не занесъ руку на патріарха (Nicet. Manuel lib. II, сар. 3. Bonn, pag. 107—109). Самъ историкъ благоразумно сомнѣвается въ вѣрности ходячаго объясненія, но тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что императоръ, человѣкъ, очевидно, здравомыслящій, будучи упрекаемъ совѣстю за свой поступокъ съ праведнымъ и благочестивымъ старцемъ, признавалъ, что это, а не что-либо другое, было причиной, почему онъ не имѣть дѣтей мужескаго пола. Что касается дочерей, то первая изъ нихъ родилась не ранѣе 1152 года¹⁾; она была наречена Маріею и отличала-

1) Киннамъ (Lib. III, сар. 11 въ концѣ. Bonn, pag. 118) сообщаетъ объ этомъ вслѣдь за разсказомъ о походѣ Мануила противъ Угровъ на Дунай и о дѣйствіяхъ около Бравичева, о чёмъ см. у К. Я. Грота (Угрія и славянство, стр. 183, 184), который относитъ событія къ 1151 году.—Есть еще одно большое стихотвореніе Феодора Продрома съ надписаніемъ, что это есть пѣснопѣніе на рожденіе порфиородной царицы (ἐπί τῷ γενέθλῳ τῆς πορφυρογενῆτου καὶ βασιλίδος), которое издателемъ (E. Miller, Historiens grecs des croisades II, 351) поэтому отнесено къ рожденію Маріи,—но надписаніе должно и нужно удивляться, какъ этого не замѣтилъ ученый издатель, потому что мать представляется дочерью короля, чѣмъ не была Берта-Ирина, и, чтѣ еще важнѣе, — новорожденный младенецъ мужескаго пола (ἀτόγονος, ἔγγονος), явившимся на свѣтъ на десятый годъ брака: дѣло идетъ объ Алексѣѣ, сыне

лась большою красотою. Впослѣдствіи ей суждено было пережить свою мать и еще при жизни отца испытать не мало превратностей вслѣдствіе того, что она сдѣлала ее орудіемъ своей политики. Считаясь ближайшою наслѣдницею престола, она была обручена съ угорскимъ королевичемъ Бѣлою, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ объявленъ преемникомъ Мануила на царствѣ, но затѣмъ, когда у Мануила отъ второй жены родился собственный сынъ, Марія должна была отказатьсь отъ надежды на высокое наслѣдство, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ жениха; только на тридцатомъ году жизни, когда ея прежній обручникъ уже носилъ корону св. Стефана, она была выдана за мужъ за семнадцатилѣтняго юношу Райнера Монферратскаго: конецъ обоихъ былъ самый трагическій.—Вторая дочь Мануила и Ирины, по имени неизвѣстная, не долго пережила свою мать и умерла четырехъ лѣтъ отъ рода (*Cinwat. Lib. V*, сар. 1. Bonn, pag. 202), ея рожденіе можно относить къ 1157 году или даже къ 1156-му. О смерти ея вслѣдь за кончиною матери говорить въ своей рѣчи Василій Охридскій (гл. 20), къ сожалѣнію въ столь искусственно метафорическихъ выраженіяхъ, что они способны подать поводъ къ недоразумѣнію.

Изъ западныхъ источниковъ извѣстны еще два факта, связанные съ именемъ Ирины. Въ царствованіе Фридриха Барбароссы—въ 1154 году—прибывшіе изъ Константинополя послы заявили между прочимъ преемнику Конраду († 1152) отъ имени византійской императрицы обѣ ея желаній, чтобы надѣть ея племянникомъ (сыномъ ея сестры Гертруды и Конрада) Фридрихомъ младшимъ, едва достигшимъ четырнадцатилѣтняго возраста, былъ безъ замедленія совершень старо-немецкій обрядъ опоясанія мечемъ и вмѣстѣ посвященія въ рыцари. Оттонъ Фрейзингенскій (*Gesta Freder. Lib. III*, сар. 6) прибавляетъ, что тетка, Ирина (*Hegena*) константинопольская, очень любила юношу и часто присыпала ему богатые подарки. Посламъ было наказано, чтобы они возвращались не иначе, какъ бывъ свидѣтелями совершеннія желаемой церемоніи,—и такой наказъ былъ данъ съ согласія мужа, императора Мануила, а этотъ послѣдній руководился любовью къ супругѣ и воспоминаніемъ о старой дружбѣ съ Конрадомъ¹⁾.

Мануила отъ второй жены, Маріи антіохійской. Мануилъ женился на ней въ 1161 году, а сынъ Алексѣй родился въ сентябрѣ 1169 года.

1) Ср. *Giesebecht, Gesch. der d. Kaiserz.* V, 120.

Тотъ же самый писатель или же его продолжатель Рагевинъ разсказываетъ подъ 1158 годомъ съ полнымъ убѣжденiemъ въ досто-вѣрности о дошедшихъ изъ Византіи въ Германію слухахъ о какомъ-то заговорѣ на жизнь Мануила: въ заговорѣ главную роль игралъ хранитель царской чернилицы — съ красными, впрочемъ, чернилами, ὁ ἐπὶ τοῦ κανυκλεῖου, что соотвѣтствуетъ, де, званію канцлера; но преступный замыселъ сдѣлался извѣстенъ императрицѣ, которая извѣстила своего мужа; глава злоумышленниковъ былъ схва-ченъ, ему выкололи глаза и вырвали языкъ. (*Gesta Freder. Lib. III, cap. 47.*) Византійские источники, историки Киннамъ и Никита, раз-сказываютъ этотъ эпизодъ каждый по своему, но ни тотъ ни другой не примѣшиваютъ къ открытию мнимаго или дѣйствительнаго заговора имени самой царицы. Дѣло идетъ о Феодорѣ Стиппиотѣ, о близости котораго къ царскимъ пурпурнымъ черниламъ говорятъ оба визан-тійца. Вина его, по Киннаму (*Lib. IV, cap. 19. Bonn, pag. 184.*), состояла въ томъ, будто бы онъ распространялъ предсказанія о близ-кой смерти императора Мануила и высказывалъ особая идеи о пре-столонаслѣдіи: византійскій синклитъ, то есть совокупность высшихъ государственныхъ сановниковъ, долженъ быть вступить въ роль Римскаго сената и озабочиться о томъ, чтобы скипетръ перешелъ въ руки какого-нибудь престарѣлого мужа, а не полнаго силъ юноши, дабы власть самодержца была только номинальною, а дѣйствитель-ное управлѣніе имѣло такой видъ, какой бываетъ въ государствахъ демократическихъ. По Никитѣ Хоніату (*Manuel. Lib. III, cap. 4. Bonn, pag. 145—148.*), тутъ просто была придворная интрига; на самомъ дѣлѣ никакого заговора не существовало, а происходила глу-хая и темная борьба за вліяніе, прибѣгавшая къ такимъ средствамъ, какъ поддѣльныя подброшенныя письма, вслѣдствіе доноса найденныхъ при обыскѣ и послужившія уликою. Однако, изъ намековъ Никиты можно заключить, что дѣло касалось признанія правъ наслѣдства на престолъ за малолѣтнею дочерью Ирины, Марию, которой уже теперь возможно было прискивать жениха, существующаго раздѣлить съ нею тронъ: черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1163-мъ году), но уже по смерти Ирины, такимъ оказался угорскій королевичъ Бѣла. Ирина естественно должна была стоять на стражѣ интересовъ своей дочери, особенно если и она сама повѣрила въ заклятие низложеннаго патрі-арха и отказалась отъ надежды имѣть дѣтей мужескаго пола.

Смерть Ирины относять (Муральть) къ 1158-му году, но, пови-

димому, она прожила несолько днѣ. Въ весьма отчетливомъ разсказѣ историка Киннама отмѣчается кратковременное пребываніе Мануила въ столицѣ съ царичною послѣ возвращенія изъ похода противъ Сельджукскихъ турокъ зимою 1159 года¹⁾). По связи дальнѣйшаго повѣствованія ея кончину приходится относить къ осени или зимѣ 1160-го года, потому что вслѣдъ затѣмъ говорится о смерти угорского короля Гейзы, послѣдовавшей 31 мая 1161-го года²⁾.

Историки не сообщаютъ никакихъ подробностей о болѣзни, подкосившей жизнь еще молодой государыни; только Никита, говоря о крайнемъ сокрушеніи царя, употребляетъ сравненіе, которымъ начинается рѣчь Василія («какъ левъ жалобно возревълъ»), доказывая такимъ образомъ свое знакомство съ этимъ произведеніемъ. Василій Охридскій даетъ довольно неопределеннное описание недуга, оказавшагося смертельнымъ, упоминаетъ объ изнурительной лихорадкѣ, о пораженіи внутреннихъ органовъ. Желая внушить служателямъ представленіе, что несмотря на болѣзнь, крившуюся въ организмѣ, покойница сохранила и послѣ кончины видъ цвѣтущей и красивой женщины, ораторъ прибѣгає къ сравненію, заимствованному изъ какихъ-то темныхъ классическихъ преданій о Марції, женѣ Катона (гл. 16). Во время беременности она была поражена молніею, которая убила младенца, но оставила мать невредимою. Любопытно было бы узнать, чрезъ какое посредство дошло къ нему это извѣстіе о приключеніи съ Марціей, ведущее свое начало, очевидно, отъ Плинія старшаго, хотя этотъ послѣдній и не считаетъ Марцію, подвергшуюся удару молніи, жену Катона³⁾. Ирина была погребена въ монастырѣ Пантократора. Царь Мануиль недолго оставался неутѣшнымъ; въ 1161-мъ году онъ сосваталъ себѣ другую супругу, дочь князя Антіохійскаго, по женской линіи принадлежавшую къ французскому королевскому дому Капетинговъ⁴⁾.

1) Сіппаш. L. IV, cap. 23 (Bonp, pag. 191).

2) Сіппаш. L. V, cap. 1. Bonp, pag. 194. Nicet. Manuel. L. III, cap. 5. Bonp, pag. 161. О смерти Гейзы см. К. Я. Гротъ, Угрія и славянство стр. 254 примѣч. 2. Съ другой стороны нужно имѣть въ виду, что сватовство Мануила, искашаго невѣсты при посредствѣ іерусалимскаго короля, потребовало времени около года (Willerm. Tyrens. XVIII, с. 91, pag. 875), а затѣмъ бракосочетаніе съ Марию совершилось 25 декабря 1161 года.

3) Plin. *Histor. Natur.* L. II, § 137. Marcia, princeps Romanarum ieta gravida partu exanimato ipsa citra ullum aliud incommodum vixit.

4) Wyllerm. Tyrens. l. c., pag. 875.

Остается сказать нѣсколько дополнительныхъ словъ объ изданіи нижеслѣдующаго текста и о рукописяхъ, изъ которыхъ онъ заимствованъ. Какъ мы уже сообщали въ началѣ, рѣчь Василія Охридскаго на смерть Ирины находится въ одномъ греческомъ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ. Разумѣется чрезвычайно важный и содержательный кодексъ греч. № CCL, изъ которого мы уже обнародовали нѣсколько любопытныхъ документовъ въ статьѣ объ обновленіи болгарского патріаршества¹); съ другими надѣемся ознакомить читателей Временника въ непродолжительномъ времени. Сборникъ, вывезенный преосвящ. Порфириемъ Успенскимъ († 1885) изъ монастыря св. Екатерины на горѣ Синаѣ, былъ описанъ кратко имъ самимъ и подробнѣе нами въ приложениѣ къ отчету Императорской Публичной библіотеки за 1883-й годъ: печатано и вышло отдельными оттисками въ 1885-мъ году подъ заглавіемъ «Описаніе Порфириевскаго сборника Византійскихъ документовъ». Не повторяемъ здѣсь сдѣланнаго тамъ подробнаго оглавленія. Припомнимъ только, что высокая цѣнность кодекса все-таки много теряетъ вслѣдствіе печальнаго опустошенія, произведенного въ немъ неизвѣстно когда и кѣмъ. Сборникъ теперь состоить изъ 150 листовъ на бомбіцинѣ въ большую 4-ку, но около цѣлой четверти первоначального состава утрачено, и, что всего хуже, пробѣлы образовались не въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ сподрядъ, а непрерывно и спорадически между отдѣльными сохранившимися листами, такъ что очень часто самыя интересныя статьи не имѣютъ либо начала, либо конца. Издаваемая нами статья, которою и открывается кодексъ, не имѣть ни того, ни другаго, ни начала, ни конца; текстъ прямо вводить насъ въ описание какого-то торжественнаго, какъ далѣе оказывается — брачнаго поѣзда. Тѣмъ не менѣе не составляло особенной трудности догадаться о какой невѣстѣ, послѣдующей царицѣ, идетъ дѣло въ рѣчи; хотя по имени не названа ни она сама, ни ея царственный супругъ, но за то указано ея нѣмецкое происхожденіе и родство, упомянуто о смерти двухъ старшихъ братьевъ наслѣдника-супруга и т. д. Ясно было, что предметъ рѣчи — Берта Зульцбахъ, сдѣлавшаяся вслѣдствіе брака съ Мануиломъ Комниномъ императрицею Ириною. Далѣе, изъ каталога греческихъ рукописей Эскуріальской библіотеки Е. Миллера (E. Miller, Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial,

1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1885 г. Апрѣль, стр. 234 и сл.

pag. 212) было извѣстно, что въ знаменитомъ кодексѣ, обозначенномъ у него подъ № 262 и содержащемъ преимущественно произведенія церковнаго краснорѣчія времени Коминовъ (Евстаѳія Солунскаго, ритора Михаила и т. д.), находится *надгробное слово государыни изъ нѣмецкаго рода*, приписываемое тамъ опредѣленному автору, именно Василію Охридскому. Cod. 261, fol. 337 г. той γεγονότος Θεσσαλονίκης χρι
Βασιλείου τοῦ Ἀχριδηνοῦ λόγος ἐπιτάφιος ἐπὶ τῇ εἴς Ἀλαμανῶν δεσποίνῃ. Мы естественно предположили тождество этой пьесы съ тою, которую читали въ С.-Петербургскомъ сборникѣ. Когда затѣмъ учennaя командировка привела начинавшаго тогда свою дѣятельность молодаго византиниста В. Э. Регеля съ Востока въ Испанию, и при томъ на долгое время въ Эскуріаль, мы воспользовались удобнымъ случаемъ и попросили его сличить посланную ему копію петербургскаго неполнаго текста съ эскуріальскою рѣчью Василія Охридскаго. Ожиданія наши относительно тождества оправдались, но при этомъ оказалось, чего мы не думали, именно что въ началѣ рѣчи недостаетъ гораздо больше, чѣмъ можно было догадываться. Ниже, въ означеніи варіантовъ, отмѣчено мѣсто, на которымъ прекращается исключительное пользованіе эскуріальскимъ кодексомъ. В. Э. Регель съ полной готовностью исполнилъ нашу просьбу, онъ не только дополнілъ недостающее, но и произвелъ полное сличеніе присланной копіи съ эскуріальскимъ спискомъ, откуда и происходятъ отмѣчаемыя нами разночтенія. Пользуемся случаемъ, чтобы публично заявить ему глубокую нашу благодарность. Не слѣдуетъ также пройти молчаниемъ содѣствіе, оказанное намъ при подготовкѣ текста къ печати, при разрѣшеніи затрудненій, представляемыхъ отчасти самимъ характеромъ письма, довольно неразборчиваго, со стороны неизмѣнно любезнаго товарища нашего В. К. Ернштедта, а также А. А. Пападопулло-Керамевса, наконецъ Х. М. Лопарева, который первоначально и уже давно потрудился для настъ при перепискѣ почти всего Порфириевскаго сборника цѣликомъ.

Еще два замѣчанія, собственно выходящія за предѣль необходи-
мого, но на всякий случай не излишнія. Василій Охридскій былъ не единственнымъ ораторомъ, оплакавшимъ смерть Ирины - Берты. Въ томъ же самомъ Порфириевскомъ сборникѣ находится рѣчь неизвѣстнаго сочинителя, сказанная предъ царемъ Мануиломъ по случаю по-
сѣщенія его столицы Килиджъ - Арсланомъ, турецкимъ (Сельджук-

скимъ) султаномъ (fol. 100 v.), что приходится на 1161 годъ¹⁾. Здѣсь ораторъ кстати припоминаетъ, что ранѣе того онъ сочинилъ монодію на смерть царицы (fol. 100 v.), въ концѣ своей рѣчи (fol. 106 v.) онъ побуждаетъ Мануила позаботиться ради общаго блага о скорѣйшемъ заключеніи новаго брака. Можно было бы подумать, что это говорить тотъ же самый Василій Охридскій, разумѣя подъ монодію издаваемое нами надгробное слово, но такое предположеніе было бы несостоительно по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) есть нѣкоторое различіе между надгробнымъ словомъ, произведеніемъ ораторскимъ, которое никогда не чуждо бываетъ біографическаго, отчасти объективнаго характера, и монодію, скорѣе похожею на лирическій плачъ, выражавшій единичныя чувствованія близкаго лица; замѣчаніе въ такомъ смыслѣ сдѣлано даже въ заглавіи одной такого рода статьи въ эскуріальскомъ кодексѣ (Miller, Catalogue, pag. 201); 2) ораторъ надгробнаго слова лично былъ знакомъ Мануилу и Иринѣ (сцена причащенія въ Солунѣ), а автора монодіи императоръ Мануилъ ранѣе произнесенія рѣчи на прибытіе султана зналъ только *по слуху*²⁾. И такъ это былъ другой писатель.

1) У Муралта пребываніе султана въ Константинополѣ отнесено къ 1159-му году. Но Киннамъ (V. 3. Bonn, pag. 204) помѣщаетъ его въ число событий 1161-го, непосредственно слѣдовавшихъ за кончиною Ирины. Продолжатель Матвѣя Эдесскаго Григорій священникъ подтверждаетъ такую дату: Dulanier, Bibliothèque historique arménienne pag. 364.

2) Fol. 100 v. παρέστηκε τοι ῥήτωρ, δν ἀκοή τοι μόνον ἐγνώρισε.

Василія Охридскаго, митрополита Солунскаго, надгробное слово императрицѣ Иринѣ изъ нѣмецкаго рода.

1. *Левъ возреветъ, и кто не убоится* (Амос. 3, 8). Царь печалится, и кто не воспечалится вмѣсть съ нимъ? Кто не восплачеть и не взрыдаетъ жалобно? Царь столь великий мудростью и мужествомъ, для всѣхъ непобѣдимый — не только для народовъ, но и для страстей и для всѣхъ требованій природы. Онъ восплакалъ и въ слухъ всей земли взрыдалъ; онъ не возмогъ ни преодолѣть своего горя, ни оправиться отъ него. И кто изъ тѣхъ, кто занимается словомъ или какимъ-либо другимъ дѣломъ, либо ремесломъ, не приметъ участія въ плачѣ, не раздѣлитъ печали, не отнесется съ сочувствіемъ къ несчастію, хотя бы онъ выросъ изъ дуба, высѣченъ быль изъ камня, выкованъ изъ желѣза? Ибо если *возреветъ левъ изъ дубравы своей* — не будемъ

Благодаря обязательности Дм. Вл. Айналова, доцента Казанского университета, мы имѣли удовольствіе ознакомиться съ фотографическими снимкомъ иѣсколькихъ листковъ изъ Ватиканской рукописи, содержащихъ весьма любопытныя миниатюры, которыя изображаютъ проводы, перѣездъ и встрѣчу одной западной принцессы, выдаваемой замужъ въ Византію; лицевые изображенія сопровождаются отрывками стихотворенія, написаннаго на сей случай. Изъ этого стихотворенія видно, что здѣсь дѣло идетъ не объ Иришѣ-Бертѣ, а о какомъ-то другомъ византійскомъ бракѣ. Западный *король* (*ρηγάρχης*), по просьбѣ самодержца ромейскаго, отправляеть въ Константинополь свою *собственную дочь*, царь долженъ быть для нея новымъ *отцемъ* и свекромъ (*πενθερός*), женихъ, слѣдовательно, есть сынъ императора; при вступленіи въ городъ выходитъ на встрѣчу невѣстѣ золовка, то есть, сестра (будущаго) мужа новоприбывшей принцессы (*ανδραδέλφη*). По видимому, здѣсь слѣдуетъ разумѣть дочь Людовика VII, Агнесу, выданную замужъ за сына Мануила отъ второй жены, Алексѣя. Вышедшая на встрѣчу сестра его, называемая тоже царицею, будетъ тогда Марія, дочь Ирины, считавшаяся иѣкогда единственою наслѣдницею престола — вмѣстѣ съ мужемъ Бѣлою Алексѣемъ Угорскимъ. Рѣчь Евстаѳія Солунскаго *на прибытие* изъ Франціи невѣсты Алексѣя издана В. Э. Регелемъ (въ его *Fontes regum Byzantin.*, I, pag. 80—92).

ΤΟΥ ΓΕΓΟΝΟΤΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ ΚΥΡ ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ ΤΟΥ ΑΧΡΙΔΗΝΟΥ
ΛΟΓΟΣ ΕΠΙΤΑΦΙΟΣ ΕΠΙ ΤΗΙ ΕΞ ΑΛΑΜΑΝΩΝ ΔΕΣΠΟΙΝΗΙ.

1. «Λέων ἐρεύξεται καὶ τίς οὐ φεβηδήσεται»^{a)}; βασιλεὺς πενθεῖ καὶ τίς οὐ πενθήσει; τίς οὐ θρηνήσει καὶ γοερὸν ἀνακλαύσεται; βασιλεὺς ὁ καὶ τὴν σοφίαν τηλικοῦτος καὶ τὴν ἀνδρίαν, δι τοῖς πᾶσιν ἀγήττητος οὐκ ἔθνεσι μόνον ἀλλὰ καὶ πάθεσι καὶ ταῖς ἀνάγκαις τῆς φύσεως, οὗτος ἐθρήνησέ τε καὶ τοῖς ἀπανταχοῦ γῆς ἐξάκουστον ἀπωδύρατο καὶ σὺδὲ ἔτι τοῦ πάθους βέσατὸν ἀνακωχεύειν καὶ ἀναφέρειν ἐξίσχυτε. Καὶ τίς ἡ τῶν περὶ λόγους ἡ τῶν ἄλλο τι μετιόντων ἔργον καὶ ἐπιτήδευμα οὐ συνδραμεῖται πρὸς τὸν

Titulus et paragr. 1—8 e cod. Escorialensi Y. II, 10. — 6 ἐξίσχυσε] cod. ἐξίσυχε. — 7 ἔργων cod.

a) Amos III, 8.

отклошаться оть изреченія пророка, — то развѣ *не испуститъ масъ* *свой лъвичищъ изъ ложа своего* (Амос. 3, 4)? Итакъ если на рыканіе льва — а рыканіе звѣря есть его крикъ —, подаетъ голосъ и его дѣтинышъ изъ логовища; дѣтинышами же царя на основаніи его попеченія, его всяческихъ подвиговъ и заботъ о нась должны считаться мы, подвластный ему народъ: то подадимъ и мы голосъ изъ своего убѣжища на крикъ и плачь царя, возвысимъ голосъ, поднимемъ вопль всякой возрастъ и всякой родъ людей — іереи и народъ.

2. Да будетъ горе всенароднѣмъ, да возбудится печаль всемирная. Какъ всѣ другія ощущенія и движенія льва благородны и, какъ кто-то сказалъ, вмѣстѣ съ удивленіемъ способны внушать любовь, такъ и плачь, если ему пришлось плакать, естественно будетъ страшенъ и не чуждъ способности возбудить удивленіе, ибо онъ будетъ плакать не о чемъ-либо маломъ и недостойномъ его природы. И царь — такой и столь великій — горюя не постыдить своей величавости и царственности, какъ по не достойному страждущій и малодушный. Не всякая какая бы то ни было тяжесть несчастія могла бы подвигнуть неподвижнаго или потрясти столь крѣпкую твердыню, сей столь прочно водруженный и безупречно установленный четвероугольникъ; не всякое обычное природы страданіе могло бы размягчить этого *адаманта*, носимаго *въ руцъ* божіей (Амос. 7, 7).

3. Пророческое видѣніе — ибо изъ такихъ элементовъ, какъ изъ самосоставляющихся членовъ, собрано и заимствовано мое произведеніе — внушаетъ мнѣ и слѣдующее: что-нибудь великое должно быть предметомъ печали льва, ради которой и львенки подали голосъ и подаютъ, знаю даже, что будутъ голосить и рыдать изъ рода въ родъ. А что для мужа больше жены единоправной и единомысленной, надъ которою ему дано и опекать и властвовать — не какъ господинъ надъ имѣніемъ, но какъ душа надъ тѣломъ, (дано) самимъ промысломъ, связавшимъ душу съ тѣломъ, и образовавшимъ посредствомъ сопряженія изъ жены и мужа какъ бы одно живое существо, за одно дышущее и за одно чувствующее? Если же къ этому единосоставному и въ то же время двусоставному прибавится естественнымъ путемъ нѣчто третье — я разумѣю дѣтей —, и будетъ отецъ, мать и сынъ, единъ, два и три, то это уже не только нѣчто великое, но и величайшее, ибо и Богъ посреди двухъ сихъ и трехъ, собранныхъ въ немъ и чрезъ него, какъ на это существуетъ и читается обѣтованіе (Мо. 18, 20).

θρῆνον, οὐ κοινωνήσει τοῦ πένθους, οὐ συμμετάσχῃ τῆς συμφορᾶς καν ἐκ δρυδὸς ἔβλαστε, καν ἐκ λίθου λελάξευται, καν ἐκ σιδῆρου κεχάλκευται; «Εἰ ἐρύζεται λέων ἐκ τοῦ δρυμοῦ»¹⁶) — μὴ γάρ ἀφιστάσθω σοι τῆς προφητείας ὁ λόγος — καὶ σὺ «δώσει σκύμνος φωνὴν αὐτοῦ ἐκ τῆς μάνδρας¹⁷»; εἰ γοῦν λέοντος ἐρευγομένου (ἐρυγὴ δὲ τοῦ θηρὸς ἡ κραυγὴ) καὶ σκύμνος ἐκ διπλῆς μάνδρας φωνὴν αὐτοῦ δίδωσιν (σκύμνοι δὲ βασιλέως δύον ἐπὶ τῇ περὶ τούτου προνοίᾳ καὶ τοῖς ὑπὲρ ἡμῶν παντοδαποῖς ἀγωνίσμασιν καὶ σπουδάσμασιν ἡμεῖς ὁ λαός, τὸ ὑπήκοον), δῶμεν καὶ αὐτοὶ φωνὴν ἐκ τῆς μάνδρας ἐπὶ τῇ κραυγῇ καὶ τῷ πένθει τοῦ βασιλέως, ὑψώσωμεν τὴν κραυγήν, τὸν θρῆνον ἐπάρωμεν πᾶσα ἡλικία, πᾶν γένος ἀνθρώπων, ἱερεῖς καὶ λαός.¹⁸

2. Γενέσθω πάνδημος σίμωγή, ἐγειρέσθω πένθος παγκόσμιον. "Εσίκε δὲ καὶ λέοντος ὥςπερ καὶ τάλλα πάσῃ τε καὶ κινήματα γενναῖτά τέ εἰσι καὶ μετὰ θαύματος, ὡς ἔφη τις, ἀγαπώμενα, οὕτω καὶ εἰ κλάειν ἐπέλθοι αὐτῷ φοβερόν τινα τὸν κλαυθμὸν εἶναι καὶ οὐκ ἀθαύμαστον. οὐ γάρ ἐπὶ μικρῷ κλαύσεται οὐδὲ ἀναξίῳ τῆς αὐτοῦ φύσεως. Καὶ βασιλεὺς δὲ ὁ τοσοῦτος¹⁹ καὶ τηλικοῦτος πενθῶν οὐκ ἐπαιτχυνεῖ τὸ ἐαυτοῦ μεγαλοπρεπὲς καὶ βασιλεύον, ὡς ἀναξιοπαθῆς καὶ μικρόλυπος· οὐ γάρ ὅπηλικονοῦν συμφορᾶς βάρος κινήσειε τὸν ἀκίνητον ἡ καταστίσειε τὸν οὔτω σπερρότατον πύργον, τὸν οὔτως ἀσφαλῶς ἰδρυμένον καὶ βεβηκότα ως «ἄνευ φόγου τετράγωνον»²⁰), οὐδὲ ἡ τυχοῦστα παθήματος φύσις μαλάζειε τὸν ἀδάμαντα τὸν ἐν χειρὶ²¹ Κυρίου²²) φερόμενον.

3. Ὁρασίς μοι καὶ τοῦτο ὑποβάλλει προφητική, — ἐκ τούτων μὲν ὡς ἐκ λημμάτων αὐτοσυστάτων συμπέρασμά μοι συνήκταί τε καὶ πεπόρισται, — τὸ μέγα τι εἶναι τὸ περὶ τοῦ λέοντος τούτου πενθούμενον, ἐφ' ὧ καὶ σὶ σκύμνοι φωνὴν διδόασι καὶ δεδώχασιν, οἴδ' ὅτι καὶ ἔως γε-²⁵ νεᾶς καὶ γενεᾶς φωνήσουσι καὶ πενθήσουσι. Τί δὲ μεῖζον ἀνδρὶ γυναικός ὄμοτρόπου καὶ ὄμογνώμονος, ἡς οὐχ ὡς δεσπότης κτήματος, ἀλλ' ὡς ψυχὴ σώματος ἀρχειν ἔλαχε καὶ ἐπιτροπεύειν παρὰ τῆς καὶ ψυχὴν σώματι συνδησάσης προνοίας, καὶ πάλιν οἰον ἐν ζῷον διὰ τῆς συζυγίας ἀρμοσμένης ἐκ γυναικός καὶ ἀνδρὸς σύμπνουν καὶ συμπαθές; Εἰ δὲ καὶ τῷ³⁰ ἐνοιειδεῖ τούτῳ ἄμα καὶ δισειδεῖ ζῷῳ καὶ τρίτον συνεπιφυῇ, φημι δὴ παιδίον, καὶ γένηται μήτηρ πατήρ καὶ τέχνον, ἐν δύο τρίᾳ, τοῦτο ἥδη οὐ μέγα μόνον ἀλλὰ καὶ μέγιστον, ὅτι καὶ Θεός μέσος τῶν δύο τούτων καὶ

¹⁶ αὐτοῦ] αὐτῆς cod. — 19 ἰδρυμένον cod. — 21 in margine cod. γρ. φερόμενον κυβερνώμενον.... — 26. 27 καὶ σώματι. cod.

a) Amos III, 4. b) Amos III, 4. c) Arist. Eth. Nicom. p. 1100^c 21 Bekk. τετράγωνος ἄνευ φόγου (verba Simonidis, qui χερσίν τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ τετράγωνον, ἄνευ φόγου τετυγμένον dixerat fr. 5, 2 Bergk). d) Amos VII, 7.

4. Можно оплакивать и пышный кипарисъ, стоящій въ царскомъ дворѣ, благородно высияющій отъ земли и поднимающійся стройно вверхъ. Можно оплакивать и кедръ вѣтвистый и высокорослый, или прекрасную, тѣнистую и плодородную маслину, или же новый побѣгъ пальмы, выходящій изъ земли. Можно оплакивать и красивый пла-танъ, достигшій величины и высоты, соотвѣтствующихъ его ширинѣ и прохладжающей тѣнью своихъ вѣтвей путниковъ въ полдень и зной. Если же иной, часто видѣвшій, часто дивившійся этимъ и подобнымъ деревьямъ, или же наслаждавшійся ихъ дарами, не пройдетъ мимо безъ слезъ, когда дикий тифонъ, внезапно подувшій, сломаетъ или вырветъ ихъ съ корнемъ, то кто не восплачеть горько о тебѣ, божественнѣйшая царица?

5. Стояла нѣкогда и ты, какъ кипарисъ, посреди дворца, осѣняя его и украшая; высотою своего тѣла, соразмѣрностю членовъ и частей вмѣстѣ съ нѣжною краскою и цвѣтущею свѣжестю возбуждая къ ощущенію красоты даже самыхъ безчувственныхъ. Ты высилась какъ кедръ, веселя Бога и людей прелестю нрава и благоуханіемъ добродѣтелей. Ты насаждена была какъ маслина благоплодная, радуя и утучня нуждающихся щедрымъ изліяніемъ милости. Это твое прекрасное качество, о богатоелейная, осталось и по смерти въ очень и очень многомъ; но я ищу и твоей неувѣдающей зелени, и спрашиваю, гдѣ это у тебя. Или только до гроба? А послѣ этого ты увѣдаешь и теряешь листья, какъ скоро отцвѣтающія растенія.

6. Ты процвѣла какъ пальма, самою своею фигурою проявляя свое совершенство. Ты протянула твои вѣтви — благодѣтельныя руки; ты подавала прохладу и отдыхъ малодушествующимъ отъ зноя житейскихъ нуждъ. Но ты сокрушена въ самомъ основаніи, вырвана съ корнемъ не тифоновымъ вѣтромъ, подувшимъ въ воздухъ или разразившимся изъ облаковъ, но вырвавшимся изъ подземныхъ тайниковъ. Ты была, по другому пророку, *виноградъ благолозенъ* (Ос. 10, 1), плодоносящій совершенныя дѣянія, лоза истинная (Іоанн. 15, 1). *Какъ же ты обратилася отъ желѣзъ?* Пусть совосплачеть со мною многослезный изъ пророковъ (Іерем. 2, 21). *Озоба тя вспрь отъ дубравы и уединенный дводій пойде тя* (Псал. 79, 14), то есть горькая и жестокая смерть, тебя, *покрытошую горы и кедры* (Пс. 79, 11) — всѣхъ бывшихъ до тебя царицъ, тѣшю прекрасныхъ дѣлъ, — я разумѣю добрую славу, — подобно тому какъ идущимъ подъ (солнечнымъ) свѣтомъ впереди бѣгутъ тѣни отъ дѣлъ. А если дѣла не таковы, то и рѣчи

тῶν τριῶν, ἐν αὐτῷ τε καὶ ὑπ' αὐτῷ συνηγμένων^{a)}), ὡς ή ἐπαγγελία πάρεστι καὶ γνωρίζεται.

4. Θρηνήσει μὲν σὺν ἀν τις τάχα καὶ χυτάριττον εὔθαλη ἐν βασιλείοις ἰσταμένην αὐλαῖς, εύφυως ἀπὸ γῆς ὑψουμένην καὶ βαίνουσαν ὅρθιον· θρηνήσει καὶ κέδρον ἀμφιλαφῆ καὶ ὑψίκεμον ἡ ὥραίαν ἐλαίαν εὖ 5 σκιον καὶ κατάκαρπον ἡ φοίνικος νέον ἔρνος^{b)} ἐκ γῆς ἀνερχόμενον· θρηνήσει καὶ ἐπὶ ακαλῇ πλατανίστῳ^{c)} μεγέθει καὶ ὑψει πλάτος ἀνάλογον προσλαβούσῃ καὶ τῇ ἀπὸ τῶν κλάδων σκιᾶς τοὺς ἀδοιποροῦντας ἀναψυχοῦσῃ ἐν μεσημβρίᾳ καὶ καύματι. Εἰ σὺν καὶ τὰ δένδρα ταῦτι τοιαῦτά τις ἴδων πολλάκις καὶ θαυμάσας ἡ καὶ τῆς ἐξ αὐτῶν χάριτος ἀπολελαυκώς οὐκ 10 ἀδακρυτὶ παρελεύσεται, εἰ τυφών ἄγριος ἐπιπνεύσας ἀθρόον κατέκλασεν ἡ ρίζόθεν ἀνέσπασε, τίς οὐ κλαύσεται πικρῶς ἐπὶ σοί, θειοτάτη βασιλίσσα;

5. "Ἐστης ποτὲ καὶ σὺ ὡς χυτάριτος ἐν μέσῳ τῶν ἀνακτόρων πυκάζουσα ταῦτα καὶ ὥραιζουσα, τῇ δέ τε τοῦ σώματος ἀναδρομῇ καὶ τῇ τῶν μελῶν καὶ μερῶν εύρυθμίᾳ σὺν εὐγροίᾳ καὶ ἀνθει κινοῦσα πρὸς αἰσθησιν 15 ἡδονῆς καὶ αὐτὰ τὰ ἀναίσθητα. Ὑψώθης καὶ ὡς κέδρος τῇ τῶν ἡδῶν καλλονῇ καὶ τῇ τῶν ἀρετῶν εὐωδίᾳ καὶ Θεὸν καὶ ἀνθρώπους εὐφράνασσα. Ἐφυτεύθης καὶ ὡς ἐλαία κατάκαρπος, τῇ τοῦ ἐλέους δαψιλεῖ γύσει τοὺς δεομένους ἵλαρύνουσα καὶ πιαίνουσα. Ἄλλὰ τοῦτο μέν σου τὸ καλόν, ὡς καλλιέλαιε, καὶ μετὰ θάνατον ἐν τοῖς πλείστοις παρέμεινεν, ἐγὼ δέ σου ζητῶ καὶ τὸ 20 ἀνεθαλές, καὶ ποῦ σοι τοῦτο, πυνθάνομαι. ἡ μέγρι τοῦ τάφου; τὸ δὲ ἐντεῦθεν ἀπανθεῖς καὶ φυλλοχοεῖς, ὡς τὰ τῶν ἀνθέων κύμορα;

6. "Ηνθησας ὡς φοῖνιξ ἐξ αὐτῆς φυῆς τὸ τέλειον ὑποφαίνουσα, ἐπλατύνθης ὡς πλάτανος, ἐξέτεινάς σου τοὺς κλάδους, τὰς εὐεργέτιδας γεῖρας. Ἀναψυχὴν παρέσχεις καὶ ἀνεστιν τοῖς ὀλιγοψυχοῦσιν ὑπὸ καύσωνος βιω- 25 τικῶν ἀναγκῶν, ἀλλ' ἐξεκλάσθης αὐτόπρεμνος, ἀλλ' ἀνεσπάσθης αὐτόρριζος, οὐ τυφωνικῷ πνεύματι ἐξ ἀέρος πνεύσαντι ἡ ἐκ νεφῶν ῥηγνυμένω, ἀλλ' ἀπὸ νεφερέων μυχῶν ἀναβράσαντι. Ἐγένου καὶ «ἄμπελος εὐκληματοῦσα»^{d)} κατ' ἄλλον προφήτην, καρποφοροῦσα τὰ κατορθώματα, «ἄμπελος ἀληθινή»^{e)}). «Πῶς ἐστράφης εἰς πικρίαν»; συνθρηνείτω γάρ μοι καὶ τῶν προφητῶν ὁ 30 πολύθρηνος^{f)}). Πῶς «έλυμήνατό» σε «ὓς ἐκ δρυμοῦ»; πῶς «κατενεμήσατό» σε «μυνίδας ἄγριος^{g)}», ὁ πικρὸς καὶ ἀτίθασσες θάνατος, τὴν καλύψασαν «ὅρη καὶ κέδρους» (τὰς πρὸ σοῦ βασιλίσσας ἀπάσας) τῇ τῶν καλῶν ἔργων

8. εὐθαλῆ] cod. ἐσθαλῆ. — 22 ὠκύμορχ? αἱ χυνόμορχ?

а) Matth. XVIII, 20 «οὐ γάρ εἰσι δύο η τρεῖς συνηγμένοι εἰς τὸ ἐμόν σνομα, ἐκεῖ εἴμι ἐν μέσῳ αὐτῶν». б) φοίνικος νέον ἔρνος Odyss. 6, 163. в) καλῇ πλατανίστῳ Iliad. 2, 307. д) Hos. X, 1. е) Ev. Ioann. XV, 1. ф) Ierem. II, 21. г) Psalm. LXXIX, 15.

всюду и всѣми говоримыя или выслушиваемыя бывають противоположны; въ такомъ смыслѣ нужно понимать и изрѣченіе Авдиритскаго мудреца, что «слово есть тѣнь дѣла».

7. О удивительная дикая лоза виноградная, поднявшаяся вверхъ вмѣстѣ съ пальмою и достигшая высоты ея (ибо и ты выросла рядомъ съ царемъ и соцарствовала ему)! *О добрая въ женахъ!* (Пѣсн. пѣсн. 1, 20). Мы видѣли нѣкогда тебя притекающую съ запада, какъ луна въ новомѣсячіе — но въ полномъ свѣтѣ и блескѣ; ибо Богъ *предувѣдалъ и предопредѣлилъ* о тебѣ, хотя для насть ты пока являлась серпообразно подъ малымъ и блѣднымъ свѣтомъ славы. Ибо не какъ невѣсту самодержца (автократора), но какъ (обручницу) севастократора, что сооствѣтствуетъ второй степени достоинства, призвалъ тебя отъ концевъ земли царственный свекоръ. И видя тебя мы удивляясь говорили съ Соломономъ: *кто сія восходящая аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце* (Пѣсн. пѣсн. 6, 9)? — Но конечно, не дано было человѣческимъ домысламъ и малосмысленнымъ разсужденіямъ понизить до своего уровня великое и сверхъмысленное промысленіе и умалить *твоє*. Не суждено было тебѣ, госпожа, оставаться тѣмъ же чѣмъ тогда зримое заставляло тебя являться въ глазахъ зрителей. Не осталась ты такою, какою возстала изъ дома и родины своей, но воспринимая свѣтъ къ свѣту и восходя отъ славы къ славѣ, великая и великаго достойная — ты удостоилась большаго и на дѣлѣ и по имени.

8. О тѣ счастливые дни, когда царская тріира препровождала тебя отъ противоположнаго материка ко пристани на другой сторонѣ, проходя Іонійское море, нося счастливую ношу всеблагополучной столицѣ и немаловажное прибавленіе. Думаю, что тогда сочувствовали этому прекрасному грузу и море и подводныя чудовища морскія; море вступало въ союзъ съ дуновенiemъ вѣтровъ и подставляло свой хребетъ (свою поверхность) покатымъ и гладкимъ кораблю, а киты, выплывая изъ бездны, прыгали и сорадовались. Дельфины и помпиль провожали тебя къ берегамъ иллірійскимъ; а эти (берега) въ свою очередь, принимая тебя изъ водъ, поставили тебя на твердую землю, какъ пріятнѣйшій и лучшій предметъ для зрѣлища.

Стекался массою и народъ — мужи и жены и удивлялись твоему явленію, подозрѣвая не то, что приходилось видѣть, но нѣчто божественное и чудесное, зримое въ человѣческомъ образѣ. Встрѣчали тебя ближайшиe и выдающieся сродники царя и съ величайшимъ усердіемъ препровождали изъ одного пристанища къ другому среди веселія и

«σκιᾶ»⁴), τῇ ἀγαθῇ φήμη φημί; ἐπεὶ καὶ καλῶν μὲν ἔργων ἀεὶ λόγος προπεπόρευται, ως τοῖς ὑπὸ φωτὶ περευομένοις αἱ τῶν σωμάτων σκιαὶ· τῶν δὲ αὖ ἐτέρως ἐχόντων ὁ ἐναντίος πανταχοῦ καὶ διὰ πάντων λαλούμενός τε καὶ ἀκουόμενος, ως οὕτω ὡίσθαι καὶ τὸ τοῦ Ἀβδηρίτου σοφοῦ δτὶ «λόγος ἔργου σκιῆ»⁵).
5

7. Ω θαυμασία ἀναδενδράς ἡ συναναβᾶστα τῷ φοίνικι καὶ κρατήσασα τῶν ὑψεων αὐτοῦ⁶) (ὅτι καὶ συνήχμαστας τῷ παμβασίλει βασιλεῖ καὶ συνεβαστλευσας), ως «καλὴ ἐν γυναιξὶν»⁷), εἰδόμεν σε ποτὲ δυσμόθεν προκύπτουσαν ως ἐν νεομηνίᾳ σελήνην τὴν πλησιφαῖη μὲν καὶ πανσέληνον δση ἐπὶ τῷ προεγνωκότι σε καὶ προορισαμένῳ Θεῷ, ἡμῖν δὲ 10 τέως ὑπὸ μικρῷ τῷ τῆς δόξης φωτὶ μηνοειδῶς ὑπαυγάζουσαν. οὐ γάρ αὐτοκράτορος νυμφευομένην ἀλλ’ ως σεβαστοκράτορος καὶ τῆς δευτέρας ἄξιας ἐκ τῶν ἐσχατιῶν τῆς γῆς ἀνεκαλεῖτό σε ὁ κηδεστής βασιλεύς. Καὶ ἴδοντες εἴπομεν μετὰ τοῦ Σολομῶντος θαυμούμενοι αἵτις αὔτη ἡ ἀναβαίνουσα ώσει ὅρθρος; καλὴ ως σελήνη, ἐκλεκτὴ ως ὁ ἥλιος»⁸). Ἄλλ’ οὐχ ἦν 15 πάντως ἀνθρωπίνας ἐπινοίαις καὶ ὀλιγογνώμοσιν λογισμοῖς τὴν μεγάλην καὶ ἀπερινόητον συνυποβιβάζεσθαι πρόνοιαν καὶ σμικρύνειν τὰ σά. Οὐκον έδει, ως δέσποινα, τὴν αὐτήν σε μεῖναι οἷαν εἶναι τὰ τότε ὅρώμενα προσδοκῶν παρείχε τοῖς βλέπουσι. διὸ εὐδὲ ἔμεινας οἶκ καὶ δση ἐκ τοῦ οἴκου καὶ τῆς σῆς συγγενείας ἀνελαμβάνου, ἀλλὰ φωτὶ προσλαμβάνουσα φῶς 20 καὶ ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν ἀναβαίνουσα ἡ μεγάλη καὶ τῶν μεγάλων ἄξια τοῦ μεγίστου κατηξιώθης καὶ πράγματος καὶ ὄνόματος.

8. Ω ἡμερῶν εὐδαιμόνων ἐκείνων, ὅτε ἐκ τῆς ἀντιπέραν ἡπείρου πρὸς τὴν ἀντίπορθμον ἡ βασιλική σε τριήρης μετῆγε τὸν Ἰόνιον διαβαίνουσα, φόρτον εὐδαιμονίας τῇ πανευδαιμονίᾳ βασιλίσσῃ προσθήκην οὐκ 25 ἐλαχίστην κομίζουσα! Οἶμαι τότε τοῦ καλοῦ τούτου φόρτου καὶ θάλασσα συνεπαισθανομένη καὶ τὰ ὑπερθύχια κήτη, ἡ μὲν ταῖς ἀντιπνοίαις τῶν ἀνέμων ἐσπένδετο καὶ τὰ νῶτα τῇ τριήρει παρείχεν ὑπτιά τε καὶ λειοκύμονα, τὰ δὲ βυσσόθεν ἀνανηγχόμενα ἐσκίρτα καὶ συνηγάλλετο. Καὶ δελφὶς καὶ πομπίλος προσέπεμπόν σε πρὸς τὰς Ἰλλυριάδας ἀκτάς, αἱ δὲ πάλιν ἐκ 30 τῶν ροθίων ὑποδεχόμεναι τῇ γῇ ἐγκαθίστων ἥδιστον θεαμάτων καὶ κάλλιστον. Συνέρρει δὲ πανδημεὶ ὁ λαὸς ἀνδρες τε καὶ γυναῖκες καὶ πρὸς τὴν δψιν ἔξεσθαμβωῦντό σου, οὐχ ὅπερ ἦν ὄραν ὑποπτεύοντες ἀλλὰ θείον τι καὶ

4 οὕτω ὡίσθαι] ita codex, qui post habet αὐδηρίτου. — 19 δση] cod. δσι — 22 κατηξιώθης] cod. κατηξιώθη. — 25 βασιλῶ? — 30 πόμπιλος cod.

a) Psalm. LXXIX, 11. b) Diog. I. IX, 5: τούτου (Democriti) ἐστὶ καὶ τὸ λόγος ἔργου σκιῆ. c) Psalm. LXXIX, 11. Cant. VII, 8. d) Cant. 1, 20. e) Cant. III, 6. VI, 10.

рукоплесканий, думая почерпать для себя великия надежды изъ того, что удостоились быть сватами и дружками такой невѣсты, и считая себя стольже счастливыми, какъ онъи рабъ, приведшій изъ Месопотаміи Ревекку прекрасному Исааку.

9. Все шествіе похоже было на хороводъ. Находящіеся по дорогѣ села и города подавали другъ другу руки какъ въ хороводѣ. Одинъ принималъ, предлагая почетный привѣтъ и какъ бы свои объятія; другой потомъ провожалъ, составляя охранную свиту и передавая одинъ другому, пока она, совершивъ путь отъ Иллірика даже до Византіи, не поселилась во дворцѣ, какъ прекрасная луна на своей высотѣ или какъ денница въ своеемъ обиталищѣ. Но что мнѣ сказать? Прибавлю и то, что было далѣе, и какъ мнѣ не прибавить, если, опустивъ это, я пропустилъ бы самую важную и отмѣнную изъ твоихъ радостей, именно,—что тогда ты, наша луна, вмѣсто несовершенного вида и неполнаго свѣта воспріяла цѣльный блескъ лица.

10. Ибо когда твое солнце, отпрыскъ порфиры, царь былъ провозглашенъ именно *царемъ* вмѣсто севастократорства и прежде діадемы на крайнихъ предѣлахъ ромейской державы и возвращался въ столицу со всѣми полками, то и ты вмѣстѣ съ нимъ устами всѣхъ провозглашалась царицею даже и прежде нареченія. Я не знаю, кто изъ васъ двоихъ, о прекрасная пара, былъ виновникомъ того, что другому досталась державная власть. Не гнѣвайся на меня, царь, потому что я говорю о своей бѣдѣ Благоволеніе-ли Божіе къ царицѣ посадило ея супруга па царскій тронъ, однихъ изъ братьевъ ранѣе изведя изъ жизни, изъ коихъ первому уже давалось имя царя, и мудро устроивъ, что третій даже не могъ присутствовать при кончинѣ отца, и вручивъ четвертому и послѣднему—тебѣ, государь, царскій скипетръ? Или-же тотъ, кто возвысилъ его на такую высоту и почтилъ наивысшею честію, только ради его вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ и царицу? Это для меня и до сихъ поръ неясно, но я припоминаю, что божественный Іаковъ вдохновенно сказалъ къ Сирину (Лавану): «*благослови тя Господь пришествіемъ моимъ*» (Быт. 30, 30). Если же иное находится во взаимной причинной связи, какъ полагаетъ Аристотель, то въ этомъ случаѣ недоумѣніе мое дѣлается еще сильнѣе. Но что достойный и прекраснѣйшій поялъ достойнѣйшую и прекрасную, дабы ни въ чемъ не было нарушено равновѣсіе, по дабы чѣмъ онъ былъ въ мужахъ, тѣмъ она была въ женахъ,—это скажетъ и самый грубый и ограниченный изъ людей.

τεράστιον ἐν ἀνθρωπίνῃ μορφῇ καθορώμενον. Παραλαβόντες δέ σε καὶ τῶν τοῦ βασιλέως συγγενῶν οἱ ἔγγυτάτω καὶ προύχοντες εἰς ἑτέραν ἐξ ἑτέρας καταγωγῆς ἐν εὐθυμίαις καὶ χρότοις εὐθυμότατοι μετεβίβαζον, πολλὰς ἑαυτοῖς ἀγαθῶν ἐλπίδων προμνᾶσθαι πιστεύοντες ὅτι τοιαύτης νύμφης νυμφαγωγοὶ καὶ προμνήστορες γενέσθαι κατηξίωντο καὶ οὐχ ἡττον εύτυ-⁵ χειν ἢ ὁ οἰκέτης ἔκεινος ὁ ἐκ Μεσοποταμίας ἄγων τὴν Ρεβέκκαν τῷ καλῷ Ισαάκ.

9. Πορεία δὲ πᾶσα ὡς χορεία ἦνύετο. αἱ γὰρ μεταξὺ πᾶσαι κῶμαι καὶ πόλεις ὡς ἐν χορῷ χείρας ἀλλήλαις συμπλέξασαι ἢ μὲν ὑπεδέχετο καταγωγαῖς φιλοτιμουμένη καὶ ταῖς ὡς οἰόν τε δεξιώσεσιν, ἢ δὲ τῇ ἐφεξῆς 10 δορυφοροῦσα παρέπεμπεν, καὶ ἔκεινη τῇ μετ' ἔκεινην, ἐνταῦθα ἀπὸ Τλυρίδος μέχρι καὶ Βυζαντίδος ὅδὸν ἔξανύσασα ὡς ἐν ιδίῳ ὑψώματι ἢ καλὴ σὺ σελήνη ἢ ὡς ἐωσφόρος ἐν οἰκῷ σίκειψ τοῖς ἀνακτόροις ἐγκατω-¹⁵ κίσθης. ”Ω, ὡ τί εἴπω; ἀρά προσθήσω καὶ τὰ ἐξῆς; πῶς δὲ οὐ προσθήσω; ἢ μὴ προσθεῖς οὐχὶ τὸ καιριώτατον καὶ σκοπιμώτατον τῶν σῶν εύτυχη-²⁰ μάτων ἔσομαι παραλειπών, ὅτι τηνικάδε ἀντὶ τῶν ἀτελῶν σχημάτων καὶ φωτισμάτων τὸ δλοφαῖς ἢ σελήνῃ μετημφάσασαι πρόσωπον;

10. ”Οτε γὰρ ὁ σὸς ἥλιος, ὁ τῆς πορφύρας βλαστός, ὁ βασιλεὺς αὐτὸ τοῦτο βασιλεὺς ἀντὶ σεβαστοκράτορος ἀνηγορεύετο καὶ πρὸ τοῦ διαδήματος ἐν ἄκροις τῆς Ρωμαίων ἀρχῆς καὶ πρὸς τὰ βασιλεῖα σὺν ὅλαις ἐπαν-²⁵ εἵευγν ταῖς στρατιαις, καὶ σὺ βασιλισσα τοῖς πάντων στόμασι συν-³⁰ ανηγορεύου καὶ πρὸ τῆς ἀναρρήσεως. Καὶ οὐκ οἶδα πότερος ὑμῶν, ὡς καλὸν ζεῦγος, ἑτέρῳ τοῦ κράτους ἐγίνεσθον αἴτιος· καὶ μή μοι χο-³⁵ λώης, ὡς βασιλεὺς· τὸ γὰρ ἐμὸν πάθος φημι. ”Αρά γε ἡ ἐπὶ τῇ βασι-⁴⁰ λίσσῃ τοῦ Θεοῦ εὔδοκία τὸν σύζυγον ἐπὶ τὸν βασιλειὸν θρόνον ἐκάθιζε τοὺς 25 μὲν τῶν ἀδελφῶν προϋπεξαγαγοῦσα τοῦ βίου, ὡν τῷ πρώτῳ καὶ ὄνομα βασιλείας ἐπεφημίζετο, καὶ τὸν τρίτον μηδὲ παρεῖναι τῷ πατρὶ μεδιστα-⁴⁵ μένῳ βαθέως οἰκονομήσασα, τὸν δὲ τελευταῖον καὶ τέταρτον, σέ, τῷ πατρῷ πατρῷ σκήπτρῳ ἐγκαταστήσασα, ἢ ὁ τοῦτον ἐπὶ τοσοῦτον ὑψώσας καὶ τῇ φερίστῃ πασῶν τιμήσας τιμῇ διὰ τοῦτον καὶ τὴν βασιλισσαν συνανύψωσε; ⁵⁰ Τοῦτο μὲν οὖν τέως ἔμοιγε ἀδηλον, ἔως καὶ τὸν θειότατον Ιακώβ ἐν-⁵⁵ θεώτατα λέγειν πρὸς τὸν Σύρον κατανοῶ τὸ αεύλόγησέ σε Κύριος ἐπὶ τῷ ποδὶ μου^a). Εἰ δέ τινα καὶ ἀλλήλων ἐστὶν αἴτια, ὡς Ἀριστοτέλης δοκεῖ^b),

5. cod. γίνεσθαι. — 8. Α vv. πορεία δὲ πᾶσα incipit cod. Petropolitanus gr. CCL. — 9 ἐν οι. E. — 9 ἀλλήλας συ.... P. — 11 δορυφορ... P. — 13 σὺ οι. P. — 14 ὡ τί εἴπω E. — 16 ὀχημάτων P. — 17 δλοφαῖς E || μετημφίασε E. — 18 ὁ σὸς] σὸς E. — 18—19 αὐτὸ τοῦτο E, αὐτὸς τὸ P. — 20 sq. ἐπαναζεύγνυ P. — 21 τοῖς πάντων στόμασι οι. E. 22 ἡμῶν E. — 23 τοῦ κράται P. — 30 πάντων E. — 31 ἐνθεότ(α)τ(α) P.

a) Genes. XXX, 30.

b) Arist. Phys. II 8 p. 195^a 8 sq. et alibi.

11. Таково было, царица, первое твое пришествіе съ запада, таково славное твое обрученіе и возвышеніе къ почести царской. А за тѣмъ мнѣ бы нужно имѣть какое-нибудь другое—мѣдное и адамантовое сердце и какой-нибудь другой органъ голоса, дабы говорить и оплакивать.—О ты, страна запада! совоспачь противоположному тебѣ востоку и смѣшай съ нимъ свои рыданія, согласно съ закономъ, повелѣвающими плакать съ плачущими (Римл. 12, 15), и гласящими: *Азъ же о всякомъ немощнѣмъ восплачахся* (Іов. 30, 25); или лучше вступи въ нѣкоторую сдѣлку и соглашеніе съ (востокомъ), повѣрженнымъ и убитымъ смертію государыни. Что ты (западная страна) имѣла лучшаго и наиболѣе цѣннаго, ты великодушно отдала ему (востоку) по его просьбѣ; онъ получивъ, увы, не сохраниль даннаго, принялъ охотно, но роковымъ образомъ выронилъ изъ рукъ и не уберегъ драгоцѣннаго залога. Что же онъ долженъ сдѣлать, что совершить, какое законное оправданіе представить, когда отъ него потребуется предъявленіе такового, а онъ его не имѣть, чтобы не оказаться жалкимъ и неблагодарнымъ по отношенію къ (сторонѣ), довѣрившей и одолжившей? Ты, о западъ, поступиль бы отчасти справедливо, негодуя на потерю и гибель столь цѣннаго предмета. Однако, слѣдуетъ принять во вниманіе и то: кто можетъ противорѣчить божественнымъ рѣшеніямъ? и яже Господь сочища, кто разоритъ? и руку его высокую кто отвертитъ, какъ говоритъ Исаія (14, 27), и аще затворитъ отъ человѣковъ, кто отверзетъ? какъ говорить другой изъ боговдохновенныхъ (Дов. 12, 14). Кто быль бы въ состояніи превозмочь надъ царемъ столь великимъ, и притомъ поражаемымъ въ самое сердце, надъ царемъ, котораго руки недосягаемы и мышцы не сокрушимы, помогая и защищая паче мѣднаго лука, ополченія и цѣлага войска?....

12. Однако природа имѣла въ себѣ нѣчто недоступное и не-преодолимое; по волѣ Божіей, она восторжествовала и надъ тобою, царь. Увы, увы! Ты и противился, но не превозмогъ. Ты наполниль воллемъ, стенаніями и рыданіями воздухъ, улицы, низины и вершины, вызываль силы, вмѣсто трубъ употребляя стенанія; а онѣ, при всей готовности помочь тебѣ, вступить въ борьбу и защитить тебя, ничего не могли, развѣ только принять участіе въ плачѣ. И эта блаженная жена сожалѣла о тебѣ по привычкѣ и часто смотрѣла на тебя, но ничего не могла сдѣлать, отзываемая и привлекаемая другими силами и другими ополченіями къ другому царю съ болѣшою крѣпостію и силою. Увы! не прикрыль твоей печали, не вмѣ-

καὶ σύτῳ τὸ ἄπορον κραταιότερον γίνεται. "Οτι δὲ ὁ ἄξιος τε καὶ κάλλιστος τὴν ἀξιωτάτην καὶ καλλιστεύουσαν ἐπεζήτει, ἵν' ἐν μηδενὶ ἔτερο-
ζυγῶσιν, ἀλλ' ὅπερ οὐτος ἐν ἀνδράσιν ἔκεινη ἐν γυναιξὶ γένοιτο, τοῦτο καὶ
ὅ ἀγροικότατος τῶν ἀνθρώπων ἀποφανεῖται καὶ ἡλιθιώτατος.

11. Τὰ μὲν οὖν πρῶτά σου τοιαῦτα, ὡς βασιλίς, τὰ τῆς ἐκ δυσμόθεν 5
ἀνακομιδῆς, ὅσα τῆς ἀρίστης νυμφεύσεως καὶ τῆς πρὸς τὴν βασιλίδα
τιμὴν ἀνύψωσες· τὰ δὲ ἐντεῦθεν ἑτέρας μοι καρδίας ἐδεῖτο, χαλκείας δῆ
τινος καὶ ἀδαμαντίνης, καὶ ἑτέρων τῶν τῆς φωνῆς^{a)} ὀργάνων πρὸς τὸ λέγειν
τε καὶ ἀποθρηνεῖν.^{b)} Ως ή πρὸς δύνοντα ἥλιον, ἀρά γε συνθρηνήσεις τῇ ἀν-
τιζόγυῳ ἀνατολῇ καὶ συνεφάψῃ τῶν ὀδυρμῶν κατὰ τὸν κελεύοντα νόμον 10
εκλαίειν μετὰ κλαιόντων^{c)} καὶ τὸ αἴγανον εἰλαυσα ἐπὶ παντὶ θλιβομένῳ^{d)}, ἢ
συνεπιβήσῃ μᾶλλον καὶ κατεπιβήσῃ κειμένης καὶ συννεκρωμένης τῷ τῆς
δεσποτῆς θανάτῳ; οτι σὺ μὲν ὡν εἶχες τὸ κάλλιστόν τε καὶ τιμαλφέστα-
τον δέδωκας αὐτῇ δεσμένη μεγαλοφύχως, ἢ δὲ δεξαμένη οὐκ ἐφύλαξεν —
οἶμοι — τὸ δεδομένον, ἀλλ' ἔλαβε μὲν ἀσπασίως, ἀπέβαλε δὲ ὀλεθρίως ἐκ 15
τῶν χειρῶν καὶ τὴν καλὴν οὐκ ἐτήρησε παρακαταθήκην. Τί οὖν ποίησει;
τί διαπράξεται; ποίαν ἀπολογίαν προβλεπεῖται δικαίαν, ἐμφανίσαι ταύτην
ἀπαιτουμένη καὶ μὴ ἔχουσα, οὐκ ἐλεεινὴ μᾶλλον τῆς συμφορᾶς ἢ ἀγνώ-
μων λογιζομένη πρὸς τὴν παραδεμένην καὶ χρήσασαν; Τοῦτο μὲν οὖν δι-
καιότερον ἀν δρώης, ὡς δύσι, ἀγανακτοῦσα διὰ τὴν τοῦ τηλικούτου χρήματος 20
ἀποβολὴν καὶ ἀπώλειαν· πλὴν χρή που καὶ ἐννοεῖν ὅτι· Θεοῦ ψήφοις
ἀντιλέγειν τίς ίκανός; καὶ ἡ βεβούλευται Κύριος τίς διασκεδάσει; καὶ τὴν
χειρα τὴν ίψηλήν, καθά φησιν Ἡσαΐας, τίς ἀποστρέψει^{e)}; καὶ πεὰν κλείσῃ
κατὰ ἀνθρώπου, τίς ἀνοίξει, φησίν τις ἀλλος τῶν θεολήπτων^{f)}. ἐπεὶ τίς ἀν
κατισχύσει βασιλέως τοσούτου καὶ ταῦτα ἀδικουμένου περὶ τὰ καίρια, οὐ 25
καὶ χειρες ἀπτοι καὶ βραχίονες ἀθραυστοι καὶ ὑπέρ τόξον χαλκοῦν καὶ
στρατιὰν καὶ στρατόπεδα συμμαχοῦντά τε καὶ προασπίζοντα;

12. Ἡν δὲ καὶ ἡ φύσις ἀπρόσβλητόν τι καὶ ἀμαχον, ἥτις Θεοῦ βουλη-
θέντος καὶ σοῦ, βασιλεῦ, ὑπερίσχυσεν. Αἱ αἱ καὶ ἀντέσχεις μέν, οὐ μὴν
ὑπερέσχεις. καὶ βοῆς μὲν καὶ γόνων καὶ ὀδυρμῶν ἐνεπίμπλας τὸν αἰδέρα, 30

4 ἀγρικότατος P || τῶν ομ. E. || ἡλιθιότητος P. — 12 συνεπιθήση E || κατεμβήση E ||
καὶ συνεκρωμένης (ita E.) ομ. P. — 19 λογιζομένην P. || οὖν P, ἀν E. — 20 ἀν ομ. E ||
χρήματος E, πράγματος P. — 23 κλήση P. — 24 φησίν τις add. E. || τί P. — 25 κατι-
σχύση E, κατισχύκη P. — 28 ἀπόβλητον E. — 29 μὴν] μόνον P, μὲν E. — 30 ἐνεπίπλας P ||
τν. τὸν αἰδέρα τὰς πλατείας; abscissa in P.

a) Hom. II. II, 490 φωνὴ δ' ἄρρηκτος, χάλκεον δέ μοι ἥτορ ἐνείη.

b) Pauli epist. ad Rom. XII, 15. c) Iob. XXX, 25: ἐγὼ δὲ ἐπὶ παντὶ ἀδυνάτῳ
εκλαυσα. d) Esa. XIV, 27. e) Iob. XII, 14.

стиль твоихъ воплей дворецъ вмѣстительный, и поэтому выслали тебя съ госпожею въ открытыя убѣжища на воздухъ, въ сосѣднія селенія, въ которыхъ ты часто бывалъ съ нею въ промежутки отдохновенія отъ военныхъ походовъ, дабы они нестѣсненно вмѣстили твои вздохианія и твои рыданія. Пути и селенія, разстилающіяся свободно, и открытыя поля, близъ лежащія горы и холмы будуть отвѣтать на вопли и, какъ говорить Амосъ, изъ пастуховъ пророкъ: *на вспахъ стоянкахъ будетъ плачь, и на вспахъ путехъ речется: усы лютъ, усы лютъ* (5, 16), и не только горожанинъ, но, какъ онъ же говоритъ, и *земледѣлецъ призовется на плачь и на рыданіе, и на отъдящихъ плачь* (тамъ-же); и по Іову (31, 39), *бразды ея (земли) восплакашася окунь*.

13. Отъ чего мнѣ не сказать, что вмѣстѣ съ царемъ и заранѣе оплакивали тебя, царица, самыя небесныя явленія? Луна, одѣвшись во время полнолунія въ черное облако, предзнаменовала для разумѣющихъ твой закатъ, и молніи праздно падали съ неба, такъ что поражая божественные храмы и святынища, не зажигали ни самыхъ крыши, ни на нихъ лежащихъ частей, и не наносили никакого вреда имъ, но, проникая сквозь нижележащее, расщепляли и обжигали попадавшееся, и обнаруживали свою природу, какъ это было съ Марціею, женою Катона: такого-же рода молнія, ниспавшая на нее, оставила ее невредимою, но умертила опалившій младенца, котораго она носила во чревѣ. И твоя болѣзнь, о божественнѣйшая развѣ была многимъ отлична и не безъ сходства съ этимъ? Почти совсѣмъ не повредивъ твоего тѣла, дабы ты и кончаясь могла уйтти въ обычномъ полномъ цвѣтѣ, сохранивъ блестающую твою красоту, она (болѣзнь) поразила внутренность, медленно сожгла невыносимымъ жаромъ (лихорадками), разслабила поносами (диарреями), и не оставила, пока не довела тебя до смерти, а царя—показала намъ полуобожженнымъ и совершенно опаленнымъ: — сказалъ бы опять пророкъ, *«яко маючи исторжена изъ оня»* (Захар. 3, 2).

14. И теперь онъ проливаетъ слезы и часто тебя призываетъ, разыскивая по всѣмъ путямъ, тропинкамъ, галлереямъ и ходамъ въ дворца, внутри дворца, въ которомъ нѣкогда съ тобою прохаживался,— и не находитъ. Искали ея и не нашли кровные царя и ближніе, за которыхъ она вступалась, когда они нуждались въ помощи. Плакали о ней войска, плакали военачальники, которые, приступивъ къ ней нѣкогда, получали, о чемъ просили, и какъ во время плача при общемъ плаче и тѣхъ и другихъ — говоря словами пророка, наложено было

τὰς πλαστείας, τὰς ὑπωρείας, τὰς ἀκρωρείας καὶ τὰς δυνάμεις ἀνεκάλου, ἀντὶ σαλπίγγων ταῖς οἰμωγαῖς χρώμενος· αἱ δέ σοι καὶ ἐπαρήγειν προδυμούμεναι καὶ συνάρασθαι πρὸς τὸν ἄγῶνα καὶ συναντιλήψεσθαι, ὑπὸ τοῦ θρήνου οὐκ ἴσχυσαν. Καὶ ψυχὴ δὲ ἐκείνη ἡ θεσπεσία ὥχτειρε μέν σε διὰ τὴν συνήθειαν καὶ θαμνὰ προσεβλέπετο, οὐκ εἶχε δὲ ὅ τι καὶ δράσει, 10 πρὸς ἄλλον βασιλέα ὑπ’ ἄλλων δυνάμεων καὶ στρατιῶν προσχαλουμένη καὶ ἀνθελκομένη κραταιότερόν τε καὶ βεβαιότερον. Βαβαῖ! οὐκ ἔστεξέ σου τὸ πένθος, οὐκ ἔχώρησέ σου τὰς οἰμωγὰς τὰ πολυχανδέα ἀνάκτορα. Ἑνδεν τοι καὶ ἔξεπεμψέ σε σὺν τῇ δεσποίνῃ πρὸς τὰς ὑπαίθρους καταγωγάς, πρὸς τὰς ἀστυγείτονας κώμας, αἵς πολλάκις σὺν ἐκείνῃ ἐπεχωρίαζες 15 ἐν ταῖς τῶν πολέμων ἀνακωχαῖς, ὡς ἀν ἀστενοχωρήτως χωρῆσωσί σου τὰς οἰμωγὰς καὶ τοὺς ὁδυρμοὺς ὅδοι καὶ χωρία καὶ πεδία ἀναπεπταμένα καὶ ἀστεγα, καὶ τὰ παρακείμενα ὅρη καὶ οἱ βουνοὶ πρὸς τοὺς βρυχηθμοὺς ἀντηχήσωσι, καί, ὁ φησιν ὁ Ἄμως ὁ ἐξ αἰπόλου προφήτης, «ἐν πάσαις πλατείαις γένηται ἀκοπετός καὶ ἐν πάσαις ταῖς ὁδοῖς ῥηθήσεται οὔαί, ούαί»^{a)}, 20 καὶ μὴ μόνον ἀνήρ ἀστικός, ἄλλ², ὡς φησιν ὁ αὐτός, καὶ αγεωργὸς κληθήσεται εἰς πένθος καὶ κοπετὸν καὶ εἰς εἰδότας θρῆνον», καὶ κατὰ τὸν Ἰωβ «εἰ τῆς γῆς αὐλακες κλαύσωσιν ὁμοθυμαδόν»^{b)}.

13. Τί μὴ λέγω ὅτι συνωδύρατο σε τῷ βασιλεῖ, ὡ βασιλίς, καὶ πρωδύρατο καὶ αὐτὰ τὰ οὐράνια; καὶ σελήνη μὲν ἐν πανσελήνῳ νέφος μέλαν 20 ἀμφιασαμένη τοῖς συνιοῦσι τὴν σὴν προετυπώσατο ἔκλειψιν, κεραυνοὶ δὲ ἀργῆτες οὐρανόθεν κατέπιπτον, οἱ καὶ θείοις τεμένεσι καὶ σηκοῖς ἐπικατασκήπτοντες τὰς μὲν ὁροφὰς αὐτὰς καὶ τὰ ἐπικείμενα εὗτ’ ἐνεπίμπρων οὕτ’ ἐλυμαίνοντο, διιόντες δὲ τὰ ὑποκείμενα διέξαινον καὶ κατέφλεγον καὶ τὴν ἐστῶν φύσιν ἐδείχνυον, ὡςπερ πάλαι ἐπὶ Μαρκίᾳ Κάτωνος γυναικί, 25 ἦ τὸ τοιοῦτον εἴδος τοῦ σκηπτοῦ ἐπικατενεγχθὲν τὴν μὲν ὅλην ἀβλαβῆ διετήρησε, τὸ δὲ ἐγκυμονούμενον κατακαῦσαν ἐνέχρωσε. Μήποτε δέ, ὡ θειοτάτη, καὶ τὸ σὸν πάνθος καὶ πολὺ παραλλάττον ἦν οὐδ’ ἀνόμοιον· τὸ γάρ τοῦ σώματος ἐπὶ πολὺ ὅλως μὴ παραβλάψαν—ἴνα καὶ ἔκλείπεσσα μετὰ τοῦ συνήθους ἀνθυσιας ἀπέλθης καὶ τῆς καλὸν ἐπιλαμπούσης σοι 30 ὠραιότητος—τοῖς ἔνδον ἐπέσκηψε καὶ πυρετοῖς ἀσχέτοις ὑποσμῆχον καὶ

1 ἀνεκαλοῦ PE.—2 οἰμωγαῖς P, ὀλουγαῖς E.—3 καὶ οι. P. || συναρεῖσθαι E.—3 ὑπὸ] εἰ μὴ E, οἱ καὶ P.—4 θρήνου E, θρόνου P.—9 ἔξεπεμψέ E.—12 τὰς οἰμ. καὶ τοὺς ὁδυρμοὺς E, τοὺς στεναγμοὺς P || χῶραι E || πέδα E.—14 Ἄμως ὁ ἐξεπόλου προφήτης P, προφήτης ὁ ἐξ αἰπόλου sine nom. E.. Amos VII, 1.—19 σε P, σοι E || ὡ P, ἡ E.—23 ῥοφὰς P, qui post habet ὑποκείμενα et ἐνεπίπτρων.—24 διῖονες P.—27 δὲ posterius οι. P.—28 θειότατε E.—29 τὴν γάρ P || πολὺν P.—30 ἀπέλθη P.—31 ὑποσμῆχον P, ὑποσμῆχων E.

a) Amos. V, 16.

b) Job XXXI, 38.

на *всякій хребетъ оретище* (Амос. 8, 10). Ибо такова печальная и убогая одежда, въ которую они облачились, и, говоря опять словами пророка, снисошла на *всяку главу плющъ* (Амос. 8, 10) — не естественная, но рукотворная. Оплакивали ее и архисатрапы Персовъ (Турокъ), до которыхъ также богоподражательно достигли лучи ея благодѣяній, и когда они чрезъ пословъ узнали, что нѣтъ болѣе ихъ благодѣтельницы, они украсили ея гробъ полновѣсными приношеніями золота и золотыми облаченіями. Если бы какой законъ имъ это позволялъ, то они пришли бы и не усумнились бы поклониться тебѣ и лежащей, — сказалъ бы иной, какъ нѣкогда ихъ предки лежащему въ ясляхъ младенцу, моему Іисусу, — и какъ тѣ воздали честь рожденію Господа, такъ эти воздали бы посмертную честь госпожѣ.

15. Рыдали вдовицы и сироты, которыхъ она выдавала замужъ, когда онѣ оставлены были невыданыими отъ родителей, иногда благородныхъ, — и при томъ (выдала) съ приданымъ и за мужей не неблагородныхъ; а если онѣ не имѣли еще брачнаго возраста, то ихъ прилично воспитывала. Плакали всѣ глаза, смотря на нее. О! сколькихъ она спасла отъ заслуженной смерти и отвратила сѣкиру, едва не касавшуюся выи. Сколькихъ освободила отъ узъ, сколькихъ избавила отъ бѣдъ! Хоры назиреевъ (минаховъ) для нея почтенные, священныя обители дѣвственницъ и убѣжища мудрыхъ женъ, не вѣдомыя толпѣ, и не открывавшія своихъ дверей по причинѣ крайняго подвижничества, развѣ только когда благодѣянія царицы заставляли отверзать входы — всѣ рыдайте, всѣ оплакивайте ту, которая уравнивала для васъ тяжелый путь жизни, жизни по Богу.

16. А что мы, архіереевъ собраніе? Куда мы послѣ нея обратимъ взоры? къ кому прибѣгнувъ подадимъ свитки съ прошеніями, моля или обѣ исполненіи прошлага, или о докладѣ царю? Она при этомъ обращалась къ намъ такъ милостиво (кортко), такъ охотно принимала наши просьбы, такъ что прошеніе казалось удовольствіемъ и хотѣлось просить — для того только, чтобы быть просителемъ, нуждаться — только для того, чтобы она могла помочь нуждающемуся, оказать содѣйствіе просящему. А приводя на мысль ея важность, честь, благочестіе, соединенное со скромностію благопослушное вниманіе — кто не умилится всѣмъ сердцемъ, кто не сокрушится внутренно? Ахъ! я самъ, это пишущій, какъ и сколь много видѣлъ этого! Если бы велерѣчіе не было длиннорѣчіемъ, если бы рѣчь обѣ одномъ и томъ же не была многорѣчіемъ, то я сложилъ бы здѣсь цѣлое новое повѣстствованіе

διαρρείαις ὑποχαλῶν οὐκ ἀνῆκε μέχρι σὲ μὲν ἀπήγαγε τῷ θανάτῳ, τὸν δὲ βασιλέα ἡμῖν ἡμιφλεγῇ καὶ ὀλόκαυτον ἔδειξεν· εἶπε δ' ἂν πάλιν προφήτης, ὡς δαλὸν ἔξεσπασμένον ἀπὸ πυρός").

14. Καὶ νῦν κλαίει μὲν καὶ ἀνακαλεῖται σε θαμινὰ πάσας ὁδούς, πάσας διατριβᾶς ἀνιχνεύων, τοὺς περιπάτους, τοὺς ὅρόμους, τὰ ἐκτός, τὰ δὲνδον τῶν βασιλείων, ἐν οἷς αὐτῷ ποτὲ συμπεπόρευσαί, οὐχ εὑρίσκει δέ. Ἐζήτησαν αὐτήν, οὐχ εύρον οἱ καθ' αἷμα τῷ βασιλεῖ καὶ οἰκεῖοι, ὃν ἐν καιροῖς βοηθείας δεομένων προσέστατο." Εκλαυσαν αὐτὴν στρατάρχαι δοσοι προσελθόντες ὃν ἐδεήθησαν οὐκ ἡμοίρησαν, καὶ ὡς ἐν αἷμαλωσίᾳ θρηνούντων καὶ τούτων κάκείνων προφητικῶς εἶπεν «έπι πᾶσαν ὁσφὺν 10 σάκκος»^{a)} ἀνέβη (τοιοῦτον γάρ η πενθήρης ἐκείνη καὶ ἀχρεῖος στολή, ἦνπερ περιεβάλλοντο) καὶ αἴπει πᾶσαν κεφαλὴν φαλάκρωμα, οὐ φυσικὸν ἀλλὰ χειροποίητον. Ἐκόψαντο δὲ αὐτὴν καὶ ἀργισταράπαι Περσῶν, πρὸς οὓς αἱ τῶν εὔεργεσιῶν ταύτης ἀκτίνες θεομμήτως ἐπέλαμπον, καὶ ἐπει τὴν εὔεργέτιν διὰ τῶν πρέσβεων οὐκέτ' ούσαν ἐμάνθανον, χρυσίου πολυ- 15 ταλάντοις δλκαῖς καὶ χρυσοῖς ἐπιβλήμασι τὸν τάφον ἐγέραιρον. Εἰ δέ τις νόμος αὐτοῖς ἐδίδου, οὐκ ὥχνησαν ἀν ἐλθόντες προσκυνῆσαί σε καὶ κειμένην, εἶπεν δὲν τις, ὡς πάλαι οἱ πρόγονοι σφῶν τὸν ἐμὸν Ἰησοῦν βρέφος κείμενον ἐν φάτνῃ τὸν προσιώνιον, καὶ ὡς ἐκεῖνοι τὴν γενέθλιον τῷ δεσπότῃ, οὕτως οὗτοι τὴν ἐντάφιον τῇ δεσποτῇ ἀφεστίσασθαι σοι τιμήν. 20

15. "Εκλαυσαν χῆραι, ἐπένθησαν δρφανοί τε καὶ δρφαναί, ἀς ἀνεκδότους παρὰ γονέων καὶ τῶν εὐ γεγονότων καταλειμμένας ἀνδράσιν οὐκ ἀναξίοις μετὰ φερνῶν οὐχὶ ἀγενῶν ἐδεδώκει πρὸς γάμον ἥ καὶ μὴ ὥραιάς γάμου ἔτι τυγχανούσας ἀξίως τοῦ γένους ἀνέτρεφεν. Ἐδάχρυσαν ὄφθαλμοι πρὸς αὐτὴν ἀπαντες βλέποντες. "Ω πόσους αὲκ θανάτου δικαίουν 25 ἐρρύσατο καὶ μονονουχὶ τοῦ τραχήλου ἐπιψάυον τὸ ξίφος ἀπέστρεψε, πόσους ἔλυσεν ἐκ δεσμῶν, πόσους ἀπήλλαξε συμφορῶν! Ναζιραίων χοροὶ οἱ τίμιοι παρ' αὐτῇ, σεμνεῖα θηλειῶν παρθένων, καταγώγια γυναικῶν σωφρόνων ἀγνοούμενα τοῖς πολλοῖς μηδὲ ἀνοιγόμενα διὰ τὸ ἀπερίσπαστον τῆς ἀσκήσεως, εἰ μὴ ὅτε αἱ τῆς βασιλίσσης εύποιίαι τὰς εἰσόδους ἀνεπετάννυον, 30 κλαύσατε πᾶσαι, πάντες πενθήσατε τὴν εὐμαρίζουσαν ἡμῖν τὸν τραχὺν καὶ κατὰ Θεὸν βίον οὐκ ἔχοντες!

2 ὀλόκαυτον Ε.—3 ἔξεσπασμένον Ρ.—5 διατριβὰς Ε, τριβὰς Ρ. an leg. τρίβους?—6 ποτὲ οπ. Ε.—8 sq. καὶ στρατάρχαι Ε, τειράρχαι Ρ.—9 προσελθόντες ΡΕ || ηύμοίρησαν Ρ.—10 καὶ οπ. Ε || προφητικῶς εἰπεῖν hic add. E, ante φαλάκρωμα 12 Ρ.—11 τοιοῦτος; Ρ || ἐκείνη ποτε ἀχρεῖος Ρ.—18 δὲ Ρ, δι' Ε.—17 ἀνελθόντες Ε || καὶ add. E.—21 ἀνεκδότους Ε.—22 εὐ γεγονότων] απ ἀγγὺς σητῶν σίνε ἐγγυτάτω?—23 φενῶν Ε || ἀγενῶν Ε.—24 ἀνέθρεφεν Ε.—27 ναζηραίων Ρ.—28 αὐτῷ Ε. || θηλυῶν Ρ.

a) Zachar. 8,2.

b) Amos 8,10.

распространяясь объ этомъ предметѣ. Но пропустивъ другое, я разскажу только одно, что послужить и началомъ и срединою и концомъ моихъ сообщеній о себѣ самомъ.

17. Быть день, въ который жизненачальный Иисусъ, исторгнувъ изъ ада свое тѣло, принятное отъ насъ и преданное смерти за насъ, снова воспріялъ его къ себѣ по прежнему и тѣмъ дать намъ (возможность) воспѣвать побѣдную пѣснь надъ смертью. И такъ, въ этотъ день, когда царь вмѣстѣ съ царицею быть въ нашихъ предѣлахъ, я присутствовалъ въ царскомъ присѣяніи и въ палаткѣ, имѣя совершить животворящую жертву, очистительную для всего міра. Когда таинство совершалось, предстоялъ и самодержецъ съ душою сокрушенюю и въ духѣ смиренія, какъ-бы принося другую жертву приносимому въ жертву,—то есть, себя самого, жертву чистую и святую, посредствомъ мысленного исповѣданія. Присутствовала также и царица подъ покровомъ (балдахиномъ) съ подобнымъ же настроениемъ.

И вотъ, когда животворящій агнецъ священно содѣвался и закалялся—посвященный знаетъ (о чемъ рѣчъ), и когда святое призывало святыхъ (возглашалось: «святая святымъ»), то за тѣмъ, послѣ жрецовъ и священнослужителей, царю первому дано было причаститься. Наступало время дать и царицѣ пріобщиться святыни, для которой она себя освятила, представъ чистою и столь достойною ея принятія. Поднялась завѣса къ верху, и заключающій царицу *домикъ* принялъ меня вмѣстѣ со всесвятыми дарами. Царица была убрана по-царски и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно того дня. Но что въ этомъ? Вѣдь и послѣдніе оборванцы и бѣдняки, снявши истасканыя и грязныя рубища, надѣваются на этотъ разъ новыя и свѣтлыя платья, а женщины даже облачаются въ золото выше своего достоинства и выше своего благосостоянія—ради изнѣженности и ради зрѣлица. Меня поразила не внѣшность царицы, а ея душа и внутреннее. Мое вниманіе обратило не наружное украшеніе, а врожденное ея изящество, не разноцвѣтное облаченіе, но глубокое сокрушеніе духа и презрѣніе въ сердцѣ видимыхъ обманчивыхъ явлений, какъ чего-то ничтожнаго. Ибо когда я приступилъ, нося богопріимными руками сосудъ, содержащий божественное тѣло и кровь, то она самымъ внѣшнимъ видомъ своимъ показывала, какъ она была внутри настроена; вся собравшись въ себѣ и обратившись внутрь себя, она сопровождала чувствомъ и умомъ все таинство, помышляла о Томъ, который подаетъ съ небеси хлѣбъ и жизнь міру, объ агнцѣ закалаемомъ, дающимъ своимъ рабамъ насыщаться своей плоти и крови. И

16. Τί δὲ ἡμεῖς, ὡς ἀρχιερέων πληθύς; ποτὶ μετ' ἔχεινην ἐπάρωμεν ὅφθαλμούς; τίνι τοῦ λοιποῦ προσελθόντες πτυχίᾳ δεήσεων ἐπορέξομεν αὐτῆς δεομένων ἢ πρὸς ἐκπλήρωσιν τῶν αἰτουμένων ἢ πρὸς ἀναφορὰν πρὸς τὸν αὐτοκράτορα, σύτως ἰλαρῶς προσφερομένης ἡμῖν, οὕτω προθύμως δεχομένης τὰς ἴκεσίας, ὥστε καὶ χάριν ἡγεῖσθαι τὴν αἴτησιν καὶ ἴκετεύειν δι μᾶλλον ἐν' ἴκετεύωσι καὶ δεῖσθαι ὡς ἄν δεομένοις ἐπαρκοίη καὶ βοηθοίη αἰτουμένοις βοήθειαν; Τὸ δὲ σέβας, τὴν δὲ τιμήν, τὴν εὐλάβειαν, τὴν μεδ' ὑποστολῆς εὐήκοον ἔντευξιν, τίς εἰς νοῦν ἀναφέρων δλην οὐκ ἔχεετ τὴν καρδίαν καὶ τὰ σπλάγχνα διαθρυβῆ; Αἴ! αἴ! τὰ δὲ ἐμὰ καὶ περὶ ἐμὲ τὸν ταῦτα γράφοντα οἵα καὶ ὅσα! εἰ μὴ μεγαληγορεῖν ἦν ἐνταῦθα τὸ 10 μακρηγορεῖν, εἰ μὴ περιαυτολογεῖν τὸ πολυλογεῖν, ὅλην ἄν ἐξ ἀρχῆς ἔπλεξα τραχψδίαν τῷ περὶ τούτων λόγῳ ἐμπλατυνάμενος. ἀλλὰ τάλλα παρεῖς ἐν τοῦτο καὶ προσέμιον καὶ μέσον καὶ τελευταῖον τοῖς αὐτὸς περὶ ἐμαυτοῦ ποιήσομαι διηγήμασιν.

17. Ὁμέρα μὲν ἦν καθ' ἣν ὁ ζωαρχικώτατος Ἰησοῦς τὸ ἑαυτοῦ σῶμα 15 τοῦ ἀδοῦ ἐκσπάσας, ὃ ἐξ ἡμῶν προσλαβὼν τῷ θανάτῳ παρέδωκεν ὑπὲρ ἡμῶν, ἐστῷ ἀνέλαβε πάλιν ἐμπρόθεσμον καὶ παιανίζειν ἡμᾶς τὰ κατὰ τοῦ θανάτου νικητήρια παρεσκεύασε. Κατὰ ταῦτην οὖν τὴν ἡμέραν ἐπειδὴ ὁ βασιλεὺς σὸν τῇ βασιλίδι τοῖς καθ' ἡμᾶς ἐπεχωρίας κλίμασι, τῇ βασιλείῳ καταγωγῇ καὶ σκηνῇ παρήμην καὶ αὐτὸς ἱεροδυτήσων τὸ ζωοποιὸν 20 θῦμα καὶ παντὸς τοῦ κόσμου καθάρισιν. Καὶ δὴ τῆς ἀγιστείας ἐπιτελουμένης δὲ μὲν αὐτοκράτωρ ἐν ψυχῇ συντετριψμένη παρίστατο καὶ πνεύματι ταπεινώσεως, ὡς ἀλλο θῦμα τῷ θυμούμενῳ προσάγων ἐστὸν εὐαγές τε καὶ ἱερώτατον διὰ τῆς κατὰ νοῦν ἐξομολογήσεως, καὶ ἡ βασιλίς δὲ ὑπὸ παραπετάσματι καὶ αὐτὴ παρειστήκει μεδ' ὅμοίας τῆς διαθέσεως. Ὡς οὖν ὁ ζω- 25 ποιὸς ἀμνὸς ἱερούργητό τε καὶ τέλυτο—οἶδας ὁ μυηθεὶς—καὶ τὰ ἄγια τοὺς ἡγιασμένους ἐκάλει καὶ τῷ βασιλεῖ πρώτῳ μετὰ τοὺς δύτας καὶ λειτουργοὺς ἡμᾶς μετεδίδοτο, ἐκάλει δὲ ὁ καιρὸς καὶ τῇ βασιλίσσῃ μεταδοῦναι τοῦ ἀγιασμάτος, φῶ αὐτὴ ἐστὶν καθηγίασε καθαρὰ παραστᾶσα καὶ ἀξία καταστᾶσα τῆς αὐτοῦ μετοχῆς· τὸ μὲν παραπέτασμα ἀνεπετάνυτο, ὁ δὲ τὴν βα- 30 σιλίδα ἔχων οἰκίσκος μετὰ τῶν πανιέρων δώρων κάμε εἰσεδέχετο. Καὶ δὴ ἐκεκόσμητο μὲν βασιλικῶς ἡ βασιλισσα καὶ ἀμα τῆς ἡμέρας ἀξίως—τί γάρ; δτι ῥακενδύται καὶ πένητες καὶ ῥωγαλέα καὶ πιναρά τηνικαῦτα ἀποτιθέμενοι ῥάκια καινὰ καὶ λαμπρότερα περιβάλλονται, γρυστοφοροῦσι δὲ καὶ γυναῖκες

1. ὑμεῖς Ε. || ποῦ P || ἐπάρομεν P. — 2 ἐπορέξωμεν? — 10. γράφοντα οι. Ε. || ἐντεῦθεν Ε. — 12. Θρηνωδίαν Ε. || λόγων ἐκπλατυνόμενρς P. — 13 τελευτὴν P. — 16 ὁ Ε. — 17 ἐνπρόθεσμον P. — 18 ἐπεὶ Ε. — 25 καὶ αὐτὴ οι. Ε. — 27 καὶ τοὺς λειτ. Ε. — 28 μεταδέδοτο Ε. — 29. ἐστὴν] ἐστὴ P, καὶ ἐστὴν Ε. — 30 περιπέτασμα PE. — 32 ἐκεῖσμητος Ε.

такъ, помышляя объ этомъ и все обнявъ мыслю, съ наполненными слезъ глазами, она приступила къ чашѣ, и не сейчасъ сочла возможнымъ прикоснуться къ ея божественнымъ дарамъ, но преклонилась, припала на землю, и не прежде преклоненная приподнялась, чѣмъ и чело свое съ усыпанною камнями діадемой оперла на землю — предъ моими ногами. Тогда *устрашишася же ми власи и плоти* (Лов. 4, 15) — по Елифазу, и по Даніилу: *вострепета духъ мой въ состояніи моемъ* (Дан. 7, 15); ослабѣли руки, едва не подкосились колѣна и жизнедательная чаша едва не выпала изъ рукъ носящаго, подвергнувшись такому волненію. — Но Богъ, все устроившій, поддержаль и подкрѣпиль меня. И вотъ она освятила у себя вмѣстѣ съ устами и внутренность, и я вышелъ изъ *домика*, одержимый страхомъ и безглаголіемъ, и едва успѣль привести себя въ обычное положеніе.

18. Такъ (показала себя) пришла иностранка, чужеплеменная, къ намъ переселенная, поздно, какъ казалось, начавшая учиться нашимъ обычаямъ, происходившая изъ народа высокомѣрнаго и хвастливаго, поднимающаго брови выше лба, у котораго *выя — жила желѣзна*, чтобы сказать по божественному реченію (Ис. 48, 4), не превыкшая сгибаться; происходившая изъ рода наиболѣе уважаемаго и выдающагося въ ея народѣ. Между Италиею и океаномъ обитаетъ множество народовъ, раздѣленныхъ въ длину и широту многими рѣками и высочайшими горами: но кто не знаетъ, что Алеманскій (немецкій) народъ властвуетъ надъ другими и не выносить власти другихъ надъ собою. И вотъ среди такого сильного и властолюбиваго народа былъ родъ первѣйшій и властительнейшій, изъ котораго приводятся невѣсты народовластителямъ. Этому служить примѣромъ тотъ, кто недавно правилъ тѣмъ народомъ, обручившій себѣ старшую изъ сестеръ, а нашему тогда царю и отцу (нынѣшняго) царя приславшій эту, для того чтобы прекрасная была обручена и сочеталась съ прекраснѣйшимъ изъ сыновей его.

19. Но не обнаружила царица надменности своего народа, а подражала смиренію Христа. Псаломгѣвецъ говорить объ Іосифѣ *посла царь и разрѣши ею; постави ею господина дому своему*, какъ далѣе говорится (въ этомъ заключается тайна его исторіи и домостроительства) *наказати князи ею яко себе и старцы ею умудрити* (Псал. 104, 19—22). То же самое было устроено и сдѣлано относительно царицы, чтобы ея примѣромъ наставлялись правительницы и управляемыя и чтобы отъ болѣе юной умудрились старшія возрастомъ — научившись,

πολλάκις καὶ ὑπὲρ τὴν ἀξίαν καὶ τὴν ἔχυτῶν εὔπορίαν ἀβρυνόμεναι καὶ θεατριζόμεναι. Ἐμὲ δὲ οὐχ ἡ ἔξω βασιλισσα ἀλλ' ἡ κατὰ ψυχὴν καὶ ἐνδον ἔξεπληγτεν, οὐχ ὁ περιάπτος κόσμος, ἀλλ' ἡ ἐμφυτος κοσμιότης ἐπέστρεψεν, οὐχ ἡ ποικίλη περιβολή, ἡ δὲ πολλὴ τοῦ φρονήματος συστολὴ καὶ καταστολὴ καὶ ἡ τῶν φαινομένων τῇ αἰσθήσει ἀπατηλῶν ὡς 5 εὐτελῶν περιφρόνησις. ὡς γάρ προσήγειν ἐγώ τὸν τοῦ θείου σώματός τε καὶ αἷματος ὑποδοχέα κρατῆρα ταῖς θεοδόχαις φέρων χερσίν, ἔδειξε τῷ ἔξωθεν σχήματι ὡς διέκειτο ἐνδομένην. εἰς ἕαυτὴν ὅλη συσταλεῖσα καὶ εἰς νοῦν στραφεῖσα ἀπὸ τῆς αἰσθήσεως κάν τούτῳ τὸ μυστήριον ἅπαν περινοῆσσα, τὸν ἔξ οὐρανοῦ καταβάντα ἄρτον καὶ ζωὴν διδόντα τῷ κόσμῳ, 10 τὸν ἀμνὸν τὸν θυόμενον καὶ τῶν ἕαυτοῦ σαρκῶν καὶ τοῦ αἵματος ἐμφρεσθαι τοῖς δούλοις παρέχοντα· ταῦτ' οὖν καὶ τὰ τοιαῦτα διελοῦσα τῷ νῷ καὶ πάντα τῇ διανοίᾳ περιελέξασα δακρύων ὑποπληροῦσαι τοὺς ὄφθαλμοὺς καὶ τῷ κρατῆρι προσελθοῦσα οὐ πρότερον τῶν θείων δώρων ἐδικαίωσεν ἀψασθαι, ἀλλ' ἔχλινεν ἕαυτήν, ἔκψυψεν εἰς γῆν καὶ οὐ πρότερον κατακύ- 15 πτουσα ἐπανῆκεν ἔως καὶ τὸ μέτωπον σὺν τῇ λιθοκολλήτῳ ταινίᾳ τῇ γῇ προσήρεισε πρὸ τῶν ἐμῶν—φεῦ μοι—ποδῶν. ^aἘφριξάν μοι τότε τρίχες καὶ σάρκες κατὰ τὸν Ἐλιφάτ^τ ^b), καὶ κατὰ τὸν Δανιήλ πάλιν «ἔφριξε τὸ πνεῦμά μου ἐν τῇ ἔξει μου» ^b). Αἱ χεῖρες παρεῖντο, ἐλύοντο γόνατα, μικρόν τι δεῆσαν καὶ δὲ ζωηφόρος κρατήρι τῶν τοῦ φέροντος χειρῶν οὕτω πεπονθότος ἔξ- 20 πεσεν. ἀλλ' ὁ ταύτην οὕτω διατιθεὶς Θεός κάμε συνέσχε τε καὶ ἐπέρρωσε καὶ ἤγίασε μὲν ἐκείνη σὺν τῷ στόματι καὶ τὰ ἐνδόν, ἐγώ δὲ ὑπεξήγειν τοῦ οἰκίσκου θάμβει καὶ ἀφθεγξίᾳ κατασχεθεὶς καὶ μόλις ἕαυτὸν ἐν τῷ συνήθει καταστησάμενος.

18. Ταῦτα ἡ ἔνη καὶ ἐπηλυς, ἡ ἀλλοδαπή τε καὶ μέτοικος καὶ τῶν τῆς 25 καθ' ἡμᾶς πολιτείας, ὡς ἐδόκει, ὀψιμαθής, ἡ ἔθνους γαύρου καὶ ἀλαζόνος καὶ τὰς δφρῦς ὑπὲρ τὸ μέτωπον αἰροντος, οὐ καὶ τινέρον σιδηροῦν ἐ τράχηλος — ^c) κατὰ τὴν θείαν φάναι φωνὴν — κάμπτεσθαι σύκ εἰδὼς, ἡ ἐκ γένους τοῦ σεμνοτάτου καὶ πρωτίστου τῶν ἐν τῷ ἔθνει. Μυρίων γάρ ὄσων ἔθνῶν τὴν ἔξ Ἰταλίας μέχρι καὶ ὥκεανοῦ νεμομένων κατά τε πλάτος καὶ μῆκος 30 ποταμοῖς τε πλείστοις καὶ ὅρεσι τοῖς μεγίστοις διειλημμένων, τίς οὐδεν ὅτι τὸ Ἄλαμανῶν ἔθνος ἀρχει μὲν τῶν ἀλλων, ἀρχεσθαι δὲ οὐκ

4. ἐπέστρεψεν Ε. || νν. ἡ δὲ πολλὴ — καταστολὴ (καὶ καταστολὴ ομ. P) post περιφρόνησις 6 leguntur in E. — 7. θυόδοχοις E. — 8 δληγ P. — 10 διδοῦντα τ. κ. P, τ. κ. διδόντα E. — 12 διελῶσα P. — 14 sq. νν. τῶν θείων δώρων — οὐ πρότερον ομ. E. — 17 τρίχες P, χεῖρες E. — 19 τῷ ἔξει E. — 21 ταῦτ(α) P. — 22 ἐκείνη P, ἐκείνην E. — 29 τῷ ομ. E. — 32 τὸ ἔξ Ἄλαμανῶν E.

a) Iob IV, 15.

b) Daniel. VII, 15.

c) Esai. XLVIII, 4.

кромѣ другихъ проявленій человѣколюбія къ ближнимъ, также и кротости, а равно смиренію и благоговѣнію предъ божественнымъ и честнымъ еже о нась таинства. Всякій разъ какъ она хотѣла приступить къ святымъ тайнамъ, она посыпала къ сонму архіереевъ послами собственныхъ служителей — можно сказать, самымъ горячимъ образомъ желая, чтобы причащеніе святыни было ей въ неосужденіе.

20. Такъ здѣсь готовилась прикоснуться «чистая чистѣйшихъ», по такимъ уставамъ и правиламъ, которыя царица сама себѣ положила. Архіереевъ она почитала и назареевъ чествовала, и за то получила отъ отъ нихъ достойное воздаяніе въ молитвахъ. Отсюда и то, что она, долго сокрушавшаяся о разрѣшеніи неплодія, явилась потомъ матерію, радующеюся о чадахъ своихъ. О, еслибы вмѣстѣ съ двоицею дочерей она оставила царству и мужескую вѣтвь. А сверхъ того и слѣдующее: предметомъ моленій, возсыпаемыхъ за нее монахами и іерейами къ Богу, было то, чтобы ей не пришлось узрѣть мракъ вдовства, чтобы ей не досталось оплакивать сиротство дѣтей, не испытать чего либо другаго бѣдственнаго относительно супруга и милыхъ. И это, увы, тогда, когда въ скоромъ времени предстояла гибель младенца, безвременно подсѣченаго (въ своемъ существованіи) подобно виноградной цвѣтущей лозѣ, отнятіемъ у него матери. Перенестъ этого, думаю, не могло бы никакое матернее сердце и душа. Но и сверхчувственные уготованныя ей Богомъ воздаянія какая рѣчь могла бы описать, какая мысль представить и вообразить!

21. Что еще остается для рѣчи? Развѣ только то, чтобы посовѣтовать царю полезный совѣтъ и не дать ему еще долѣе сокрушаться о смерти супруги, обратившись къ нему со словами, какія свойственно и прилично услышать государю мужественному и мудрому.—Будь на конецъ самъ свой и нашъ: Свой, такъ чтобы углубившись въ себя и возбудивъ врожденныя внутреннія свои умственныя способности, въ собственномъ размыщеніи почерпнуть врачевство для излеченія недуга; воздѣльвая свою мысль, по Эсхилу, какъ небольшую (глубокую) борозду, ты выrostишь славныя рѣшенія, и искусно прикладывая ихъ, исцѣлиши свое кипящее страданіемъ сердце. Пусть, по крайней мѣрѣ, десница твоя не будетъ забыта варварами, привыкшими именно до тѣхъ поръ оставаться въ покоѣ, пока она держитъ надъ ними угрожающій желѣзный жезль; а когда она сгибается или когда ты, орелъ великокрылый, не пугаешь ихъ шумомъ своихъ крыльевъ, то они гадятъ какъ галки и какъ вороны болтливо каркаютъ на всѣ лады. Ради

ἀνέχεται; Τοιούτου δὲ δυνος τοῦ ἔθνους κρατίστου τε καὶ ἡγεμονικωτάτου, καὶ τὸ γένος πρώτιστον ἐν τούτοις καὶ ἀρχικώτατον καὶ τὰ κήδη ἐντεῦθεν τοῖς ἐθνάρχαις προσάγονται. Καὶ δηλοὶ ὁ πρὸ μικροῦ τοῦ ἔθνους κρατῶν, ἐαυτῷ μὲν τὴν πρεσβυτέραν τῶν ἀδελφῶν ἀρμοσάμενος, τῷ δὲ ἡμετέρῳ τότε βασιλεῖ καὶ τοῦ βασιλέως πατρὶ ταύτην ἐκπέμψας τῷ καλλίστῳ τῶν διέων συναρμοσθησομένην καὶ συνοικήσουσαν.

19. Ἄλλ' οὐκ ἔζηλωσε τὴν τοῦ ἔθνους ἀγερωχίαν ἡ βασιλίς, ἀλλὰ τὴν τοῦ Χριστοῦ ταπείνωσιν ἐμίμησατο ἵνα,—δ φησιν ἡ ψαλμωδία περὶ τοῦ Ἰωσῆφ, ὅτι «ἀπέστειλε βασιλεὺς καὶ ἐλυσεν αὐτόν, κατέστησε κύριον τοῦ οἴκου αὐτοῦ», καὶ (τὸ τῆς κατ' αὐτὸν τραγῳδίας καὶ οἰκονομίας μυστήριον) 10 «ώς ἄν» φησι «παιδεύσῃ τοὺς ἀρχοντας ὡς ἐαυτὸν καὶ τοὺς πρεσβύτερους αὐτοῦ σοφίσῃ»^{a)}. — τοῦτο καὶ περὶ τὴν βασιλίδα οἰκονομηθῆ καὶ πραχθῆ, καὶ παιδευθῶσι τῷ κατ' αὐτὴν ὑποδείγματι καὶ ἀρχουσαι καὶ ἀρχόμεναι, καὶ σοφισθῶσι παρὰ τῆς νεωτέρας αἱ τὴν ἡλικίαν πρεσβύτεραι πρὸς τῇ ἀλλῃ περὶ τὸ ὄμογενὲς φιλανθρωπίᾳ καὶ ἡμερότητι καὶ τὴν περὶ 15 τὰ θεῖα καὶ σεπτὰ τοῦ καθ' ἡμᾶς μυστηρίου ὑποστολὴν καὶ εὐλάβειαν.^{b)} Ή γε καὶ δσάκις ἀν τοῖς θείοις καὶ ἱεροῖς μυστηρίοις προσελθεῖν ἡβουλήθη, πρεσβευτὰς τοὺς οἰκείους θεραπευτὰς πρὸς τὸν τῶν ἀρχιερέων σύλλογον ἔξαπέστελλε λιτανεύσυσα — πῶς ἄν εἶποι; — θερμότατα τὴν τῶν ἀγιασμάτων μετάσχεσιν ἀκατακρίτως γενέσθαι αὐτῇ.

20

20. Οὕτως αὐτοῦ τοῦ καθαρὰ τῶν καθαρωτάτων ἐφάπτεσθαι ἔμελλεν, ἐκ τοιούτων τύπων τε καὶ κανόνων, οὓς αὐτὴ ἐαυτῇ ἡ βασιλίς ἔθετο, ἀρχιερέας τε οὕτως ἐσεβάσθη καὶ ναζιραίους ἐτίμησε, καὶ τὰς ἐκ τῶν εὐχῶν ἀμοιβὰς ἀξίας ἀντεκομίσατο, ἐνταῦθα μὲν τὴν τῆς ἀτεχνίας λύσιν λιπούστης ἐπὶ πολὺ καὶ τὸ δειχθῆναι μητέρα ἐπὶ τέκνοις εὐφρασινομένην — 25 ὡς εἴθε μετὰ τῆς ξυνωρίδος τῶν θυγατέρων καὶ ἀρρενα βλαστὸν τῇ βασιλείᾳ κατέλιπε. Μετὰ δὲ τούτων καὶ τοῦτο τῶν παρὰ μοναστῶν καὶ ἱερέων πρὸς Θεὸν ἀπολελαύκει ἐντεῦξεν τὸ μή γηρείας νέφος ἰδεῖν, τὸ μή ὄρφανά τέκνων ἀποδρηνῆσαι, τὸ μή τινος ἀλλου τῶν δυσχερῶν πειρασθῆναι περὶ τὸν σύζυγον ἥ καὶ τὰ φιλτατα, καὶ ταῦτα τῆς βρεφυλλίου — φεῦ 80 μοι — τομῆς ἀγχιμύρου παρεστώσης τῇ τῆς μητρὸς ἐκτομῇ ἀώρως ἀποδρυφέντος μετὰ μικρόν, ὡςπερ τινὸς ἐν ἀνθει κυπρίζοντος βότρυος. ἦν ἐνεγκεῖν σὺ μητρικῆς ἥν (ώς οἴμαι) καρδίας τε καὶ ψυχῆς. περὶ γάρ τῶν

1 ἀνέσται Ρ. — 3 τοῖς γενάρχαις Ε. — 8 ψαλμώδης ΡΕ. — 9 ἀπέστειλεν ὁ βασιλίους Ε.—19 ἔξαπέστειλε Ρ. — 20 ἀκατάκριτον Ρ.—22 τόπων τε Ε.—28 ναζηραίους ΡΕ || ἐκ ομ. Ε.—30 ἥ καὶ Ε, ἥ Ρ.—31 ἀρρως ἀποδρεφέντος Ρ.—32 ἐν ομ. Ρ || βότρυν Ρ.

a) Psal. CIV, 19—22.

ихъ слово мое, государь, побуждаетъ тебя сдѣлаться самъ своимъ. *Будь нашъ*: дабы, когда ты воротишься къ обычнымъ тебѣ заботамъ и попеченіямъ, мы пребывали виѣ всякаго зла; ибо если твоими высокотрудными дланями и твоими непрерывными походами и (отличнымъ) военнымъ искусствомъ замирена теперь вся земля и все море, такъ что нигдѣ нынѣ не видно чего-либо угрожающаго бѣдою или буйствомъ, то изъ этого все таки не слѣдуетъ, чтобы ты совсѣмъ могъ устраниться; ибо много въ нашей жизни ежедневно случается такого, что заставляетъ нуждаться въ тебѣ какъ направителѣ и устроителѣ, и если бы тѣ, которые тебѣ поручены для управления, видѣли солнце скрытымъ въ облакѣ унынія, полнымъ тьмы и печали, то не стали бы тебѣ докладывать ни о чёмъ, требующемъ устроенія, считая бесѣду безвременнымъ для тебя отягощеніемъ и не рѣшаясь докучать тебѣ. А чтѣ было бы болѣе нежелательно для насть и болѣе тягостно.

22. Но горька для тебя, государь, разлука съ супругою, разрывъ сожительства, горько, что ты одинъ несешь бремя этой жизни, одинъ совершаешь ея путь, потерявъ добрую привычную и единодушную спутницу. *Еда пойдутъ*, говорить пророкъ, *два вкупъ, всяко аще не познаютъ себе* (Ам. 3, 3)?—себѣ, то есть взаимно одинъ другаго;— но чтобы не могло показаться, что она сама выбрала себѣ пріятное, а любимымъ предоставила болѣе тягостное, мы должны взять во вниманіе, что это относится къ намъ, о божественнѣйшій самодержецъ, имѣющимъ то первое сочетаніе (сопряженіе), по которому души наши сопряжены съ тѣлами и вслѣдствіе котораго мы составляемъ иѣчто единое, а для тѣхъ, у которыхъ эта связь прервана и которые освободились отъ сопряженныхъ (съ душою) тѣль, для тѣхъ, говорятъ,— иная жизнь, иной ея образъ, другія печали и радости, пріятное и не-пріятное, и что поступившая нынѣ въ число ихъ блаженная царица, достигшая теперь лучшаго, совершенно забыла о худшемъ, о печалихъ, примѣшивавшихся къ пріятному. Тогда мы можемъ только воздать благодарность этой разлукѣ и этому разрыву, ибо она вслѣдствіе того всецѣло вступила въ область божественную.

23. Она удалилась отъ этихъ царскихъ чертоговъ, но за то восхищена въ лучшее царство и въ другой чертогъ выше всякаго разума и помышленія. Скрылся для тебя желанный ликъ луны,—но она не осталась совершенно безсвѣтною и безлунною. То, что было обращено къ тебѣ и заимствованымъ отъ тебя свѣтомъ блистало, омрачилось теперь тѣнью смерти, но не то, чтѣ взираетъ къ Богу, отцу свѣтовъ,

ὑπερκοσμίων καὶ παρὰ Θεῷ τεταμιευμένων αὐτῇ ἀντιδόσεων τίς λόγος ὁ φράσαι δυνάμενος ἢ διάνοια ὑποτυπῶσαι τε καὶ διανοήσασθαι;

21. Τί ἔτι τῷ λόγῳ λοιπὸν ἢ τῷ αὐτοχράτορι συμβουλεῦσαι τὰ πρόσ-
φορα καὶ μὴ ἐᾶσαι τῷ τῆς συζύγου θανάτῳ μακρότερον ἐποδύρεσθαι,
ἐκεῖνα αὐτῷ ἐπιλέγοντας ἢ βασιλεὺς γενναίῳ καὶ σοφωτάτῳ ἀκούειν οἰκεῖα δ
καὶ πρέποντα, ὅτι γενοῦ ποτε καὶ σεαυτοῦ καὶ ἡμῶν, σεαυτοῦ μὲν ὡς ἄν
εἰς ἑαυτὸν παρακύψας καὶ τοὺς ἐμφύτους καὶ ἐνδοθεν ἀνακεχινηκώς λο-
γισμοὺς κάχ τῆς διανοίας τὰ πρὸς θεραπείαν ἀναλεξάμενος φάρμακα — ἦν
ὡς βραχεῖαν αὐλακα κατὰ τὸν Αἰσχύλον καρπούμενος τὰ κεδνὰ βλαστά-
νεις βουλεύματα^a) — καὶ καταπέττων ἐντέχγως τὴν αὐτὸς ἑαυτοῦ θε- 10
ραπεύσεις καρδίαν τῷ πάθει φλεγμαίνουσαν. Καὶ ἀλλως δὲ ἵνα μὴ τοῖς
βαρβάροις ἐπιλησθείη ἡ δεξιά σου ἐπὶ τεσσαροῦτον ἡρεμεῖν εἰωθόσι μέχρις
ἄν αὕτη τὴν σδηρᾶν ῥάβδον ἐπανέγῃ αὔτοῖς· ἐπὰν δὲ εἰς ἑαυτὴν συσταλῇ,
ἢ, ὁ ἀετός δὲ μέγας δὲ μεγαλοπτέρυγος, σὺ τῷ ροΐζῳ τῶν πτερῶν τούτους
μὴ καταπτοῦς, ὡςπερ κολοιοὶ θορυβοῦσι καὶ ὡς κόρακες παγγλωσσίαι 15
γαρύουσιν ἀκραντα^b). Τούτων μὲν οὖν ἔνεκα σεαυτοῦ γενέθθαι σε, ὡς βα-
σιλεῦ, δὲ λόγος πρωτεύεται· ἡμῶν δέ, ἵνα τῶν συνήθων γενομένου
σου φροντίδων καὶ σπουδασμάτων ἔξω κακῶν ἀπάντων διατηρώμεδα.
οὐδὲ γάρ ὅτι ταῖς σαῖς ἀριστοπόνοις παλάμαις καὶ ταῖς ἀπαύστοις στρα-
τείαις καὶ στρατηγίαις ἔξημέρωται σοι πᾶσα μὲν γῆ, πᾶσα δὲ θάλασσα 20
καὶ οὐδὲν τὸ ὡδῖνον ὄρᾶται καὶ ἀγριαίνον, ἔργου ἀφείσθαι σε τέλεον δ
λόγος ἀνέχεται. πολλὰ μὲν γάρ ἀεὶ τὰ τῷ καθ' ἡμᾶς βίῳ καθ' ἡμέραν
ἐπισυμπίπτοντα καὶ σοῦ ιδυντῆρος καὶ ἀρμοστοῦ πάντα δεόμενα· καὶ οἱ οἰκο-
νομεῖν σοι ταῦτα πεπιστευμένοι, εἰ νέρει ἀδυμιάς ἐπικαλυπτόμενον δρῶν
τὸν ἔγλεον καὶ ζέφου σκυθρωπότητος ἔμπλεων καὶ στυγνότητος, οὐδὲν 25
ἄν πρὸς σὲ ἀναζέροιεν τῶν δεομένων καταρτισμοῦ, πάντων ὡς ἀκαρίαν
τὴν ἐντυχίαν ὑποπτευόντων καὶ μηδενὸς τολμῶντος περὶ οὐδενὸς ἐνο-
γλεῖν. Καὶ τούτου τί φευκτότερον ἡμῖν ἢ χαλεπώτερον;

22. Άλλα πικρόν σοι, ω βασιλεῦ, ή τῆς συζυγίας διακοπή, ή τῆς συσκηνίας διατομή, δτι μόνος τὸν τῆς ζωῆς ταύτης ἔλχεις ζυγόν, ὅτι μό-

1 Θεῶ̄ om. P.—2 διανοία E.—4 ἐποδύρασθαι P.—8 καὶ P, καὶ E.—9 αἰσχύλον P, αἴσ-
χυλὸν E || καρπούμενοι P.—10 αὐτὸς E, ἔσωτὸς P.—12 ἡ δεκά σου ἐπιλησθεῖται E.—18 ἔσω-
τὸν E.—14 ὁ μέγας om. P.—15 καταποὺς P || παγγαλωσίαι P.—17 sq. σοῦ γενομέ-
νου E.—18 sq. vv. ἔξω κακῶν — καὶ ταῖς om. P.—19 στρατίαις P.—21 καὶ οὐδὲ P ||
ἱργον ἀφανεῖσθαι E.—23 ἐμπίπτοντα E || οἱ om. E.—24 ἀθυμίαν P.—25 καὶ etiam
ante σκυθρωπότητος habet E.—26 πάντως ὡς P.—28 ἡμῖν evanuit P.—29 συζύγου E.

a) Aesch. Sept. 579—581 Weckl.: Οὐ γὰρ δοκεῖν ἄριστος, ἀλλ᾽ εἴναι θέλει, Βαθεῖαν ἀλοχοῦ διὰ φρενὸς καρπούμενος, 'Εξ οὗ τὰ κεδνὰ βλαστάνει βουλεύματα.

b) Pind. Ol. 2, 86 sq.: μυχόντες δὲ λάζηροι παγγλωσσίᾳ κόρακες ὡς γαρύετον Διὸς πρός δρυνιχαὶ θεῖον.

къ солнцу правды. Ради того оно отъ тебя и отвратилось, что обратилась къ Нему; закатилось для тебя, прекраснаго свѣтила вселенной, но взошло для того, кто явилъ тебя такимъ на тверди нашего предѣла. Ты зришь, царь, эту видимую луну, съ которой мы выше часто сравнивали царицу, зришь ночью свѣтящее солнце, ибо чтѣ во время дня оно (солнце), тѣ въ теченіи ночей—она (то есть луна). Да и она (луна) имѣеть лицо, не только къ намъ обращенное, но также (и другое обращающееся) къ вышнему и небесному, для наасъ, правда, невидимое, но возникающее и противоположное къ находящимся надъ нею (луной) созвѣздіямъ. И когда она является намъ въ полнолуїи, тогда кажется безлунною тамошнимъ (тамъ находящимся), и когда кажется лишенною свѣта здѣшнимъ, тогда въ полномъ блескѣ видима тѣми, чтѣ надъ нею. Ибо творецъ, все въ твореніи освѣтившій особою для всего красотою, никогда бы не счелъ хорошимъ и справедливымъ и для себя приличнымъ—отнимать у нея (луны) ея красоту и опять возвращать, какъ будто осуждая и затѣмъ снова снимая обвиненіе. Нѣть, она всегда равной долею, то есть половиною круга, хотя и не всегда одною и тою же, то убываетъ (бываетъ на ущербѣ), то свѣтится. Это говорять и тѣ, которые изучали сей предметъ. Ради того и въ мірозданіи ей дана въ удѣль красота, дабы она поперемѣнно съ нею являлась и себя дѣлала доступною и верхнимъ и нижнимъ.

24. Отсюда позволительно и намъ заключить о нашей царицѣ, что какъ она освѣщала всяческими радостями наши (земные) пространства, точно такъ допущена освѣщать прибавочнымъ блескомъ верхня надъ нами области. Ради этого она и закатилась отъ насъ, а возсияла для расположенныхъ надъ нами. А насколько здѣшнее меньше тамошняго, объ этомъ мнѣ нѣть нужды говорить. Ибо настоящая жизнь въ сравненіи съ ожидаемою есть грязь (тина), темная и глухая пещера, а тотъ міръ — нѣчто совершенно противоположное, эаиръ чистый и безоблачный, приличный для (жительства) однихъ ангеловъ и для душъ — ничѣмъ не осквернившихся, если только таковыя есть или были, или же посредствомъ покаянія очистившихся вполнѣ отъ скверны. Тѣло для души, свыше пришедшей и стремящейся къ высшему, есть нѣкотораго рода западня. А если она (душа) такова и причастна такому благородству и красотѣ, то кто не скажетъ, что для нея есть благо, когда западня сокрушится, и она выпорхнетъ какъ птичка и полетить къ верховной красотѣ и нетленнымъ онѣмъ лучамъ, когда она, вынувшись изъ тины и выбравшись изъ ямы переселится въ приготовленную

νος διαπορεύη τὴν τοῦ βίου ὁδόν, τὴν ἀγαθὸν συνοδεῖτιν ἀποβαλὼν τὴν σύσχηνον τὴν ἰσόψυχον. «εὶ πορεύσονται» γάρ φησιν ὁ προφήτης «δύο ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ εἰ μὴ αὐτοὺς — ὅπερ ἔστιν ἀλλήλους — γνωρίσουσιν»^{a)}; ἀλλ’ εἴ τι μέλλει ἡμῖν μὴ δοκεῖν αὐτὴ μὲν αἱρεῖσθαι τὰ φίλα, τοῖς φίλουμένοις δὲ προσνέμειν τὰ προσαντέστερα, ἐννοῶμεν δτι ἡμῖν ταῦτα, 5 ὡς θεότατε αὐτοχράτορ, τοῖς τὴν πρώτην ἔχοισι συζυγίαν καθ’ ἣν ψυχαὶ σώμασιν συνδιεπλάκημεν καὶ εἰς ἐν συμπεφύκαμεν, τοῖς δὲ ταύτης ἀποτμηθεῖσι τῆς συμφυίας καὶ τῶν συζύγων ἀπαλλαγεῖσιν σωμάτων ἄλλος, φασί, βίος καὶ ἄλλη δίαιτα^{b)} καὶ ἄλλα τὰ λυπηρὰ καὶ ἥδεα, τὰ χρηστὰ καὶ φευκτά, ὃν καὶ νῦν ἡ θεοπεσία γενομένη βασίλισσα καὶ τῶν κρείττονων ἐπιτυ- 10 χοῦσσα, τῶν δευτέρων καὶ χρηστοῖς λυπηρῶν ἀναμεμιγμένων παντάπασιν ἐπιλέλησται, καὶ χάριν ἂν ἔχοι τῷ διασπασμῷ καὶ τῇ ρήξει δτι τῶν θειοτέρων ὅλη ἐγένετο.

23. Ἀπὸ τῶν βασιλικῶν τούτων μετέστη θαλάμων, ἀλλὰ πρὸς χρείτονα βασιλείαν ἡρτάγη καὶ πρὸς ἄλλα βασιλεια τὰ ὑπέρ νοῦν καὶ διά- 15 νοιαν. ἀπεκρύβη σοι τὸ ποθούμενον τῆς σελήνης πρόσωπον, ἀλλ’ οὐκ ἀλαμπῆς αὐτη τέλεον καὶ ἀσέληνος καταλέιπεται. τὸ μὲν γάρ πρὸς σὲ τετραμμένον καὶ ὑπὸ τῆς σῆς λαμπηδόνος πάλαι καταλαμπόμενον τῇ τοῦ θανάτου σκιᾷ ἐπεσκότηται, ἀλλ’ οὕτι γε τὸ πρὸς Θεὸν βλέπον, τὸν πατέρα τῶν φώτων, τῆς δικαιοισύνης τὸν ἥλιον. διὰ τοῦτο γάρ καὶ ἀπέστρα- 20 πται ἀπὸ σοῦ, δτι πρὸς ἔκεινον ἐπέστραπται. ἐδυνέ σοι τῷ καλῷ φωστῆρι τῆς οἰκουμένης, ἀλλ’ ἐπανέτειλε τῷ σε τοιοῦτον ἐν τῷ στερεώματι τῆς καθ’ ἡμᾶς λήξεως ἀναδείξαντι. ὁρᾶς γάρ, ὡς βασιλεὺ, καὶ τὴν φαινομένην ταύτην σελήνην, ἥ καὶ τὴν βασιλίδα φθάσας ὁ λόγος παρήκασε, τὸν νυκτιλαμπῆ ἥλιον· ὅπερ γάρ ἐν ἡμέραις ἔκεινος, τοῦτο ἐν νυκτὶ καὶ αὐτὴ 25 γοῦν οὐ τὸ πρὸς ἡμᾶς ἀπονεῦον ἔχει πρόσωπον μόνον, ἀλλὰ καὶ τὸ πρὸς τὰ ἄνω καὶ τὰ οὐράνια, ἡμῖν μὲν οὐχ ὄρώμενον, τοῖς δὲ ὑπὲρ αὐτὴν ἀστροῖς ὑπανακύπτον καὶ ἀντανίσγον. καὶ ὅτε μὲν πανσέληνος ἡμῖν καθορᾶται, ἀσέληνος τοῖς ἔκειθεν καταλαμβάνεται, ὅτε δὲ ἀλαμπῆς τοῖς ἐνταῦθα, ὀλοφαής τοῖς ὑπὲρ ἔκεινην γνωρίζεται. οὐ γάρ ποτ’ ἂν ὁ Δημιουρ- 30 γὸς ὁ πάντα τὰ κατὰ τὴν κτίσιν μετὰ τοῦ οἰκέτου κάλλους ἐκφήγας

1 καὶ post ἀποβαλὼν add. E. — 2 πορεύονται E || δύο om. E. — 4—5 vv. εἰτι — δτι om. E. — 4 αὐτοὶ P. — 5 ἐννοῶ μὲν P. — 6 συζυγίας P. — 12 ἔχει P. nonne legendum ἔχοιμεν? — 13 δλη om. P. — 15 βασίλεια ἡρτάγει P. || πρὸς τὰ ἄλλα E. — 17 τελίως E. — 18 τετραμμένον et καταλαμπόμενος P. — 19 ἐπεσκότωται E || οὕτι P, ἔτι E. — 23 ὁ βασιλεὺ P pr., corr. ὁ βασιλεὺς. — 24 παρείκασε P, πολλάκις ἐδήλωσε E. — 26 τὸ posterius om. E. — 30 ποτ’ P, οἵ τ’ E. — 31 τὰ om. E. || ἐκφήγας om. E.

a) Amos III, 8.

b) Zenob. I. 22 (Paroem. Gott. vol. I p. 7): ἄλλος βίος, ἄλλη δίαιτα: ἐπὶ τῶν ἐπ’ ἀμείνονα βίον μεταβαλόντων.

для праведныхъ жизнь. Къ ней она издавна приготавлялась, и въ продолженіи цѣлой жизни собирала себѣ надежные и твердые залоги наслажденія лучшимъ — посредствомъ цѣломудрія упорядочивъ и согласивъ движенія своей души, при помощи разума сдѣлавъ ручною и послушною пару коней¹⁾), посредствомъ справедливости правильно разсудивши между настоящимъ и будущимъ — удѣляя первому мало вниманія, а склоняя больше вѣсы къ оному (будущему). Она поставила себѣ благоразуміе какъ наставника и совѣтника въ томъ, что дѣлать и чего не дѣлать; она вооружилась мужествомъ противъ всякихъ движений, возбуждаемыхъ плотью противъ духа, и всю душу направляла къ желанію лучшаго.

25. Вотъ украшеніе царицы! Вотъ приданое, которое она принесла изъ дома жениху, и живя вмѣстѣ съ нимъ, отъ избытковъ умножила! Пусть воспоетъ ей божественный Давидъ: *предста царица одесную тебе* (Псал. 44, 10) и что слѣдуетъ далѣе. Пусть въ дополненіе воспоетъ и его сынъ: *мнози дицери, многія царицы, сотвориша силу,* ты же *надъ всльми* туземными и пришлыми *превознеслася еси* (Притч. Сол. 31, 30).

Сie тебѣ, о божественнѣйшая изъ женъ и царицъ, отъ старческихъ, отъ времени иссохшихъ усть и ума, — для меня говорившаго многоцѣнное, хотя оно было сказано и выражено и недостойно твоего величія. Если оно (не) таково, претерпи и будь снисходительна. И конечно, ты претерпишь, какъ и при смерти рубище, и жесткую черную одежду и склоненіе отъ царской постели на голую землю, ради чего тебѣ открылись верхнія врата, и ты, при отверзтыхъ небесахъ, черпал, но прекрасная предстала предъ трономъ благодати. Какъ прежде то, такъ и теперь ты претерпишь сю нашу рѣчь, какъ нѣкоторое самое убогое надгробное, причитаніе.

1) Въ подлинникѣ игра словами: ἀλόγου можетъ значить «неразумныхъ» и «коней». Очень можетъ быть, что авторъ, говоря о парѣ коней, дѣлаемой ручною и послушною при помощи разума, намекаетъ на известное уподобленіе Платономъ человѣческой души парѣ коней съ возницею, — парѣ коней, изъ которыхъ одинъ благороденъ и послушенъ, а другой противоположного нрава, вслѣдствіе чего дѣло возницы трудное и тяжелое (Федръ 246: В: καὶ πρῶτον μὲν ἡμῶν ὁ ἄρχων ξυνωρίδος ἡμιοχεῖ, εἶτα τὸν ἵππον ὁ μὲν αὐτῷ χαλός τε καὶ ἔγαθδος καὶ ἐκ τοιούτων, ὁ δὲ ἐξ ἐναντίου τε καὶ ἐναντίος. χαλεπὴ δὴ καὶ δύσκολος ἐξ ἀνάγκης ἢ περὶ ἡμᾶς ἡμιοχηοις).

ἀφαιρεῖν τὸ ταύτης κάλλος καὶ πάλιν ἀποκαθιστᾶν καλὸν εἶναι καὶ δίκαιον
ἢ αὐτῷ πρέπον ὑπέλαβεν, ὡςπερ αὐτῆς καταψηφιζόμενος καὶ πάλιν ἀφιεῖς
τοῦ ἐγκλήματος, ἀεὶ δὲ τῷ ἵσῳ μέρει, τουτέστι τῷ ἡμίσει τοῦ κύκλου, εἰ καὶ
μὴ ἀεὶ τῷ αὐτῷ, ἐκλείπει τε καὶ φωτίζεται. τοῦτο γὰρ καὶ οἱ περὶ ταῦτα
ἐσχολαχότες φασίν, τοῦτο καν τῇ δημιουργίᾳ κάλλος ταύτη ἀπονενέμηται, 5
ἴνα καὶ τοῖς ἄνω καὶ τοῖς κάτω ἐπίσης ἔστην παραλλάξ ἐμπαρέχη καὶ
φαίνηται.

24. Τεκμήρασθαι σύν καὶ ἐκ τούτων ἡμῖν πάρεστιν ὅτι καὶ ἡ βασιλίς
ώςπερ τὰ καθ' ἡμᾶς παντοδαπαῖς κατελάμπυνε χάρισιν, οὕτω καὶ τὰ
ὑπὲρ ἡμᾶς ταῖς ἐπιβαλούσαις φαιδρότησι προσελήφθη καταφαιδρῦναι. καὶ 10
διὰ τοῦτο ἔδυνε μὲν ἡμῖν, τοῖς δὲ ὑπερκειμένοις ἐπέλαμψεν. ὅσῳ δὲ τὰ τῆδε
τῶν ἔκεινεν ἥλαττωται, λέγειν οὐ δέομαι. ὅμέν γάρ ἔστιν ἵλος — ὁ παρὼν
βίος πρὸς τὸν ἐλπιζόμενον συγχρινόμενος — λάχκος, εἰρκτὴ ζοφερά τε καὶ
ἀφεγγής ἔκεινος δὲ πᾶν τούναντίον, αἰθρία καθαρὰ καὶ ἀνέφελος καὶ μό-
νοις ἀρμόζων ἀγγέλοις καὶ ταῖς μὴ σπιλωθείσαις ὅλως — εἰπερ. τινές ποτε 15
τοιαῦταί εἰσιν ἡ γεγόνασιν — ἡ διὰ μεταμελείας ἐμμελοῦς ἀποσπιλωθείσαι
ψυχαῖς. καὶ τὸ σῶμα δὲ παγίς τῇ ψυχῇ ἄνωθέν τε γενομένη καὶ τῶν ἄνω
ἔφιεμένῃ τῇ δὲ τοιαύτῃ καὶ οὕτως ἔχοντος εὐγενείας καὶ κάλλους τίς
οὐκ ἀν εἴποι ὅτι προσκαλοῦ τὸ τὴν παγίδα μὲν συντριβῆναι, αὐτὴ δὲ ὡς
στρουθίον ῥυσθῆναι καὶ ῥυσθεῖσα πρὸς τὰς ἄνω καλιάς καὶ τοὺς ἀκηρά- 20
τους ἔκεινους λειμῶνας πτερύξασθαι καὶ τῆς ἵλυος τοῦ βυθοῦ ἀνανηζαμένη
καὶ τοῦ βόθρου ἀνελκυσθεῖσα καὶ τῆς φυλακῆς ἐκβληθεῖσα εἰς τὴν ἡτοι-
μασμένην τοῖς δικαίοις ζωὴν μετατάξασθαι. πρὸς ἣν κάκείνη ἐκ πολλοῦ παρ-
εσκεύαστο καὶ δι' ὄλσυ τοῦ βίου ἐχέγγυα ἔστη ἀσφαλῆ τε καὶ βέβαια
τῆς τῶν κρειττόνων ἀπολαύσεως παρεσκεύασε, σωφροσύνη μὲν τὰ τῆς 25
ψυχῆς μέρη τάξαστα καὶ ῥυθμίσασα καὶ χειρούθη τῷ λόγῳ τὴν τῶν ἀλό-
γων ξυνωρίαν καὶ εύήκον καταστήσασα καὶ τῇ δικαιοσύνῃ δικαίως τοῖς
παροῦσι καὶ τοῖς μέλλουσι διαιτήσασα καὶ διάγα μὲν τούτοις πρόσεχουσα,
τὰ πλείστα δὲ τὴν τῆς ψυχῆς πλάστιγγα ἔκείνοις παρέγουσα καὶ φρόνησιν
δὲ τῶν πρακτέων καὶ μὴ πρακτέων διδάσκαλον ἔχυτη καὶ σύμβουλον ἐπιστή- 30
σασα, ἀνδρισαμένη δὲ καὶ κατὰ τῶν ἐκ τῆς σαρκὸς ἀντεπεγειρωμένων τῷ
λογισμῷ παντοδαπῶν κινημάτων καὶ τὴν ψυχὴν δλην πρὸς τὴν τῶν κρειτ-
τόνων ἐπιθυμίαν στομώσασα;

25. Οὗτος ὁ κόσμος, οὗτος ὁ πλωῦτος τῆς βασιλίδος, αὔταις αἱ φερναὶ

1 ἀφερεῖν P.—2 αὐτῷ P, ἔστη E.—3 ἐγκλήματος E || τοῦ κύκλου τῷ ἡμίσει E || ἡμισυ P.—
4 τε οι. E.—5 δημηγόρω E.—8 ἡμῖν ἐκ τούτων E.—10 ταῖς οι. E.—11 τοῖς δ' E.—
12 οὐ δέομαι P, ἐνδέομαι E.—16 μετανοίας ἐμμελῶς E.—19 πρὸς καλοῦ E || αὐτὴν
PE.—20 ῥυσθεῖσαν PE.—21 ἀνανηζαμένην E.—22 ἀνελκυσθεῖσαν E. || καὶ τ. φ.
ἐκβλ. οι. E.—25 σωφροσύνης P.—32 κινημάτων E, αἰνιγμάτων P.—33 στονώσασα PE.

ᾶς οἰκοδένεν τε τῷ νυμφίῳ προσήγαγε καὶ συμβιοῦσα ἔχ τοῦ περιόντος ἐπηύξησε! Προσῳδέτω τούτοις ὁ θεῖος Δαυὶδ τὸ «παρέστη ἡ βασιλισσα ἐκ δεξιῶν σου»^{a)} καὶ τὰ τούτων ἔχόμενα· προσφωνείτω καὶ ταύτη ὁ τούτου υἱὸς τὸ «πολλαὶ θυγατέρες, πολλαὶ βασιλίδες, ἐποίησαν δύναμιν, σὺ δὲ πατῶν (τῶν τε αὐθιγενῶν καὶ ἐπηλύδων) ὑπέρχεισαι»^{b)}. Ταῦτά σοι, ὡς θειο- 5 τάτη καὶ γυναικῶν καὶ βασιλισσῶν, ἐκ γηραλέου καὶ τῷ χρόνῳ ἀπομεμα- ρασμένου λόγου καὶ στόματος, πολλοῦ μέντ' ἀντάξια τῷ εἰρηκότι ἐμοί, εἰ καὶ τῆς σῆς ἀναξίως μεγαλειότητος εἴρητο καὶ τεθρήνητο. ἐπεὶ δὲ οὐ τοιαῦτα, ἀνάσχου καὶ φιλοσόφησον· ἀνάσχῃ δὲ πάντως, ὡς καὶ τὸ ἐπὶ θα- 10 νάτῳ ῥάκος καὶ τὸ τραχὺ μέλαν ἴματιον, ὡς τὴν ἐπὶ ψιλοῦ τοῦ ἑδάφους ἀπὸ τῆς βασιλικῆς κλίνης κατάκλισιν, δι? ἂ σοι ἐπήρθη καὶ τὸ ὑπέρθυρον καὶ τῶν οὐρανῶν ἀνοιγέντων μελαίνα μὲν ἀλλὰ καὶ καλὴ τῷ θρόνῳ προσῆλ- 15 θεις τῆς γάριτος. ὡς οὖν ἐκεῖνα τότε, οὕτω καὶ νῦν τὰς παρούσας καρτερή- σεις φωνὰς οίον τινας εὔτελεστάτας ἐπιταφίους φωνάς.

2 τούτω P. — 3 πριταδίτω E. || τρυτ(α) P. — 5 τε οι. E. || ἐπικλήδων P. — 6. 7 ἐκμεμαρασμένου E. Reliqua desunt in P. — 8 ἐπεὶ δὲ οὖν? — 14 οἰάς τινας E.

a) Psalm. XLIV, 10.

b) Proverb. Salom. XXX, 30.

В. Васильевский.